

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

10/2021

Содержание

ПРОЗА

Михаил КОСАРЕВ. Двоюродная жена, или Восемь понедельников	
Виктора Верижникова. Киноповесть.	3
Михаил ГУНДАРИН. #Песницоя. Повесть.	64
Рашид ЗАКИРОВ. Василька. Рассказ.	92
Нина ЛЕВИНА. Мгновения вечности. Рассказ.	121

ПОЭЗИЯ

Елена ПЕРЕТОКИНА. Танатофобия. Стихи.	59
Владимир БЕРЯЗЕВ. «Над злаковым простором	
Ойкумены...» Стихи.	88
Илья ПЛОХИХ. «...На полдороге из Тамбова в Итаку». Стихи.	116

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай ЗАЙКОВ. «Оттепель». Эпизоды детства. 1957–1961.	
Часть вторая.	131

Народные мемуары

Александр САВЧЕНКО. Под знаком соёмбо.	
Воспоминания советского специалиста.	158

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Константин ГОЛОДЯЕВ. Новосибирск глазами	
Василия Касаткина.	185

Авторы номера.	191
----------------------------	------------

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Михаил КОСАРЕВ

**ДВОЮРОДНАЯ ЖЕНА,
ИЛИ ВОСЕМЬ ПОНЕДЕЛЬНИКОВ
ВИКТОРА ВЕРИЖНИКОВА**

Мужская мелодрама

Киноповесть

Памяти В. Д.

Пролог

1.

Виктор Верижников сидит спиной к окну и смотрит в никуда. Слева от него выдавший виды ноутбук крутит заставку.

Сумерки, но Виктор не зажигает света.

Из прихожей доносится звук открываемой двери. В комнате появляется Жанна, жена Верижникова.

— Ты дома? — спрашивает она.

— А где я еще могу быть? В пивной?

— Прости. Сидишь без света, я и засомневалась.

Непродолжительное обоюдное молчание нарушает Жанна.

— У дверей натоптано. Полуэктовна прямо со своих грядок, как всегда?

— Как всегда, второго числа. Это называется пунктуальность.

Жанна явно хочет что-то спросить, но сдерживается.

Виктор продолжает:

— В общем, как мы и думали, мое красноречие на нее не подействовало. Или платите — или съезжайте с квартиры.

Жанна уходит в другую комнату, возвращается в домашнем халате и то ли спрашивает, то ли утверждает:

— Остается Чернаков?

— Да ни фиги не остается. Хрен Чернаков когда заплатит!

— Но ты же работал!

— Мы уже сто раз это перетирали. Я могу ему позвонить. Но только израсходую последние деньги с мобильного.

— Но мы не можем снова просить Тимку!

— Не можем. Но придется.

— И опять в последний раз?

Странно усмехнувшись, Виктор говорит:

— На этот раз в предпоследний. За этот месяц и следующий.

— Ты что-то придумал!

— Ты говоришь таким тоном, будто нашла у меня пистолет и план банковского хранилища. Придумал — громко сказано. Просто решил согласиться... На то, что, конечно, унизительно для меня... Но кому сегодня такой кадр сорока восьми лет нужен?

— Так кому же? Как-то загадочно. Унизительно... Но через два месяца ты встанешь на крыло... Я же чувствую, тут что-то не так.

— Да все просто. Прошлый год было сорокалетие факультета. Приглашали всех выпускников. Я, понятно, не поехал, ну, ты помнишь. А Пашка Сомов был. Трепло он, конечно. Что-то там напел про мое бедственное положение. А Логунцова... она тоже там была... Сказала, что в любую минуту готова взять меня на работу.

— Та-ак. А она — заочно — уверена, что ты до сих пор ценный сотрудник? А то с мужиками в сорок восемь разные неприятности случаются.

— Перестань.

— Нет, я чего-то недопонимаю. Из ваших, если уж на то пошло, много кто свой бизнес построил. Но ни один твой приятель тебя на работу не зовет. А эта вунмен...

— Торговать курицами или выпекать торты я не гожусь. А она хозяйка крупного рекламного агентства. Значит, ей нужны идеи. А идей у меня полно.

— А она как об этом догадалась?

— Ну о чем ты?! Да я всегда был креативным! Это все признавали.

Мы ж работали вместе.

— Как вы работали, я помню!

— Ну, перестань, пожалуйста. Я же говорю: ситуация дурацкая. В подчиненные к своей бывшей... подчиненной.

— Говорят, старая любовь не ржавеет. А тут еще эта старая моложе меня на три года.

— Бог мой, Жанна! Ну что такое три года — в нашем-то возрасте?!

— В нашем возрасте это граница климакса!

Виктор вскакивает и уходит на кухню. Там открывает холодильник, достает бутылку минералки и пьет из горлышка. В дверях появляется Жанна, ее замечает Виктор. Он выливает остатки минералки в стакан и выпивает залпом.

— Я ей уже написал.

Понедельник первый

2.

Виктор в поезде, сидит у окна. Он выглядит так, как и должен выглядеть человек, проведший ночь в дороге и приготовившийся выходить. Напротив него — попутчица, бабуля из числа любителей поговорить со всеми обо всем, завязывает нехитрый разговор:

— В гости едешь или насовсем?

— Насовсем.

— К родным? Или знакомым каким? Кто у тебя здесь?

— Двоюродная жена.

— Прыткий, стало быть, — заключает бабуля с неожиданным озлоблением. — Мой вот тоже был из прытких.

Верижников невежливо отворачивается и смотрит в окно.

Пасмурно. Мелькание серых стен и заборов промышленно-складского пригорода. Длинную тираду собеседницы Виктор почти не слышит.

— Шоферил, так у него в каждой деревне до райцентра где двоюродная, где троюродная. На том и погорел и здоровья лишился...

В ушах Виктора звучит вчерашний разговор с Жанной.

«— Ты не представляешь, во что хочешь ввязаться.

— Дай мне два месяца! Все войдет в колею.

— Но ведь это переезд. Снова деньги, поиски жилья...

— У них там есть поселок, сорок минут на электричке. Поселок заводской, завод, естественно, умер. Люди оттуда разбегаются. Жилье можно снять за сущие копейки. Прокантуюсь пока. Мне Пашка Сомов один адресок дал...

— Опять этот старый сводник! Ты же говорил: он в Канаде.

— Канада в итоге оказалась Чехией. Но тоже неплохо. Сидит в Карловых Варах, пьет пиво и собирает плату с жильцов квартир, его сыну принадлежащих. А сын — тот, точно, в Канаде. От нечего делать Пашка скайпится со всеми подряд. Рассказал, что сам жил в этом поселке то ли Тимоново, то ли Тимохино, как от второй жены ушел.

— А-а, это такой тематический поселок, да?

— Жан, ну что ты опять?.. Когда упрусь в тупик, надо лезть на стенку или землю рыть. Я не хочу сидеть до пенсии на Тимкиной шее. Да и не выйдет. Он вон жениться собрался.

— Рано ему еще! Жил бы с нами, расходов меньше. А с этой своей... он еще натерпится.

— Вот-вот, материнская ревность.

— Не только!

— Я тоже не в восторге от его... небесного создания. Но это мы не воспитали в нем прагматического отношения к жизни. Дескать, выбери дочь богатых родителей, чтоб с квартирой, с машиной.

— Как ты со знанием дела рассуждаешь! У этой, к которой ты собрался, наверняка и квартира, и машина, да не по одной!

— Бог мой, ну сколько можно!»

Его возвращает в сегодняшний день сигнал локомотива. За окном становится чуть светлее. Поезд катит уже по жилым кварталам.

3.

Виктор сидит в приемной. Хотя он взял с собой минимум багажа, все же излишне пузатый «старорежимный» портфель, как ему кажется, всем бросается в глаза.

Секретарь — во всем, кроме некоторой полноты, стандартная молодая блондинка — явно не в духе. Скорее всего, начальство перед тем, как отбыть, дало ей нагоняй. Щелкая мышкой, она говорит:

— Нет, в расписании на сегодня встречи с вами нет. Александра Константиновна сама составляет шедьюл, я только вношу пометки для себя.

— А когда предположительно она появится?

— Неизвестно. Но если бы вы объяснили, по какому вопросу, я бы могла вас направить...

— Я говорил: у нас была договоренность о встрече.

— Тогда ждите. Хотя Александра Константиновна всегда придерживается расписания.

— Мне вот что пришло в голову: если она сама его заполняла, то скорее всего я значусь там не как Виктор Верижников...

— А как, например? «Юстас»?

— Остроумно. Нет, как-то попроще. Кто там записан на 10:30 или около того?

— Вы серьезно думаете, что я буду зачитывать вам пункты плана?

В двери появляется лохматый молодой человек в дорогом, слегка нелепом — модном, скорее всего, — костюме.

— Марюта! А-Ка на Генке уехала?

— Нет, на своей.

— А Генка тогда где?

— Откуда я знаю! Ой, слушай, она иногда его в свой «порше» за руль садит.

— С перепоею, что ли?

— Нет, для представительности. Ну, чтоб не сама за рулем, а типа большой босс.

— Значит, Генку я не дождусь.

— Да он скоро!

— Ты что — знаешь, куда она поехала?

— Предполагаю. В цех.

— В наш цех — и с такой помпой?

— Я тебе говорю: Генка скоро будет.

Сделав неопределенный жест, лохматый уходит.

Некоторое время секретарша и Верижников молчат. Ей легче — перед ней компьютер. Помаявшись, Виктор достает из портфеля ноутбук.

— Простите, я могу подключить?

Свободная розетка — на стене, в полуметре от него.

— Надо спросить у сисадмина.

— А?.. В общем, понятно.

Ноут Виктора, едва загрузив систему, издает три коротких требовательных писка и гаснет. Верижников засовывает его обратно в портфель, попутно стараясь «сдуть» последний до приемлемых размеров.

Справившись с задачей, он пытается пристроить свой саквояж незаметней возле ножек стула. В это время через приемную быстро проходят Логунцова и две серые личности при галстуках. На пороге своего кабинета Александра Константиновна незаметно для других слегка подмигивает Виктору.

По его лицу против воли расплывается улыбка. Он пытается с ней бороться; впрочем, секретарша не обращает на него ни малейшего внимания.

— Маша! — раздается голос Логунцовой.

Секретарша вскакивает и, схватив давно приготовленные бумаги, заходит в кабинет шефа.

Оставшись один, Верижников быстро подходит к зеркалу, приглаживает усы, берет портфель, кривится и опять запикивает его под стул. Снова садится, стараясь не сутулиться.

Вскоре из кабинета Логунцовой выходят Маша с бумагами и оба галстучных клиента, нагруженные какими-то альбомами, коробками — видимо, образцами. Один из них бессловесно и быстро покидает приемную, второй, напротив, зачем-то пытается попрощаться с Машей за руку. Та дежурно улыбается и поверх плеча гостя говорит Верижникову:

— Виктор Васильевич, заходите.

4.

В кабинете Логунцовой Виктора (вошедшего в итоге без портфеля) встречает обычный офисный антураж: два стола, ряды стульев, стеллажи с образцами полиграфии и сувенирки, аккуратно встроенный в шкаф металлический сейф...

— Здравствуй.

— Здравствуй. Садись. Ты не подумай, я не специально так все устроила. Пришлось тебе подождать. Извини, клиент очень уж перспективный. Но и тугой донельзя. С такими всегда: уже пяткой перекрестишься, что, слава богу, не срослось, не то все жилы вымотает, — хлоп! — на следующий день звонят. Согласны. И начинается. Этим вот непременно производство покажи. Показала. Ушли дозревать. Денег у них — как песку морского. Но растаются с ними трудно. Не из экономии — казна платит, — просто у них на каждую копейку кубометр бумаги надо заполнить. А они ленивые. И бухгалтера у них — ленивые. А юристы у них — вообще полный атас. Высокомерные невежды. Сейчас, секунду.

Александра нажимает какую-то комбинацию на клавиатуре и говорит чуть левее монитора:

— Маша! Меня ни для кого нет. От тебя все должно отскакивать рикошетом. Загружай работой наш славный и к тому же многочисленный коллектив.

— Да, хозяйство, я вижу, у тебя большое.

— Иначе, к сожалению, нельзя. Я не кокетничаю и не хвастаюсь. Не знаю, сталкивался ли ты с этим, но есть железный закон: либо ты растешь, увеличиваешь обороты, набираешь штат — либо обороты падают, ты схлопываешься... Серединки нет. Нельзя так, чтоб пыхтеть тихонечко в одном ритме и денежка в том же ритме капала. Хватаемся за все. Неизвестно, что выстрелит. То волной идет наружка, то сувенирка. Но эти-то останутся. А вот полиграфия припухнет. Одиннадцать лет назад создали сайт, так, престижу ради. Намаялись с ним... Но тянули, сервисы добавляли. Зато теперь! С него — главные доходы. Он скоро нас всех поглотит. Ничего вещественного не станет. Цех закроем, при слове «аренда» вздрагивать не буду... Размечталась. Ближе к делу. Круг твоих обязанностей. Ты должен увлекать заказчика. Не продаваться, нет, не бойся, — продажами занимаются стандартные девочки с сексуальными голосами. А вот на следующем этапе, когда клиент уже согласился обнюхать наживку, — тут ты должен его прощупать и понять, от чего он не в силах будет отказаться. В последнее время страшно модны каламбуры в рекламных слоганах. Тут тебе и карты в руки. Или вот: буквально на прошлой неделе мои безмозглые канарейки упустили заказ. Есть у нас такой деятель — Караваев, — он за границу поставляет тонны экологически чистых продуктов. Клюкву, грибы, орехи... и еще какие-то ягоды, я даже не знала, что они у нас растут. Собирают все это в глухих местах обычные наши селяне и сдают его агентам. И для этих агентов он захотел снять учебный фильм. Сделал бы такой?

— Спрашиваешь. Помнишь передачу с травником Пименовым?

— Фамилию забыла. Но старичка помню. Чем ты его подпоил? Он разболтал буквально все и потом, наверное, с горя повесился.

— Нет, пожил еще. Но убежал на самую дальнюю заимку.

— Так вот, Караваевых двое — сын и мама. У них все патриархально, никаких тебе директоров по маркетингу или там персоналу. На кухне за самоваром все решают. Всюду ходят сами. К нам пришла, как назло, маманя. У нее с моими сразу заискрило. Я потом в меру сил восстановила картину. Девочки с маникюром, прическами, парфюм просто наповал — и что-то щебечут на полуанглийском. Они, конечно, пытались и нечто попроще изобрести, но слов не хватает, а главное — натура не дает. Ну представь: сидит бабуля, на плечах шаль «а ля пейзаж», сзади коса полуседая в старомодную фигушку скручена. Каждую из моих кобыл может купить на три года в полное услужение. Ну как от такой травмы психологической им защититься? Только бабульку дурочкой представить.

— Что, насовсем ушла? Дверью хлопнула?

— Нет, спокойненько так. Что-то, правда, сказала на прощанье. Что именно — не признаются. Или воспроизвести не могут. Надо сказать, словарь Даля — не их настольная книга. А ушла к Какабадзе. Есть тут у нас один, шакалит вокруг крупняков. Ну, настоящий-то крупняк один — мое агентство. Другие — более или менее специализированные, только мы можем все. А он не может ничего, но за все берется!.. Фамилию хоть бы сменил. Женился бы на русской и ее фамилию взял. Нет, он ее, наоборот, всем тычет. «Рекламный консорциум Александра Какабадзе». Я уже заранее знаю: наберет синячков из местных бывших мэтров, сдает таежникам какой-нибудь фуфел!.. Ну да ладно, нам работы хватит.

Логунцова достает сигареты, закуривает.

— Ты, конечно, не приобрел этой пагубной привычки?

— Нет. А тебе зачем? Чтоб руки было чем занять, когда машину ведешь? Во второй, понятно, мобильник.

— Ты язвителен, как всегда. Нет, со мной можно. А вообще — не очень уместно. Юмор ценится, но положительный до легкого идиотизма. И в рекламе, и во внутренней жизни тоже. Не надо все проверять на кислотоустойчивость, нетленки ты здесь не найдешь. Главное — сроки. И градаций всего две: подошло заказчику или нет. Знаешь первое правило мозгового штурма: никакого сарказма и вообще никаких оценок. Идеи кидаются без фильтра, и никто не иронизирует.

— Очень как-то по учебнику. В моде были такие лет пятнадцать назад.

— Представь: это работает. Почти весь западный опыт у нас мимо, но вот это — работает. Сам поучаствуешь — убедишься. Кстати, заранее предупреждаю: некто Антоша ведет себя на обсуждениях ровно наоборот. Но Антоша — это Антоша. Папаня его — наш местный... ну, если с поправкой на областной масштаб — почти что Дерипаска. Он считает, что наследника надо приставить к делу, чтоб понабрался уму-разуму. Однако это плохо получается у того, кто знает, что через год-два-три все равно будет в семейном бизнесе директором по маркетингу. А потом и вовсе бразды к нему перейдут. Но Антоша — парень безобидный, а отец его оказывает нам мелкие для себя и существенные для нас услуги. Так... На чем мы вильнули в сторону? Да, ты у нас будешь ко всему еще специалист по обаиванию престарелых норовистых клиентов.

В кабинет под Машины крики «Ты куда?!» вбегает встрепанный, не смотря на короткую стрижку, паренек.

— Александра Константиновна! Новость надо срочно ставить, подвенадцатого, офисный планктон вышел с планерок и полез в сеть за развлекухой, а у меня заголовка нет.

— А что Козловский? Снова понедельничный синдром?

— Ну да...

— Уволю к чертям!

— Тогда я к вам пять дней в неделю бегать буду. Вместо одного. Прошлый раз вы здорово...

— Не льсти начальству. Что там у тебя?

— В ночном клубе одна телка... прошу прощения. В общем, опрокинула коктейлей семь и полезла на стол танцевать. Почти все с себя сняла. Есть фотка с мобильника: крутится так, что с... эти, в общем, аж горизонтально торчат. Реально забой.

— Новость-то написана? Нормальным языком?

— Нормальным. Даша писала. Это я так, для скорости своими словами.

— Записывай, — вступает в разговор Виктор. — «Напилась до го-лого кружения».

— И что? — Паренек переводит взгляд с Логунцовой на Верижникова и обратно. — Что дальше-то?

— Диктую по буквам для вебмастеров, — с начальственной ноткой говорит, слегка улыбаясь, Александра, — «го-ло-го», пробел, «кружения». Нет, даже так: «До го-ло-во», многоточие, «го-ло-го кружения».

Виктор одобрительно кивает.

— А-а! Прикольно. Нет, это, серьезно, смешно.

— Вот так они и выражаются. И на кого их бросишь, этих детей ЕГЭ?

— Вам, Александра Константиновна, до пенсии и после пенсии надо работать! — заявляет паренек. — Я побежал? А это ваш новый зам?

— Это, — чеканит А-Ка, — наш новый стажер! К сведению Козловского...

Вебмастер быстрехонько ретируется из кабинета начальницы.

— Прости, в интересах дела опять тебе досталось. Разносов не люблю, они неэффективны, нужен режим постоянного поддержания тонуса посредством маленьких уколов. Ты ведь сам мне объяснял, что стимул — это всего лишь заостренная палка для покалывания быка.

— Ты все помнишь...

— Помню, но далеко не все. Очень многое забыла, и без особых усилий.

Чтобы возникшая пауза не показалась исполненной глубокого смысла, Логунцова быстро продолжает:

— Меня даже не из-за этого пьяницы взорвало, себе на коньяк он честно зарабатывает. От его заголовков поседаемость растет, проверено. Меня от мысли о замах корежит. Не везло мне с ними, и теперь уже железно — никаких замов. Один украл семь тысяч баксов и смылся за границу. Второй подставил так, что полгода только на юристов работали. А были еще и третий, и четвертый. На хрен они вообще нужны? Возвращаешься из отпуска — система разбалансирована. А этот сидит довольный. «Ну, теперь и я в отпуск, как договаривались». Плюнешь — и впрягаешься. Ладно, это не по делу. Просто наступил Арсений на мозоль. В общем, об условиях я тебе писала. Все стандартно. Два месяца испытательный срок. Завтра Ан-Пална будет посвободнее, оформит все бумаги. Карина, одна из девулк, в отпуске, а ее клиенты проснулись. Возьмешь их в оборот. Это областной СОБР.

— СОБР, наверное, опечалится, что вместо молодой, красивой...

— У них пресс-секретарь — разведенка модельной внешности. Если приходит в майорской форме, все самцы таращатся, как караси со скорородки. От этих взглядов у нее колени загаром покрываются быстрее, чем в солярии.

— Ух ты! Спасибо за такого контрагента.

— Ну-ну. Кстати, она выше тебя на полголовы. Но рабочим отношениям это не должно помешать. Словом, сегодня тебе день на обустройство. Завтра к девяти ноль-ноль.

— Как тут у вас насчет дрессированных котов?

В глазах Александры лишь на доли секунды мелькает недоумение.

— Дресс-кода как такового нет, но пару раз отправляла людей переодеваться. Так что все в пределах здравого смысла. Моего здравого смысла, дискуссий я не провожу. Ну все, давай, до завтра. А то я и так выбилась из графика.

Виктор поднимается.

— Кстати, как я был обозначен в твоём расписании? А то Маша не могла меня в нём найти.

— «Вера». Я всегда тебя так заносила в свои записи. Для чего-то шифровалась. От парткома, наверное. Всё-всё, мне три звонка надо сделать важных.

Верижников уходит.

Понедельник второй

5.

В большом кабинете кривейторов у каждого есть свое рабочее место, но особой популярностью пользуется общий длинный стол, предназначенный вообще-то для бесед с заказчиками. На одном его конце пьют кофе и негромко разговаривают Антон — тот самый паренек в модном прикиде — и Алиса, яркая брюнетка с тонкими губами; на другом Анна Павловна, кадровичка, к которой ни при каких обстоятельствах не прилепишь современное слово «персональщик», разложила свои бумаги и добивается чего-то от Вержникова.

— Анна Пална! Разрешите явку с повинной: решительно все перерыл, ничего не нашел. Военный билет мой, похоже, утрачен в смуте жизни. Но с другой стороны — зачем военкомату старый подагрик с воинской специальностью, которой не существует уже двадцать лет?

— А какая она у вас?

— Старший политрук.

— Правда? Позвонить им, что ли...

— Помилосердствуйте, Анна Павловна, вы же их в ступор вгоните.

И так понедельник, голова не на месте...

— Да, а ведь вчера вроде был день ракетчика. Или артиллериста. У меня брат ракетчик, а муж артиллерист. Вот они и отмечали. На крыльце песни поют, а я грядки перекапываю. Не дача, а наказание...

— Копать, Анна Павловна, неправильно с точки зрения агротехники. Нужно безотвально готовить почву к посадкам. Для этого есть специальный инструмент — плоскорезы Фокина. Вжик — и внутри все разрыхлили, а поверхность не тронута. Ни водной эрозии, ни ветровой.

— Как вы говорите? Чтоб не забыть...

— Плоскозубы Феина. Легко запомнить. И работать ими легко. Специально ходу не давали этому изобретению. Я вот решил: как заведу себе дачу, первым делом построю сарайку и в ней буду прятать инструмент. И плоскодны Феоктистова в том числе.

— С вами, Виктор Васильевич, никогда не поймешь, когда вы шутите, когда серьезно говорите.

— Так на то и дается испытательный срок. За два-то месяца, поди, раскусите меня. А если нет, то придется мне паковать чемоданы.

Анна Павловна уходит, Верижников пересаживается за свой компьютер.

Антон вполголоса говорит Алисе:

— Вот к кому твоего брата на мастер-класс надо отправить. И будет ему теща не нотации читать, а сама тапочки подтаскивать. Причем теплые, с батареи. К старушкам подход нужен. Ушла несолоно хлебавши, но довольная.

— То, что брат домой вернулся, это проблема номер два. Главное, я ж тебе говорю, маманю как-то... Слишком активно ищет себя. Я от ее сюрпризов скоро неврастеничкой стану.

— А может, ее с Василичем познакомить? Он, по-моему, от жены сюда сбег.

— Что он у тебя — на все руки? Ты его переоцениваешь. Обычный потертый жизнью дядька. В рекламе ни бум-бум, берет одним апломбом.

В дверях появляется Логунцова.

— Привет криейторам! Мне прошлый понедельник у вас понравилось, просторней, чем у меня. Так что прошу всех к столу. Кофе за ним я просила не пить.

Провинившиеся — Алиса и Антон. Первая, скривившись, убирает обе чашки в какой-то закуток, второй, напротив, становится еще более вальяжным и говорит:

— Про криейторов. Помните, Александра Константиновна, у Пелевина...

— Если я скажу: помню, ты что — рассказывать не станешь? Говори уж, пока народ подтягивается.

— Босс приглашает на работу своего старого приятеля. «Кем?» — «Криейтором». — «Творцом, значит?» — «Вот творцы нам на хрен не нужны!»

— Поучительно. Ну что, начнем?

К столу, кто на ногах, кто — катясь на офисном стуле, снабженном, как известно, колесиками, перемещается наличный состав: Верижников, Алиса, Антон, Лиза — девушка чуть постарше остальных, немного гор-

боносая, но при этом белокожая и светловолосая, а также две как будто сошедшие с модных обложек обладательницы уникального имени Анастасия.

— Итак. Тему штурма объявлю позже. Сначала, Настя, которая Коробова, скажи: что там у тебя с «Вуд-мастером»?

Двух девушек различать можно не только по фамилии. Коробова — единственная среди всех — в очках. Сняв их и почесав переносицу, она водружает очки на место и находит нужную формулировку:

— Удалось добиться некоторого прогресса.

— Например?

— Решили, что реклама будет адресована молодежи, молодым семьям. Они активно покупают и снимают жилье, им надо обставляться. Я и предложила такой, отвязный что ли, молодежный стиль. Ну, например, «прикольные прихожие» и дальше в этом духе.

— А они как отреагировали?

— Да как обычно! Типа давай-давай, а мы посмотрим. То есть хотят, чтобы я сначала всё сделала, а потом они скажут: нет, не пробирает, сочиняй заново, с чистого листа.

— А ты не ленись. Сделай, как просят. И переделай. И еще раз сделай. Забуксуешь — поможем. Ты представь: им к генеральному идти. И что они скажут? Прикольные прихожие, а дальше?

— Отпадные отхожие!

Это, конечно же, Антоша.

— Ну вот, Антон сам вызвался тебе помогать. Посидите, сгенерируйте побольше идей, с запасом. А тебе, Настя, задача красиво это все упаковать.

Очки Насти готовы помутнеть от изливающейся из глаз зеленой тоски. Виктор считает нужным сказать нечто ободряющее:

— Из опыта: отвергнутые идеи рано или поздно удастся продать другому заказчику.

— Ну да, к пенсии я их все пристрою!

— А теперь, — говорит Александра, — задача дня. Будем сегодня думать не над какой-то конкретикой, а решать главный вопрос: что делать? Как снискать хлеб насущный? Поясняю: рекламные бюджеты режут. От многих уже слышала. Что-то нужно изобрести новое в нашем ассортименте. Желательно — предложение, от которого невозможно отказать.

Сосредоточенное молчание. Каждый стремится выглядеть более усердно шевелящим мозгами, чем остальные.

— А кому должно быть адресовано предложение? — спрашивает Антон.

— Желательно тем, у кого есть деньги. А у кого сейчас деньги? — подстегивает процесс Александра.

— У ритейлеров. И у девелоперов, — неуверенно произносит Настя вторая.

— Кто это такие? — тихонько спрашивает Виктор у сидящей рядом Лизы.

— Девелоперы сейчас на мели. Продажи встали, — авторитетно заявляет Алиса.

— Ритейлеры — это супермаркеты, гипермаркеты, — так же негромко отвечает Виктору Лиза. — А девелоперы...

— Про них не надо. Раз у них денег нет. А этих мы сейчас обучем.

— Открыть платные курсы рекламщиков? — импровизирует Алиса.

— Вполне, — поощряет ее Александра. — «Стажировка в школе практического маркетолога». Записали, дальше.

— С ритейлерами это не пройдет. У них все свое, жесткая вертикаль, — опять нарушает все правила мозгового штурма Антон. Ему демонстративно не возражают.

— Запустить какую-нибудь акцию на чеках супермаркета? «Вычеркните из чека позицию, за которую, как вам кажется, вы переплатили», — кидает предложение Настя вторая.

— Встроить на сайте потребительскую корзину онлайн? И в режиме реального времени пусть сети соревнуются. Они ведь, кроме дешевизны, других инструментов не видят, — размышляет вслух Лиза.

— Хорошо, но как заставить их за это платить? — задает резонный вопрос Логунцова.

Виктор хочет что-то сказать, но при этом желал бы тишины. Его потянувшаяся вверх рука застывает над столом, на полпути к всем известному ученическому жесту. И как ни странно — он добивается своего. Один за другим все поворачиваются к нему и замолкают.

— Гипермаркеты, как я понимаю, — это очень большие коллективы. Молодежные, с огромной текучкой кадров. Там мощные отделы персонала. У которых постоянно башка пухнет насчет всякого стимулирования. Ну корпоративы, ну мелкие ништяки, скидки всякие. А мы предложим им — конкурс профессионального мастерства. Кто быстрее и точнее поставит-снимет коробку на погрузчике. Кто быстрее и правильнее рассортирует товар. Какой-нибудь фристайл на покупательских телегах.

— А для кассиров — кто больше обсчитает клиента, — вставляет Антон.

— О, кассиры — это самая интересная песня, — ничуть не споткнувшись, продолжает Верижников. — Есть в городе команды КВН?

— Конечно, есть. Вон Антон даже участвовал в студенческие годы, — отвечает ему Александра.

— Пригласить кавээнщиков, пусть напишут тексты от лица тупых, полуглухих, вредных покупателей и пусть потом изображают их перед кассирами. А те, соответственно, должны как-то выходить из положения и при этом держать марку. Это будет самый интересный конкурс! А-Ка Логунцову — в жюри.

— Как монетизировать твою придумку, Виктор Васильевич?

— Агентство выступает организатором этого конкурса, а участники делают взносы. Я думаю, ни одна сеть не откажется. Отказался — и тебя как бы нет в городе. Но оргработы тут...

— Да уж. Антон, ты по-прежнему дружен с Левченко? Чем он сейчас занимается? — спрашивает Александра и поясняет — получается, что для одного Верижникова: — Капитан самой известной нашей команды КВН. В каких-то даже лигах выступали, не в главных, правда.

— Пробует себя в стендапе. Но я думаю, что ребят собрать на такое дело — для него раз свистнуть, — говорит Антон.

— А с папаней он не в контрах? Что не пошел, так сказать, по стопам?

— Нет, тот, наоборот, рад. Отец мой рассказывал. Да я и сам знаю, что если Вована над парой самых мелких ларьков поставить — и то проторгуется. Чердак у него того... продуваемый.

— Антон, ты ведь уже понял ход моих мыслей? Вова Левченко плюс старший Левченко — это почти половина нужной нам конфигурации.

— Да понял я, что опять крайний. Антон туда, Антон сюда.

— Ладно, первое задание мы с тебя снимаем. Так! Что-то я сейчас больше ни о чем другом думать не могу. Поэтому мы совещаловку прекратим. Виктор Васильевич пишет о будущем конкурсе профмастерства пронзительную эпистолу — на понятном торговцам языке. А мы с Антоном в мой кабинет пошептаться. Все остальные планово работают.

6.

Вечером в опустевшей комнате криейторов остаются Лиза и Верижников. Он воюет с принтером, который упорно зажевывает бумагу.

— Виктор Васильевич, вы с ним помягче. Он у нас ласку любит.

— Знаю я эту публику. Не ласку он любит, а сознание собственной значимости. Нормальное желание всякой твари. Но если сразу поставить его на место — потом будет как шелковый.

Виктор без видимого раздражения последовательно вынимает картридж, обрывки бумаги, возвращает картридж, закрывает крышку, нажимает на кнопку.

— Теперь перезагрузимся и деться ему будет некуда.

— Так вы бы послали свой документ Логунцовой в электронном виде по внутренней сети. Показать, как это делается?

— Я должен все прочитать на бумаге. Журналистская привычка. На экране иногда пропускаешь явные ляпы. И шеф, я думаю, тоже предпочитает распечатку.

— Нет, она у нас очень продвинутая, несмотря на возраст! — После небольшой паузы Лиза все же не сдерживается: — Говорят, вы давно с ней знакомы.

— Говорят? Кто? Где-то в городе есть наши общие приятели?

— Помилуйте! Во времена соцсетей мы все в одной деревне. Народ в первый же день полез раскапывать. В самом деле: приглашение на рядовую должность из другого города... Притом, что к персоналу Логунцова относится наплевательски и личности ей не нужны от слова «вообще». Нашли какой-то источник информации, кто-то, кажется, учился с вами

вместе. Потом, как водится, пошли предположения. Она у нас безмужняя, тут поневоле фигура вырисовывается... отчасти треугольная...

— В моем возрасте, — Виктор пытается сохранить юмористический тон, но ему это не вполне удастся, — любые отношения носят характер любовного треугольника: она, он и его капризный малыш!

— Виктор Васильевич! Я, кажется, не требовала интимных подробностей!

— Простите, Елизавета Сергеевна...

— Станиславовна!

— Тем более виноват. Да, Семена и Самуила я сразу обоснованно отбросил, а Станислава не учел. Так вот, простите, что задел вашу скромность.

— Если я была бы на двадцать лет старше, я бы покраснела.

— В общем, факты. Вряд ли можно сказать, что мы вместе учились. Факультет один, но все же я был уже на четвертом курсе, когда она поступила на первый. А вот работать вместе пришлось. На студии телевидения, в редакции новостей. Я тогда был шефом, а она молодым специалистом.

— И вы воспользовались служебным положением?

— Боже, как плоско работает обработанное феминизмом сознание!

— А что такое «харассмент», вы знаете?

— Более того, признаюсь, что мне известно даже значение слова «ритейлер».

— А что же вы прикидывались? Рисовались перед простушкой?

— Склонен к позерству, есть такой грех.

— Виктор Васильевич, теперь уже я готова попросить у вас прощения, так сказать, вперед, но все же признайтесь: что-то было между вами? Успокойте взбаламученную общественность. Ну, ведь было? Иначе отчего и к чему этот рывок в пространстве и времени?

— То есть логика у вашей общественности следующая: будучи шефом, я склонил юную деву... понятно к чему. А теперь босс она, и заманила меня сюда — зачем? Вероятно, чтобы отплатить той же монетой. Хотел бы я посмотреть, как она принудит меня... Я, понятно, еще сопротивляюсь.

— Умеете же перекроить!

Булькает Лизин мобильник. Она тут же читает пришедшее сообщение, и Виктор замечает, что девушка мгновенно покрывается румянцем и даже мочки ушей у нее становятся пунцовыми. Но в глазах при этом бегают веселые искорки и на лице поселяется улыбка.

— Ну, мне надо бежать. Вы уж, пожалуйста, все как надо закройте-выключите. А то А-Ка очень нервно к этому относится.

— Конечно-конечно.

Уже в дверях Лиза вдруг говорит:

— В качестве психологического предположения. Если у нее действительно может быть желание вам за что-то отплатить, то не является ли

это приглашение продуманным, растянутым на два месяца пинком под зад? Простите великодушно за грубость.

Она делает ручкой и убегает.

Понедельник третий

7.

В кабинете кривоторов пребывают в расслабленном послеобеденном состоянии Антон, Алиса, обе Насти и вышедшая из отпуска Карина, одетая едва ли не по пляжной моде. Это и понятно: девушке не хочется отпускать от себя приятные воспоминания, к тому же непременно надо похвалиться замечательным загаром.

— Карин, я провожу мысленный эксперимент, — говорит Антон, — мысленно сдвигаю бретельку твоего топика влево... или вправо... и не вижу там белой полоски!

— Да, мы загорали практически гольшом!

— Вах-вах-вах! — дурачится Антон.

— Боже, мне еще три недели здесь вариться! — вздыхает Настя Коробова. — И потом — я ничего не заработаю перед отпуском! Бонусы будут совсем хилые.

— Заказы скукоживаются, а А-Ка расширяет штат, — вставляет Алиса.

Настя вторая (ее фамилия — Сушко) снимает наушники и вступает в разговор:

— Алис, ну ты ж сама сколько раз говорила заказчикам: продажи падают — вложите в рекламу.

— При чем здесь обычный наш развод? Речь реально о деньгах! Каринка, ты ж поняла, что у нас теперь работает пенсионер?

— Ну, на планерке говорили, что нет какого-то Виктора...

— Это как раз он! За твоим столом сидел, между прочим. Только в четверг ему рабочее место оборудовали.

— Какой он пенсионер, — возражает Антон. — Дядька взрослый, но вполне в своем уме. Интересно бывает послушать.

— Да уж, как завернет что-нибудь! Только Лизавета с ее философской магистратурой понимает, и то не всегда, — резюмирует Настя Коробова.

— Не путай аспирантуру с магистратурой! — тут же поддевает девушку Антон.

— А по мне так один фиг. Это для тех, кто в семь лет начал учиться и никак не может остановиться.

— О чем тут говорить, — пожимает плечами Алиса, продолжая о своем. — Он старше твоих предков, Карина. Он старше Логунцовой. Его как будто разморозили. Ему кажется, что все вокруг ностальгируют, как он сам. Думает, что все его цитатки из фильмов или откуда там

еще — мы должны знать наизусть. А у нас ноль реакции! И все юморит, и улыбка такая добрая-добрая. Как у историка в нашей школе. Тоже, кстати, одевался как попало. Так ведь на психу увезли беднягу в итоге.

Наступает молчание, вызванное, быть может, излишней резкостью Алисиного высказывания. И тут на пороге появляется Верижников.

— Общий привет!

— Здоров, Василич! — отвечает за всех Антон. — А вот это, представляю, — Карина, я о ней говорил.

— Здравствуйте, — тихо и безразлично говорит Карина.

— Ну, у нас и так красота, а стало еще лучезарней!

Настя Сушко улыбается, кося взглядом на Алису. Но та «углубилась в работу». К своему новому месту в углу Верижников проходит как раз мимо Настинного стола. Заметив снятые ею наушники, он на короткое время надевает их... и комически сводит зрачки к переносице.

— Не знал, что молодежь все еще ее слушает. И что-то новенькое к тому же. Нет, ее надо закопать — как топор войны, как порванный в клочки рисунок с детскими страхами, как тело пролетарского вождя, — и тогда у нас воцарятся, наконец, покой и здравомыслие.

Настя видит, что Виктор в хорошем настроении и не прочь побалагурить, но спешит перевести разговор в деловое русло:

— Виктор Василич, Логунцова просила, чтоб как вернетесь — сразу к ней зашли.

— Я ее встретил в коридоре и уже доложил. — Верижников включает компьютер, но тут же садится к нему спиной и подкатывается на кресле к длинному общему столу. — Ее интересовало, как прошла моя встреча. А прошла она на высоком идейно-художественном уровне. Но я вам скажу, и публика в этой конторе!

Очевидных слушателей у него двое: Антон и Настя вторая. Первая Настя тоже решает послушать коллегу и делает полуоборот на своем офисном стуле.

— Представьте себе: трое молодых мужиков. Кто худой, кто толстый, кто лысый, кто кучерявый — и при этом все равно не отличить одного от другого. Как инкубаторские. Надменные. Разговаривают свысока, самомнение прет. Я понимаю, почему шеф туда не поехала, а меня направила. Сначала мы рассчитывали, что они сами к нам явятся. Но те отказались, чтобы, дескать, образцы свои туда-сюда не таскать.

— А что они хотят? — интересуется Настя Коробова.

— А хотят они ролики. Чтоб крутить на экранах в торговых центрах. Дело нехитрое, но эти мачо маринованные... Я им объясняю: для телевидения или для узкой внутренней трансляции — технически разницы нет, затраты на изготовление одни. А они не то чтобы не понимают — им важно на своем настоять. «Мы рынок промониторили...» «Ценник у вас завышенный...» Кстати, по-моему, ценник — это бумажка в витрине.

— Сейчас так говорят, — поясняет Антон. — Если ты настоящий крутован, то просто обязан говорить «ценник».

— Понимаю, слова со временем меняют значение. Вот пятьдесят лет назад в детской книжке наивно так писалось: «Незнайка трахнул Кнопочку...» Портфелем, помнится, по спине. Извращенец.

— Не отвлекайтесь, Виктор Василыч! Как вы их в итоге уломали? — желает поскорее узнать Настя Сушко.

— А никак! Я сказал: наши работы я вам показал, свою концепцию предварительную изложил, порядок цен озвучил. Согласны — договор, предоплата, и начинаем работать. Но в аукционах наоборот — кто меньше запросит — мы не участвуем. И вы сами должны понимать: все, кто играет в эти игры, маржу свою закладывают примерно одну и ту же. А сэкономить хотят на затратах, то есть впрямую на вас. Решайте.

— То есть они еще не согласились?

— Нет.

Настя разочарована.

— А я-то думала, что вы опять всех победили...

— Ну да, не дожал. Красивей было бы сразу вырвать заказ. Но с другой стороны — куда они денутся? Если мозги у них не совсем заплыли.

В кабинет влетает Лиза. Захлопывает дверь (которая обычно всегда открыта), подбегает к своему столу и с сердцем швыряет на него все, что держала в руках: блокнот, смартфон, ручку, заколку для волос.

— Сучка! Сучка! — повторяет она негромко, но явственно.

Никто не уточняет, кто она, эта нехорошая женщина, — видимо, по этому поводу существует давний консенсус.

Волей-неволей всем приходится обратиться к своим мониторам, и только Верижников не торопится вернуться на свое рабочее место: оно вплотную соседствует со столом Лизы, которую лучше пока оставить одну.

Через некоторое время поднимается и подходит к принтеру Карина. Аппарат, по обыкновению, капризничает. Ко всему ей кажется, что застывший в задумчивости Верижников пялится на нее во все глаза. Посмотреть в ее шоколадной фигурке и впрямь есть на что.

— Ну что уставились-то?! — не выдерживает раздраженная девушка. — Женского тела не видели, что ли?

Виктор ни в чем не виноват, но оправдываться не в его стиле:

— Я считаю, что если дама что-то открывает своим нарядом, то не смотреть на это просто невежливо. Надо, наоборот, поощрить. Поскольку ведь старалась, продумывала детали костюма...

Антон за спиной у Карины беззвучно хохочет и показывает Виктору большой палец. Карина, уловив шевеление, оборачивается и совсем по-детски начинает швыряться в коллегу фломастерами из большой стеклянной карандашницы.

Все, кроме Лизы, улыбаются. Чувствуется, что социальный статус Карины в коллективе не очень высок.

Виктор перемещается на свое рабочее место.

— В вашей альма-матер все такие остроумные? — встречает его негромким вопросом Лиза. — Или это передается половым путем?

— Да нет, монополии на сарказм, как видишь, быть не может.

— Извините. Меня все еще плюют.

— Что у вас там состоялось? — спрашивает Виктор, и тоже вполголоса.

— Рабочий момент. Ничего личного, только о делах. Все вроде бы даже обоснованно, с аргументами, почти без грубостей. «Не считай клиентов за тупиц», а еще — «заказчик не должен думать: зачем я не повернул за угол, там бы мне предложили то же самое, но дешевле». И при этом она все — слышите: все! — похерила. Три четверти из этого прошло бы на ура, а остальное как-нибудь уж допинала бы. Но она не дала мне ни малейшего шанса. «С этим нельзя выходить к заказчикам!» То есть сиди, Лизавета, и пили все заново. Смотрит на меня ясным, прямым взглядом, и знаете — не могу отделаться от мысли, что это все просто мне назло. Пусть сроки сорвутся, но чтоб эта получила урок. Но урок чего? Я еще и об этом должна сама догадаться!

— Ну, может, у нее день был неудачный. Женщина — она и в директорском кресле...

— А я кто? Чурбан? Если б она считала меня за чурбан, она б этого перформанса не устроила. Это представление для существа с нервами. Боже, дай мне сил, еще четыре месяца надо продержаться! Кстати, она и ваши идеи зарубила подчистую. Почти всё, что вы мне подсказывали, я приняла и включила. А она говорит, например: «Ну что это за дешевый каламбур: если вам жизнь дорога. Ударение в слогане — все равно что банный лист на жопе. Уместно вроде, но возбуждение спадает». Слушайте, а может, это просто климакс?

— Я же говорю: женское. А ты ей сказала, что я одобрил и кое-где дополнил?

— Нет, конечно. Коль разговор принял такой оборот.

— Напрасно. Надо было сказать. Я думаю, она не была б тогда столь категорична. А то ее немножко понесло...

— Ха-ха, наоборот! Плохо вы ее знаете! Еще бы и вам досталось!

Верижников чешет макушку — откровенно говоря, растерянно.

— Что, вот и вам рикошетом прилетело? Этакое самолюбие у вас... тепличное. А мне каково все это было выслушивать? Сидела как болванчик. Боюсь, что я не кивнула нужное количество раз. Минус два к карме. И минус пять к зарплате.

— Да бог с ним, с самолюбием. Просто хочется разобраться в ее приоритетах. Важнее дело или...

— Дело продвигается строго в перерывах между приступами величия!

— Ну, ну. Зря ты так. Она очень здравая женщина. Но какая-то профессиональная деформация, видимо, имеет место.

Лиза не отвечает. Потом обращает глаза к экрану, берет за мышку и говорит:

— Нет, я сегодня уже ничего не рожу. Буду читать Плутарха. Рекомендую: «Застольные беседы». Они гораздо интересней всех этих его жизнеописаний.

8.

Верижников приоткрывает дверь приемной, видит там Машу и никого более.

— Юстас — Алексу. «Птенец в гнезде»?

— На месте, Виктор Васильевич. И одна. — Секретарша сегодня в настроении.

— Надо отвечать: «Бабушка приехала», — входя, наставляет ее Виктор.

— Что вы! За это сразу расстрел. И все, в списках не значишься. Надо ж понимать специфику. Вы все детство сидели в кино и в шпионов играли?

— Ну это ж гораздо интересней, чем в тимуровцев. Зайду?

— Попробуйте.

— Александра Константиновна! — громко произносит Виктор на пороге, но, войдя в кабинет и закрыв дверь, несколько меняет тон: — Ты не очень занята? Отниму две минуты?

— Давай. Заодно, раз уж зашел, скажу: дизайнер на тебя жалуется. «Непроработанное техзадание».

— То есть? Я указал все, что принципиально. А в остальном — простор для творчества. Все равно же сделает по-своему.

— Ты серьезно не понимаешь, в чем тут дело? Так знай, извини уж за менторский тон, что современные молодые, прости господи, труженики имеют единственную доминанту в работе — лень. Если он проявил инициативу и все сделал по-своему — то лишь оттого, что так было проще. И тогда он горой будет стоять за свободу творчества — чтоб не переделывать. А когда ты изначально даешь ему эту свободу — ему лень придумывать. И он обязательно вспомнит, кто тут криейтор, а кто простой исполнитель.

— А если криейтор ему такого насочиняет, что его лень икать начнет?

— Тогда он скажет, что это технически невозможно либо что это «сельпо», то есть образчик деревенского, позорного дизайна.

— А что ты их не приструнишь?

— Давай я буду заниматься своими делами, а ты — писать подробные техзадания. Идет?

— Что ж, ты умеешь предложить компромисс.

— Ну ладно, это были не твои, а мои две минуты. Скажи, зачем зашел. Что-то про утренних ребят?

— Нет.

— Я, кстати, им написала. Извинилась, что не смогла быть сама, спросила, есть ли ко мне вопросы.

— Зачем?

— Чтобы подсказать им вариант, сделать намек на более гибкие условия. Меня совершенно не убедила выбранная тобой стратегия.

— Зря ты. Не надо выказывать им нашу заинтересованность. Эти будут нагибать, пока гнешься. Надо сразу обозначить предел.

— Виктор Васильевич, давай... в общем, выше я уже выразилась на эту тему...

— Понял. Очередной компромисс.

— Еще одна минута моя. Ну теперь уж точно две твоих. Я слушаю и не перебиваю.

Виктор молчит.

— Чего-то я, наверное, не догоняю, — говорит Александра. — Чтобы Виктор Верижников и не мог с ходу сформулировать...

— Да как-то диалог наш пошел... В общем, хотел составить разговор, но его итоговая фраза с твоей, естественно, стороны мне стала заранее известна. Более того, она уже прозвучала.

— То есть когда ты шел сюда, в тебе еще теплилась надежда? А потом ты резко понял, что низовая общественность права, и я, конечно же, деспот и самодур? Постой-ка, постой! Все сходится. Ты не очень прислушивался к низовой общественности, пока к ней не присоединила свой голос наша интеллектуалка Лизавета Станиславовна. А она, понятно, отыгралась там перед вами на ведьме! За сегодняшний урок. Так развивались события?

— При чем здесь ведьма и прочее?! Она просто пришла подавленной.

— И ты решил вступить за падчерицу перед злой мачехой? А в качестве козыря в рукаве нес факт, что я зарубила не ее, а твои идеи? Ты думаешь, я не поняла, откуда взялись ее ар-р-ригинальные предложения? Поняла сразу. Хоть мелкотравчато, конечно, и наспех, но... Видно руку мастера. Только вместо того, чтоб опекать эту «бедную Лизу», эту Золушку рекламного цеха... — Александра понимает, что заводится, и стремится взять себя в руки: — Словом, в качестве резюме. Хочу тебя предостеречь. Не в дисциплинарном плане, не подумай. Тебе сейчас опасно обольщаться. Это твои возрастные риски. Ты не должен заблуждаться насчет современных девиц. Ничего в них тургеневского. И хоть я не обязана давать тебе отчет, расскажу всю предысторию, и ты многое поймешь. Три года назад пришла она к нам устраиваться. Сразу честно предупредила, что в заочной аспирантуре. О'кей, говорю, мешать не стану. Работать будешь меньше других, но и получать, конечно, меньше. Мне дрязги в их женско-творческом коллективе не нужны. Теоретически считается, что никто зарплату другого не знает. Но это всегда как-то выплывает. Поэтому вот так, на берегу договариваемся. Все шло неплохо. У нее было несколько удачных проектов, бонусы вполне пропорциональные... Но потом ей как-то стало казаться, что работать за такие деньги она должна поменьше и полегче. Появилась у нее эта хитрая манера — всегда дотягивать до последнего дедлайна. Раскусила, что у края клиент сговорчивее. И пошла банальщина, которой все вроде бы довольны.

— Ты же сама говорила: критериев всего два, принял заказчик или не принял.

— А в следующий раз он придет?! Вот о чем надо думать. Причем мне думать, ей-то по барабану. Мне думать, а с нее спрашивать! Я понимаю, что невозможно рожать шедевры на конвейере. Но ты хотя бы

для заказчика сделай вид, что нашла изюминку. Пусть это не изюминка, а жареный таракан, но ты обставь его как изюминку! Что ж одним пресным тестом людей кормить. Вот я и распушила ее. Да, отчасти с перебором. Это превентивно, так сказать, авансом. Но она авансом мне столько херов в спину запустила за мою доброту, что, считай, в расчете.

— Ну нет, она не злоязыкая.

— И вот он опять будет рассказывать *мне!* Про девицу, которую понял с первого взгляда, пронизательный наш! Спустись на землю! Я поневоле их вижу насквозь. У меня дочь семнадцати лет. И хотя не такая оторва, как эти, но иной раз просто столбом застываешь! Давно уж поменялись женщины в русских селеньях. Любая из них — коня на скаку... матом остановит! — Пауза. — В общем, я не добиваюсь, чтоб ты рвал на себе волосы и стenal: «Ах, какой я был наивный!» Но все же прими к сведению и постарайся... Опа! Твои мачо ответили.

Логунцова щелкает мышкой, читает, и лицо ее сереет.

— Что они? — не выдерживает Верижников.

— Сообщают, что уже разместили заказ в другом агентстве.

— Резко.

— Наверняка у Какабадзе!

— Да почему тебе сразу кажется, что это он? Не Иванов-Петров-Сидоренко-Раппопорт, а именно...

— Я кожей чувствую! Это ты сразу полез с мужиками понтами мериться! А он умеет. Соглашается со всем. Льстит. А потом выторговывает себе свой гешефтик. Сама однажды видела.

— А может, и к лучшему, что эти перцы отказались. Очень уж неприятные...

Логунцова мгновенно взвывается:

— Приятное времяпрепровождение называется хобби! А не работа! И размышлять за меня не надо! Сама только этим и занимаюсь. Вот что, Виктор Васильевич, я думаю, вы не всех еще заказчиков распугали своим гонором — поэтому вам есть чем заняться. Идите.

9.

Возвратившись к себе, Верижников застает на рабочем месте одну Лизу.

— О! А где народ?

— Так разбежался. Восемнадцать пробило. Вы от Логунцовой?

— Нет. У дизайнеров был, техзадание конкретизировал.

— Значит, восприняли мое предупреждение, что вам самому достанется, если пойдете защищать свои каламбуры? Она у нас на расправу скоро.

— Обычно добавляют: но отходчива.

— В таком случае она не обычная. Отходчивости в ней как раз не просматривается.

— Ну, мне-то электричку ждать. А ты что сидишь?

— Сигнала не было.

— Понятно.

— Знаете что, Виктор Васильевич... Вы не удивляйтесь, но я при народе буду время от времени говорить вам «ты». Будто бы проговариваться. Пусть А-Ка думает, что мы в отношениях. Ей будет лишнее шило в задницу.

— Ты думаешь, ей есть дело до всякой такой ерунды?

— Ей до всего есть дело! Кто-то из наших классиков молчать никак не мог. А Логунцова не может просто мимо пройти. Как тот парень мимо тещино дома. Все надо как-то отреагировать, и не просто языком, а продуманными ответными мерами. Забавно видеть, как крышка на ней подпрыгивает.

У Лизы булькает мобильник. Она опять против воли покрывается румянцем и заметно веселеет.

— Сигнал? — подмигивает Верижников.

— Сигнал. Ну, пока. Не скучай, Витя, завтра увидимся.

— Чудной сегодня вечер. Ты мне сказала в первый раз «ты», а Сандра, тоже впервые, — «вы».

— Сандра?.. Красиво. Не приходило в голову... Красиво звучит, очень нежно и как-то... возвышенно, что ли. Так вы все же к ней ходили?

— Неважно. Беги.

Понедельник четвертый

10.

Время обеденное, и в большом светлом кабинете с приоткрытыми по случаю хорошей погоды окнами Виктор один. Он сидит за большим столом перед своим стареньким ноутбуком, а на голове у него — наушники с микрофоном.

— ...Да, это наш офис. Обед сейчас, обед, час разницы во времени, не забывай. Так что я один. А не мог я с тобой вчера связаться, потому что Яша не заплатил за интернет. Нет, нельзя давать ему денег, ибо у него очередной цикл. Зря ты, мне не предлагает, я сразу сказал, что у меня поджелудочная. Что ты вздрагиваешь — нет, конечно, я просто так ляпнул. Ну, понимаешь, если б я сказал «печень», Яша принял бы за отговорку. Дескать, не уважают Яшу-простоквашу. А поджелудочная — нечто уважаемое и неприступное. При больной печени на нее можно по важному поводу и наплевать, а поджелудочная... Кто ее знает, может, сразу с копыт. Нет это не я придумал, это раньше, он сам объяснил: с похмелья пьет простоквашу. Там самый целительный градус, полтора, что ли, процента. А наш народ в кафешку ходит, тут через дорогу практически. Нет, со мной все в порядке, я просто пока еще в режиме экономии. Да, аванс был, но, понимаешь, аванс — это ползарплаты, а сама зарплата маленькая...

Виктор замолкает и даже слегка откидывается в кресле, не отрывая взгляда от экрана. Руки сцеплены на животе в замок — известная поза философского раздумья.

Через некоторое время, качнувшись вперед, к ноутбуку, он продолжает:

— Если б ты дослушала, этих вопросов и восклицаний можно было избежать. В общем: все хорошо. Все по плану. Главный заработок вполне логично запрятан в премиальные. Да, она прирожденный руководитель, как-никак полковничья дочь, но это не ее изобретение. Это повсеместная практика в подобных конторах. Подойдет время зарплаты — и я стану вполне платежеспособным. Не знаю сколько. Система есть, система прозрачная, я просто не подсчитываю из чистого суеверия. В общем, когда я позвоню тебе по мобильному, а не по скайпу, значит, я уже Крез. Да и сейчас у меня все хорошо, просто расход непредвиденный случился. Ерунда, ничего страшного. Зуб мой, помнишь? Вернее, ползуба. В четверг достал меня. Пошел вырывать. А там такие все, блин, вежливые-заботливые. Нет, говорят, рука у нас не поднимается. Корень здоровый, вырвать — остальные шататься начнут, а вам это надо? Ну ты же знаешь, когда со мной без наглости и на логику давят — не могу на своем очень уж сильно настаивать. Короче, вместо полутора выложил пять тысяч. Залечили. Коронку поставили. Да, блестящую, солнечных зайчиков можно пускать. Придуриваюсь, не видно ничего. Если не зевать. Значит, я, по-твоему, имею привычку ржать, как лошадь? Нет, нисколько не было больно, все на высшем уровне. Прогресс сильнее всего вдарил именно по дантистам. Все не так, как в дни нашей молодости. Не знаю, была ли, как говорят, в советское время карательная психиатрия, но вот карательная стоматология точно была. Ну вот, хоть немножко я тебя развеселил. Ладно, хватит обо мне, сижу без НЗ, но все под контролем. Как там Тимка?.. Да, да, разумеется, но мне он ничего толком не ответит, а ты умеешь извлекать из него информацию. Ну, работы много — это нормально. А вот «и вообще» — настораживает. Боюсь, это... Ты тоже так подумала? Перепилит она его, легковесностью своей и перепилит. Как говорил Евгений Таманцев, чердак у нее слабо меблирован — на мой вкус. При чем здесь это, я же про Тимку... Боже, опять ты за свое... Да, именно, тут кругом одни молодые интеллектуалки, горячие, голенастые и доступные! А их предводительница — самая умная и самая горячая. Жан, ну что ты опять?..

11.

В полумраке кафе за низкими столиками обедают Антон, Алиса и Настя Сушко. Хозяева заведения постарались: любой намек на «рабочий будень» остается за порогом мягко освещенного уютного зала с глубокими кожаными диванчиками вместо стульев. Звучит тихая нейтральная музыка, разговоры офисного планктона за соседними столиками сливаются в рокот далекого водопада...

— Напрасно, напрасно Василич отказывается составить нам кампанию, — говорит Антон. — После наших пыточных кресел просто посидеть полчаса на мягком — уже отдых. А еще закусить немного — так вообще жить хочется.

— Он говорит, — вступает Настя, — что работать надо, пока злой и голодный. А как поел — сразу на диван потянет, помечтать, а то и вздремнуть.

— Ну ладно Антон, он жизнь видит из окошка своего таунхауса поверх красной крыши своего «рейнджровера». Но ты-то, Настя, ты тоже, что ли, не понимаешь? Экономит Василич ваш. Экономит — и все.

— Да зачем ему экономить? — идет в наступление Антон. — Это тебе все время кажется, что в таком пиджаке ходить нельзя и он мечтает его сменить на модный блейзер. А он прекрасно себя чувствует и плевать хотел, как выглядит. Во всяком случае, на моду он точно плевал. О, слушайте, веселую историю рассказал мне однажды. Я, говорит, тридцать лет ношу галстуки. И при этом лет двадцать восемь их вообще не покупаю. Галстук и есть галстук, что ему сделается. А вокруг — мода. А что такое мода в галстуках? От узкого длинного к короткому широкому и обратно. Встречаю, говорит, знакомого. Давно не виделись. «Чёй это ты как колхозан? Сейчас такие не носят!» Это знакомый ему. Через три года в том же галстуке встречает того же знакомого. «О! Какие мы модные! Ты с чего это в пижоны записался?» Ну, говорю, Василич, ты прям Диоген! Или кто там. Киник, одним словом. У нас в кавээнее шутка была: «Не выбрасывайте сломанные часы! Даже стоящие часы дважды в сутки показывают время правильно». Так вот — ровно про тебя.

— Зачем ты так с ним? — тихо говорит Настя. — Он же все-таки старше.

— Да нормально он реагирует. И надо мной прикалывается. Я тоже не в претензии.

— Экономить ему есть прямой резон, — продолжает о своем Алиса. — Не забывайте, он же на испытательном сроке. Да, вроде показал свою нужность, но знаете ведь, как у Логунцовой: сегодня ты молодец, а завтра «до свидания». Она в последнее время Лизаветой недовольна, а Василич ваш с ней того... сблизился. Вот и может вылететь заодно.

— Как заодно? — недоумевает Настя.

— Как бывают заодно взрослые мужчина и женщина! Ты, Настя, ей-богу, как без глаз.

— В смысле? — присоединяется Антон к недогадливой Насте.

— Да они каждый вечер остаются вдвоем, последние всегда уходят.

— У него электричка поздно, — лепечет Настя.

— Дело не в электричке. На электричке в номера не катаются.

— Какие номера?

— Настя, говорил тебе: прочитай «Двенадцать стульев», а то не сможешь разговор поддерживать. Но, Алис, ты, по-моему, спешишь. Что-то там, конечно, наметилось...

— Что я — неважно. Важно, что у А-Ка тоже глаза-уши есть и она с вами консультироваться не станет. Не успеешь, Антон, ты ей задумчиво сказать: «Спешишь, старушка». Хлоп — и нет обоих.

— Но почему? — Настя переживает, как будто несправедливость уже произошла.

— Потому что есть такое бабушкино слово: «шашни». А-Ка не терпит, чтоб у нее в коллективе заводили шашни.

— Значит, ты поэтому... — начинает Антон.

— Нет, не поэтому. Может, я еще переменюсь, подожди... если будет желание ждать. Но не поэтому, а почему — долго объяснять. Ты такой лаки-лаки, даже лаки в кубе, а я... поверьте уж на слово, рассказывать все равно не буду... я жизнью битая, а это, знаешь, налагает... В общем, Настя, не забывай, это все случайно забрело в наш разговор. А говорили мы про то... В общем, я уверена, что Лизка... Ну она ж такая, искательница... Чего ищет — сама не знает.

— Но он ведь старый...

— А этого мы с тобой не знаем. Это мы у Лизаветы должны спросить, старый или в порядке. И потом, Настя, между нами, кто его, в кресле сидящего, сзади обнимал и свои округлости — у тебя четвертый номер или третий? — ему на загривок возлагал? Если старый?

Настя густо краснеет.

— Я думала, никто не видит.

— А никто и не видел. Кроме меня. Но я не болтушка. Даже Антону ничего не сказала — видишь, как он глаза таращит.

— Ну вы даете, девки. Извините за «девки», вырвалось.

— И за «даете» тоже извинись, — хихикает Алиса.

— Вот как раз потому что старый... На меня тогда и нашло. Ну вы представьте: молодой мужик — а я на него вешаюсь. Ну, не про меня это, согласны? А он... Он как отец. С ним поговорить можно. Он вроде все пошучивает, но столько советов мне дал дельных. И главное — не свысока, по-доброму всегда. Я ему говорю: в людях часто ошибаюсь, как мне научиться понимать... Что людей толкает сказать или сделать гадость? Может, почитать книги какие? Толстого, Достоевского? Он говорит: прочитай, конечно, только там свой мир. Они вокруг собственных комплексов топчутся. Можешь не читать Толстого Льва, все про него сказал Толстой А-Ка. А-Ка, смешно, я запомнила...

— Так что сказал-то? — не выдерживает Антон. — Или забыла?

— Помню. «За то люблю меньшую братию, что ей колю аристократию». Ну, он объяснял все, здорово так, понятно, только я не повторю. А для жизни, говорит, усвой лагерный, но великий принцип: не верь, не бойся, не проси. Кто бы раньше мне это сказал...

— Тебя послушать, так я первая к нему на колени забраться должна была. У тебя отец в наличии, а мой как мамане ручкой сделал — так двадцать лет уже откуда-то из Монголии открытки шлет.

— Нехорошо про отца, но раз уж у нас сегодня игра в откровенность... Он все искал себя. Мотался по стране, деньгу зашибить пытался.

Везде, ровно везде, его если послушать, с несправедливостью боролся. А как успокоился, дома осел — так в православие ударился. Я его понимаю, он «афганец», это даром не проходит. Но мне он трех слов не сказал взрослых. И не баловал никогда нас с братом. Но брат — это брат, мужик, а я — как заброшенная вечно. Года три всего, как плакать без причины перестала...

— А с... прости, пожалуйста, но важно. С парнями у тебя как? — неожиданно серьезно спрашивает Антон.

— С парнями все хорошо.

— Честно говоря, я не сомневался. При твоей внешности. Но все эти детские переживания иногда здорово сказываются.

— Ты не слышал, что ли: три года уже у Насти все в порядке.

— Ну, не три. Не хочу об этом, — говорит Настя.

— Настя! — К Антону возвращается его обычный полунасмешливый тон. — А когда ты Василича обнимала, он как себя вел?

— Спокойно.

— Во мужик! Кремень! Но он был неправ. С моей точки зрения.

— Да ладно тебе! Все об одном, — говорит Настя. — Нет, Антон, мы все тебя очень любим, но ты какой-то очень свойский... Вроде как одноклассник.

— А девочки всегда на старшеклассников засматриваются, да?

— Иногда даже на учителей, — вставляет Алиса. — Вставайте, негры. Солнце еще высоко.

Понедельник пятый

12.

Все тот же рабочий кабинет криейторов. Конец рабочего дня, в офисе уже нет обеих Насть и Елизаветы. Да и Карина, собственно, топчется в дверях, но не решается уйти.

— Ну вот как назло, только я уйду — она появится.

Детские Каринины огорчения здорово всем надоели. Но Антон великодушно поддерживает разговор, несмотря на то что пальцы его безостановочно бьют по клавиатуре:

— Закон жизни. Но если ты его понимаешь — то что же тебя останавливает? Прими неизбежное.

— А-Ка могла забыть. И завтра сцену устроит. Скажите ей, что у меня экзамен и что я ее предупредила.

— Скажем. Скажем так: ты, конечно, старушня, забыла, так вот, напоминаем — у Кариночки экзамен. И ты ей разрешила отсутствовать до полного нервного восстановления. Первая пересдача?

— Вторая! Чтоб он сдох!

— Речь явно про Борисыча, — проявляет осведомленность Алиса. — Логику сдаешь?

— Логику. А ты как ее сдала?

— С первого раза. Правда, он моложе тогда был. Жарко, лето, я лифчик не стала надевать. Пардон, если кого-то шокировала. Специально ручку уронила, наклонилась за ней. Покраснела.

— Неужели? — вставляет Антон.

— Если надо, я умею. В общем, он меня не слушал, а следил за сосками под блузкой. Очнулся, только когда я замолчала, и, как честный человек, поставил мне «четыре».

— Да ни фига это не работает! — раздраженно восклицает Карина. — Девчонки прошлый раз как только не выкаблучивались! А всех на персдачу.

— Ну это понятно... — начинает Антон, но потом внезапно поворачивается к Верижникову. — Василич, а что это ты молчишь? Я сейчас чуть традиционный твой текст не начал произносить.

— Мой старый процессор не справляется с многозадачностью. Так что давай, а то я тут маракую и нить разговора совсем упустил.

— Кариночка, все ведь понятно. Твои подружки перестарались, и прохвессор захотел их прелести увидеть еще разок.

— Да, — подхватывает Виктор, — можно сказать, что они прошли и первый, и второй тур кастинга. И вышли в финал.

— Карина! — продолжает дурачиться Антон. — Вот это логика в чистом виде! Как перевернул! А ты говоришь: зачем мне она в жизни. Василич, а ты-то логику сдавал в свое время?

— Это вы ее сдавали. А я не только сдавал, но — изучал. «Все люди смертны, Сократ носит боты, следовательно — Сократ подвернет боты».

Антон от души хохочет, Алиса и Карина столь же искренне недоумевают.

— Ладно, пошла, — говорит Карина. — Надо еще почитать. И про Сократа вашего, не к ночи будь помянут.

Карина уходит, трое оставшихся возвращаются к своей работе.

Первая «завязывает» Алиса. Она выключает компьютер, вздохнув, прибирает чашки, опять забредшие на большой стол.

— Где тут кнопочка «сэнд»? Йес! — сам себе, но громко говорит Антон. — Я все сделал, я все успел, я все послал. И теперь с чувством исполненного долга...

— Чувство долга живет в тебе только в единственной форме — в форме исполненного долга. И недолго, — дружески цепляет его Верижников, который все еще в работе.

— Я оценила, — внезапно сообщает Алиса. — Я не люблю каламбуров, это все мужские побрякушки, но этот оценила.

— Спасибо, Алиса.

— Подбросить тебя? — спрашивает ее Антон.

— Давай вместе поедем к Сашке Мыльникову. Он пейнтбольную команду сбивает...

— Ты рассказывала уже.

— Так вот, сегодня последний сбор. Не приедем — он наши места кем-нибудь займет.

— А оно нам надо?

— Постреляем, побалдеем. Ну, не сегодня, понятно. А сегодня мерки будем снимать, снаряжение заказывать. Антон, ты пойми: я матери затираю, что работы много. Соответственно, должна являться поздно, усталой, трезвой и с недовольной мордой.

— Да уж... Нет, поздно, усталой, даже трезвой — это я могу обеспечить. Но морда будет довольная...

— Ты какой-то в последние дни... как это? — галантный стал. Неужели папаня мораторий на женитьбу отменил? Ладно, расслабься, я не набиваюсь. В войнушку будем играть или нет?

— Ладно, поедem. До завтра, Василич!

Они уходят.

А Верижников продолжает не шутя работать.

Именно в этот момент в кабинете появляется Логунцова.

— Привет! Один?

— Как видишь. Вечер добрый. Ты что сегодня — во вторую смену?

— Гнала, хотела хоть час рабочего времени захватить. Но на въезде в город — черт знает какая пробка.

— А где была-то? Никто не в курсе. У народа от отсутствия летучки ломка.

— Вот и хотела на часок штурм объявить. Разбежались, поди, раньше времени?

— Нет, только после отбоя. Антон с Алисой вообще с тобой едва разминулись.

— А ты чего? А, у тебя электричка.

— У меня — флеш-рояль. И электричка, и паровозы с тепловозами.

— Лабаешь дедушку?

— Да, паровозника нашего. Старикан, конечно, замечательный, мне б его здоровье. В седьмой раз между делом пишет, что именно он в шестьдесят пятом году перевел здешнее депо на электрическую тягу, а ордена за это получили другие. Какие еще новые слова и обороты для описания сего эпохального подвига подобрать, я не знаю. А выкинуть нельзя, все мемуары ради того написаны.

— Нет, конечно, выкидывать ничего не надо. Книга должна получиться толстой, чтоб столешница прогибалась. Ты уж постарайся.

— И так уже третью тысячу тонн словесной руды отгружаю.

— Выхлоп от книжки будет небольшой, но главное — чтоб другие недооцененные отставники возбудились и в очередь к нам встали.

— Презентацию надо устроить.

— Да, все честь по чести. Ты что не спрашиваешь, куда я моталась?

— Как раз таки спросил.

— Значит, пропустила мимо ушей. В общем, двести пятьдесят туда, двести пятьдесят обратно, два часа переговоров, а все, похоже, зря. Есть у нас в области спиртзавод загнувшийся. И ликеро-водочный при нем в одном флаконе.

— Это надо постараться. Я в том смысле — что все же спирт, а не валенки.

— Угробить все можно. Но! Нашелся дядька один, в возрасте уже. На зерне поднялся. Прикупил эту рухлядь. И будет возрождать марку. Она, надо сказать, у нас ценилась. То ли местный патриотизм, то ли верили, что у селян тямю не хватит водку бодяжить.

— Наверняка не хватило! Потому и загнулись.

— Дело прошлое. А вот сейчас — как ему на рынок воткнуться? Рекламирывать спиртное нельзя. Проблему он понимает, но оставляет на потом. А я говорю: потом поздно будет.

— Погоди, а зачем ты к нему, а не он к нам? Областной центр все же.

— А потому, что безвылазно торчит на заводе. Там линию монтируют в две смены. Ему кажется, что главное — качество.

— Как он ошибается! Но не будем пока разубеждать — ради собственного здоровья.

— Ну-ну. Твои шансы пересечься с его продукцией — минимальны. Ты вспомни эти ряды, полки, полки. Кстати, ты как водку выбираешь?

— Стыдно признаться, но я сноб. Прозрачного не пью.

— Да, богатые тоже плачут, а у прочих свои причуды. В общем, толкли, толкли воду в ступе. Пункт один, говорю: бутылка и этикетка. «Нет, бутылку нестандартную я не потяну». Хорошо, пусть так. Пункт два: нужен ветер в паруса. Организованный и нужного направления. Рестораторы, спрашиваю, есть знакомые? «Нет». Значит, надо работать. Мы готовы, но тогда договор и прочее...

— Рестораторы, даже по знакомству, такой дисконт потребуют... Вот где надо порыться — банкетные залы. Куда клиенты приходят со своей водкой. Администраторы за долю малую будут подсказывать: дескать, прекрасный продукт без торговой наценки.

— Хорошая идея! Только все зря. Не пронять нам его. Мужик здравый, но без полета. Доминанта — прижмистый. Разорится, но сэкономит. Идеальный клиент для Какабадзе.

— Бог мой! Опять эта черная тень на стене! Извини, но похоже на психоз. «Придет серенький волчок и ухватит за бочок!» Или... — Виктора посещает догадка. — У тебя с ним что-то было? Либо намечается?

— Нет, что ты! Он на четыре года меня моложе, чтоб ты знал. Выглядит, правда, солиднее. Благородная седина, импозантный такой. Ну, грузин, одно слово. Нет, какие там амурь! Мне надо полгода в спортзал походить, в порядок себя привести. Чего веселишься, я что-то не то сказала?

— Нет, ты уж, пожалуйста, разъясни мне все про этого персонажа девичьих грез с производственным оттенком. А то все время на него натыкаемся, как на бревно-топляк.

— Ты-то с чего натыкаешься? Это мне он регулярно ущерб причиняет. Впрочем, изволь.

Сандра некоторое время массирует себе веки.

— Понимаешь, он умеет единственное, чего я никак не умею и уже не научусь. Он умеет говорить с «ндравными» клиентами. Для меня «нет» означает «нет». А он умеет торговаться, заискивать, хватать за ру-

кав, демпинговать — и все это с царственным видом. Я думаю о том, как сделать дело. Задача — поиск решения — результат. Естественно, это будет иметь свой денежный эквивалент. А он думает, как забрать заказ. А там — хоть трава не расти. Никаких идей, выдумки — ничего не надо. Убеждать заказчика, приподнимать его над текучкой — зачем? В самом крайнем случае можно сказать: «А что ты хотел за такие деньги?»

— Ой, что-то много сердца в твоей сатире. Я думаю, тебе уже завтра надо оформлять абонемент в тренажерный зал.

— Ля-ля-ля! Ты мне еще мораль прочитай! — Логунцова говорит это, ни капли не раздражаясь. — Или по старой памяти ревнуешь? Помню, Элка просто кричала на меня: «Не позволяй этому женатику устраивать тебе сцены!»

— О, Элла Львовна! Работала потом у меня лет шесть.

— У тебя? Где?

— Ну, я же руководил телекомпанией. Частной. Лучшей в городе. Золотое было время! Вовсю выборы, а телесуфлер только у меня, один на всю область. Кандидаты в очередь к нам давились. Они ж тупые все и косноязычные. Вот уж Элла их строила! Любо-дорого. За их же деньги.

— А что потом?

— Потом сошлась с каким-то прощельгой и уехала с ним во Владик.

— Нет, а у тебя что? С телекомпанией?

— А у меня все просто. Дефолт так напугал инвестора, что он все оборудование распродал и рванул за границу. Одним махом — сорок человек на улице. Вот с тех пор я и покатился по наклонной плоскости. Как стареющая куртизанка с квадратной жопой. Ладно, не будем об этом. Вернемся к твоему принцу. Выходит, у него есть то, чего не хватает тебе. Классический инь-янь. В сфере бизнеса, я имею в виду.

— Ой, не елозь! Пританцовываешь вокруг да около. Ты уже взял в руку свечку и готов сопровождать меня к нему в опочивальню. Больше всего на свете мужики желают определенности... Признаюсь тебе кое в чем. Да, я гнала пургу, когда говорила, что больше никаких замов. Хотелось в это верить, вот и твердила как заклинание. А на самом деле заместитель нужен. И именно мужик. Но не со стороны. Из семьи должен быть — хотя бы в широком смысле, в сицилианском. И не молодой — чтоб никаких карьерных перспектив. И чтобы профит от него был, а не моей тенью служил. Понял, сколько условий? А теперь широко раскроем глаза. Ты ведь на мне не женишься?

— «Если б я был султан...»

— Плавали, знаем. Вычеркиваем. И что имеем? Вот так-то. Я вовсе не влюбилась во врага, как в плохих фильмах. Просто если кто-то разоряет твой сад, то ему надо дать берданку и нанять в охранники. Опять же — нелепые телодвижения надо возобновлять на регулярной основе. Доктор прописал. А уж народная медицина только о том талдычит. На сорокапятилетии хоть бы один нашелся, кто не упомянул бы «бабу» и «ягодку»! Соответствовать надо. А то я и впрямь чувствую себя бабкой, у которой все варенье засахарилось, а внучок так и не приехал.

— Перспективно мыслишь. Молодец. Недолго пареньку осталось — всего полгода. Но водочного магната он успеет спортить.

Сандра кидает на Верижникова яростный взгляд.

— Виноват! — тотчас реагирует Виктор. — Язык у меня того... самонаводящийся. Ничего святого. Я подумал, что ты смирилась с потерей заказа.

— Смирилась, не смирилась. Не в том дело. Балаганишь не всегда уместно.

— Да нет, зацепило тебя — вижу. Вот что: обуем мы твоего селянина. Сколько у нас есть времени?

— Может, ни дня. Но скорее месяц. Нет, конечно, не месяц, что это я. Полмесяца.

— Второе: что ему предложит Какабадзе? Ты ведь его астрально вычисляешь с высокой точностью.

— Схватится за самое простое, на что клиент и так согласен, — за этикетку. Скажет: что там у ваших конкурентов? Восемь стадий очистки? А мы напишем десять. Очистка молоком? А мы напишем — сгущенным молоком.

— Ой-ой-ой, примитив! Тогда уж: очистка подорожником. Квасной гущей по рецепту патриарха Феофана. Вареной стерляжьей печенью.

— Понесся вскачь! А я думала, ты только перед Лизаветой фонтанируешь! Кстати, ты знаешь, что у нее любовник?

— Да знаю, конечно. Только в ее возрасте это как-то иначе называется. Ну не жених, конечно, сейчас так не говорят, но... молодой человек, предположим.

— Какую ты благостную картинку нарисовал. Но ты ведь только предполагаешь. А ты представь, что у нее не молодой, а старый любовник. Постарше тебя. Но с деньгами. И болезней побольше, но все залечены. И как-то уже менее уютно стало, ха-ха? В общем, я зачла твою попытку меня подбодрить и утешить. Но ты не грузись этой задачей, не отвлекайся. Дело тухлое. И потом — ты слишком оригинален для Чердынцева. Фамилия у него такая. Для бренда, как видишь, не годится. Ты электропоезд свой, часом, не упустил тут в дебатах?

— Упустил. Но есть следующий.

— Когда?

— Через полтора часа.

Логунцова достает мобильник, жмет на кнопку.

— Геннадий! Везет тебе — совсем недолго у меня в должниках пробыл. Случай уже представился. Отвезешь Виктора Васильевича в Тимомино. Когда — сейчас, конечно. Через четыре минуты. Ну хорошо, через семь.

Сандра кладет мобильник в сумочку.

— Генка с утра сегодня забастовал. Нет, говорит, по городу хоть куда. Но на трассу опасуюсь. Там посты. Нарушал вчера спортивный режим, могут замести. Пришлось самой пыхтеть. Отработаю, говорит, в любое время. Я его за язык не тянула. К вечеру, поди, продышался.

Ладно, пока. Я к Римме еще поднимусь. Машину наверняка уже увидела и ждет, когда зайду, бьет там задом об скамейку. Ей хочется бумаги подписать — и поскорей домой. Мы с тобой одни по-старому, по-советски к работе относимся — первым делом самолеты. Давай, до завтра.

— Пока. Спасибо за Генку.

Понедельник шестой

13.

Дело к вечеру. На посту — вечный труженик без личной жизни Виктор Верижников, Елизавета и Алиса. Девушки увлеченно рассматривают что-то — видимо, фотографии — в Алисином смартфоне, очень тихо обмениваясь замечаниями. Виктор, закинув руки за голову, испытывает на прочность спинку офисного кресла. Он напряженно думает и не замечает, что кресло опасно балансирует на двух задних колесиках.

В дверях появляется Антон, явно попавший под дождь.

— Ну и какого черта я тащился сюда? А-Ка нет. Говорят, и не будет.

— Она заболела, — поясняет Алиса. — Уже на планерке шмыгала, помнишь?

— А я, значит, здоров?! К этим дурачкам два квартала под дождем по лужам пилил! Там машину не приткнешь даже под знаком!

— Август наступил, — философски замечает Лиза.

— Да самый чудесный месяц был всегда — август! А тут дождь, ветер, как с цепи... Василич! Виктор Василич!

— Ась?

— Отвлекись. Какое там средство из народной медицины быстро ставит на ноги?

— Антон, — вступает Алиса. — Все нормальные люди в таких случаях наглотаются таблеток и к завтра уже здоровы. Чего тебя на народную медицину потянуло?

— Это после буклета китайскому доктору, — высказывает догадку Лиза.

— Между прочим, — развалясь в свободном кресле и аккуратно поставив ноги на соседнее, говорит Антон, — господин Лю много чего объяснил. Он умеет — в совершенно кратких словах. Например, вы, говорит, европейцы, относитесь к человеческому организму механистически. Вдарить по нему химией или даже отрезать чего — для вас естественно. А надо искать причины и восстанавливать балансы стихий.

— Ну вот, причина: попал под дождь с ветром, хлюпал по лужам, легко одетый, из теплой машины. Как по-китайски восстановить баланс? — иронизирует Алиса.

— Народная медицина, — подключается к разговору Верижников, бросивший свои умственные потуги, — правда, отечественная, а не импортная... так вот, народная медицина глаголет: «Промочил ноги — промочи горло».

— Излишне универсальное средство, не кажется вам? — улыбается Лиза.

— А что — махнем куда-нить! — увлекается Антон. — Правда, сейчас всеобщая пробка. Как дождь — так весь город стоит. А пешком я несогласный.

— Можно принять по маленькой на рабочем месте. Можно даже с кофе. Мне паровозник подарил коньяк десятилетний. Сколько раз пил мемуары — поверьте, немало — столько раз сверх всех денег, иногда больших, иногда очень больших, — в общем, всегда мне вручали коньяк. Именно коньяк. Загадка природы. Чувствую себя светилом-проктологом. Только им, по-моему, сверх гонорара преподносят коньяк. Не подозревая, что, кроме спирта, они ничего уже не в состоянии пить.

— А ведь хорошая идея! Мой дед называет это «для сугреву». А домой на такси поеду.

— Ну а для остальных это будет профилактической мерой, — легко соглашается Лиза.

Алиса включает кофемашину.

— Машина у нас на две чашки. Первые — больному и... вам?

— Нет, Алиса, спасибо. Нечасто в последнее время приходится пить десятилетний коньяк. Я хочу распробовать.

— Ну так доставай! — говорит Антон.

— А он в шкапчике. Где печенье.

Лиза подходит к шкафу и достает оттуда высокую подарочную коробку.

— А чё ты его в шкапчик-то? — интересуется Антон.

— А куда мне его? Домой? Так я один не умею, а мой квартирный хозяин, наоборот, пьет всегда только один.

— «Ахтамар!» — декламирует Лиза. — Один литр. Двадцать лет! А не десять. Нет, я тоже буду без кофе. И без печенек. Нету ни одной.

— Это Карина! Опять все сточила. Себя не контролирует. Сидит — и точит, точит, — раздраженно говорит Алиса. — Ей к невропатологу прямая дорога.

— Как говаривал Гиппократ, — невинно замечает Верижников, — «психоаналитик, излечися сам!»

— У меня, между прочим, кипятки в руках.

— Алиса, Виктор Василич ниспослан нам для тренировки кротости и смирения, — поясняет Лиза.

— Взялись меня тренировать — так хоть бы вилки попрятали.

Алиса разливает кофе, а Лиза коньяк. Все садятся к большому столу.

— Ну — за здоровье! — провозглашает Виктор и выпивает кофейную чашечку коньяка до дна. — Признаться, я рассчитывал все же закусить парой ломаных печенек.

— У меня колбаса есть, — с готовностью отзывается Лиза. — Правда, для Шнурка. А у моего Шнурка вкус о-очень специфический.

— Нет, это здорово! Здорово быть отставшим от жизни, — говорит Виктор. — Иной раз столько нового узнаешь. Вот я думал: когда-то дав-

но был «мил-дружок», а совсем недавно был «бойфренд». А как дальше дело пошло, как теперь называют «мил-дружка»? Нет, ну это прекрасно! Шнурок, а? Сколько здесь здоровой иронии и запрятанного чувства!

— Василич, ты не прикалываешься? — спрашивает Антон после некоторой паузы.

— Виктор Васильевич, Шнурок — это кокер, — говорит Лиза.

— В смысле?

— В смысле кокер-спаниель.

— погоди, а кто тебе эсэмэски слал каждый вечер?

— Да уж не кокер. Кстати, идея — обучить его. Пусть теперь песик шлет... а не кобель. Алиса, я ведь номер сменила, занеси. Сейчас позвоню.

Лизавета достает мобильник, Алиса принимает звонок, тоже начинает манипуляции с телефоном. Виктор смотрит на Антона, тот разводит руками, как бы говоря: «И я не полностью в курсе».

Спрятав мобильник, Алиса разливает всем коньяку. И говорит:

— Выпьем за коньяк в шкапике. Он как-то очень уместно там оказался.

Все чокаются, выпивают. От Алисы явно ждут продолжения.

— Какой-то расклад тут у нас организовался... такой... гармоничный. Я вот сейчас надзюндзюрюсь и, может, наконец... Антоша, ты меня еще не вычеркнул из своего длинного-предлинного списка?

— Алиса, свет очей моих, ты у меня не в длинном, а в коротком списке!

— Приятно слышать. Ну... пока всё. А вот когда поплыву-у...

— Согласен: торопиться не надо, — говорит Виктор. — Хорошо ведь сидим. И в бутылке как будто убывает не так быстро. Абхазы говорят...

— Знаю, знаю! — высказывает Антон. — Знаю, что говорят абхазы! Любимая застольная присказка моего отца. Дескать, время, проведенное за столом, не идет в зачет жизни. То есть во время пиров с друзьями человек не стареет. Потому они все долгожители.

— Интересная у нас возникает казуистика, — говорит Лиза. — Мы, конечно, за столом, но стол-то рабочий. Боюсь, абхазы не предусмотрели такой возможности.

— Я думаю, для абхазов, — говорит Виктор, — «рабочий стол» — это вообще бессмыслица. Оксюморон. Что-то вроде «горького сахара».

— Или «безалкогольного вина», — предлагает более близкий к теме вариант Антон.

Лиза отходит к кофемашине.

— Тоже кофе захотелось. Кому еще сделать?

— Мне не надо, — говорит Антон. — Алисе вон свари.

— Да, сделай мне, пожалуйста. Я вспомнила, что кофе с коньяком — это на самом деле отдельно кофе, отдельно коньяк. Потому что один пьют холодным, а другой — горячим. Пропорции опять же надо правильные, сейчас посмотрю...

Алиса достает смартфон.

— Да что там тебе напишут! Треть рюмки, полчашки. Или в грамах, ты что — вымерять будешь? — поддевает ее Антон, но тем не менее тоже достает смартфон.

— Да-а, — косится на тычущих в экраны молодых людей Виктор, — себе уже никто не доверяет. У меня был знакомый, пожилой дядька из потомственных интеллигентов, доктор наук. Он доставал свою записную книжку, пухлую, как торт «Наполеон», и говорил: «Мой костыль памяти». А смартфоны эти наши — уже не костыль, а протез памяти.

К столу возвращается Лиза, ставит чашки, щедро доликает в свою коньяк.

— Созрел тост! — говорит она. — Предлагаю выпить, чтоб и за рабочим столом нас, как тех абхазов, окружали друзья!

— Прекрасно! — одобряет Верижников.

После некоторой суеты сосуды наполнены, все чокаются и выпивают.

— В наше время, — говорит Виктор неторопливо, откинувшись на спинку кресла и слегка отъехав, — принято было подолгу работать на одном месте. И коллектив трудовой, любой, представлял из себя отчасти семью.

— Шведскую? — вставляет Алиса.

— Не без этого. Кто-то регулярно перепихивался в красном уголке на зеленом сукне стола заседаний. Но это не главное. Радовались друг за друга. Переживали. Например, если дети плохо учились.

— Василич! Ты рассказываешь, как аксакал-очевидец. Дед мой говорит: «Арифметика — наука точная». И она нам подсказывает, что в застойные годы ты был крайне молод. Студентом их застал чуть-чуть. А потом уже все под снос пошло.

— Антон, не так просто. Во-первых, студентом я бывал на практиках и кое-что примечал. А практики у нас были длинные, по два-три месяца. Второе: инерция в обществе всегда очень сильная. Советские отношения в быту не выветрились сразу, правильно? Да, еще мысль была какая-то... Главное, доложу я тебе, что это сейчас вы всё молодые, и молодые, и молодые. А мы выросли рано. Я в двадцать три уже отцом стал. В двадцать пять редакцией на телевидении руководил...

— Полком не командовал, как Гайдар? — иронизирует Антон.

— У нас девушками до сорока лет не называли. Разве буфетчиц только. А прочие могли обидеться.

— В общем, ты про инфантилизм. Абхазы вон поют за столом, а наше среднее поколение детей чешет в хвост и в гриву. «Мы вагоны разгружали...» Ты разгружал?

— Было дело.

— Все сходится. Жизнь у вас была типовая, как панелька на окраине. Ну да ладно. Я лучше случай расскажу. Про свою молодость. С неделю назад зашел в магазин. Бутылку вина взял.

— К даме сердца поехал? — Это, понятно, Алиса.

— Алис, в жизни бывают моменты...

— Я понимаю. Купил — и?

— Вот как раз про «купил». Наличными рассчитываюсь. Кассирша — девушка лет сорока — говорит: «Восемнадцать есть?» Я начинаю доставать мелочь. Думаю, обычные их штуки: вы мне дайте еще столько-то, а я вам сдачи сколько-то. А она смотрит как на дурака. Тогда я на часы давай глядеть. Знаю: как-то продажа алкоголя связана с определенными часами, но шесть вечера — ни туда, ни сюда. Тогда эта выдра расшифровывает: «Восемнадцать лет есть?» Ну, посмотрите на меня. Неужели я похож на допризывника? Мне двадцать шесть. Пришлось права ей показать. Бороду, что ли, отрастить?

— Ни в коем случае! — экспансивно реагирует Алиса. — Борода — это фу-у! Третья небритая подмышка!

— Давайте выпьем за то, чтобы огорчения у нас были детские, а радости — взрослые! — говорит Лиза.

— Лизавета! — веселится Алиса. — В случае чего тамадой тебя всегда возьмут.

Антон берется разливать. Верижников по-прежнему сидит поодаль и как будто что-то бормочет про себя.

— Василич! Спустись на землю!

Тот как будто не реагирует, но начинает говорить чуть громче:

— Абхазы поют, а мы не поем. Отцы наши пели за столом. Хотя и ругались тоже...

Он достает мобильник и куда-то звонит.

— А, черт, конечно, «недостаточно средств». Всегда им недостаточно...

— Давай кину на твой.

Но Верижников не отвечает, уходит к стационарному телефону и набирает номер, сверяясь с экраном мобильника.

— Сандра! Константиновна... Я, конечно, прошу прощения, но случилась категорическая эврика на стопитсот тысяч. Я придумал, как поддеть водочного короля! Придумал! Да потому из офиса и звоню, что за своим рабочим столом придумал. Что еще на столе? Да если даже... Зачем?

Положив трубку, Верижников поворачивается к коллегам и говорит, отчасти извиняясь:

— Она едет сюда.

— Ты сбрендил, Василич?

— Ну я ж не знал, что она сорвется с места.

— Разрешите сказать, Виктор Василич, — взвывается Алиса, — что ты законченный лопух! Ты — кайфоломщик, понимаешь?! Ну что — до завтра не мог подождать?!

Виктор попросту хлопает глазами. Он сам слегка оторопел от своего поступка.

— Все вы такие! — несет Алису дальше. — Все поколение малахольное. Дядька мой на ТЭЦ работает. Уж скоро сорок лет как. Инженер по чему-то там. А управленцы вокруг него — пацанва, сопляки, Москвой поставленные. Зарплату себе нарисовали заоблачную и ходят, строжатся.

А там все менять надо, с советских времен служит. Понятно, им не хочется деньги тратить, они ж — эффективные менеджеры. Придут к дядьке: ты у нас рационализатор еще с царя Гороха, придумай что-нибудь. Он придумывает. Они на капремонте сэкономили, поделили. Ему шиш. И до следующего раза. Я говорю: «Дядя Веня, если они тебя так нагло кидают, так, может, плюнешь на них? Займись рыбалкой какой-нибудь, самогонварением домашним, а на службе высидел часы — и домой, к тете Рае». Нет, говорит, для мужчины главное — работа. День и ночь об этой херне думает.

— Надо выметаться, — коротко резюмирует Лиза.

— Да по такой пробке она не скоро появится, — возражает Антон.

— Что ей пробки? — мгновенно реагирует Лиза. — Она на метле.

— Девчонки, я придумал. Все вместе поедem ко мне. У меня два этажа друг от друга независимых. В холодильнике, в баре что-нибудь найдется. Устроим праздник. Только я А-Ка дождусь. Василича подстрахую. У меня ж какой-никакой иммунитет дипломатический. А вы пока у Арсена побудьте. Ему до ночи сегодня шмалять.

— Что-то мне не хочется по зауглам прятаться! — говорит Елизавета.

— Раз так, то и я останусь. Хотя это дурь с моей стороны. Но, кстати, выбора уже и нет.

Все вопросительно смотрят на Алису.

— Машина. Не слышали? Дверь хлопнула.

— Пробка что-то быстро рассосалась, — размышляет вслух Антон.

И действительно, через минуту в дверях появляется Логунцова.

— Та-а-ак. Форум с кворумом. Повестка сугубо производственная.

И кто главный докладчик?

Виктор и Антон открывают рот, но их опережает Елизавета:

— Виктор Васильевич нас всех заинтриговал, придумал нечто фее-рическое, но рассказывать отказался, пока вы не приедете. Сидим, ждем. Любопытство одолевает.

— А коньяк вам зачем на рабочем столе?

— Это я простыл немножко, грелся, — говорит Антон.

— Ну да, пять капель в кофе, — вступает наконец Верижников. —

А мне кофе вечером противопоказан.

— И ты поэтому...

— И я. Поэтому.

— Пока вынесем за скобки. Рассказывай.

— Чердынцеву мы предложим всё то, без чего ему никак не обойтись, и ничего сверх того. Этикетку, контрэтикетку, кольеретку, горлянку. Но! Названия водок будут такие: например, «Хасбулат удалой» или «Мой костер». На контрэтикетке крупно, разборчиво — текст песни. «Хасбулат удалой», слова народные. «Мой костер», стихи Якова Полонского. Ноты не нужны. Линию постоянно расширять. Появился какой-нибудь сучок зубодробительный — называем «Ванинский порт». Настойка мягкая — «Малиновый звон».

— Это современная песня.

— Думаю, с автором вопрос решаемый. Такие тиражи ему и не снились. Далее. В винных отделах супермаркетов играет не та хрень, что по всему залу, а тихая, спокойная, на генном уровне знакомая песня, которую хочется напевать. По странному стечению обстоятельств ровно так же называется и водка на полке. Очищенная посредством вареной стерляжьей печени.

Виктор замолкает. Он по-прежнему стоит в углу у телефона.

— Да, это может сработать, — ровным голосом говорит Александра. Подходит к Верижникову почти вплотную, берет его за отвороты пиджака и слегка трясет.

— Ты сделал это. Я не я буду, если теперь не вырву этот заказ!.. Мужик сказал — мужик сделал. Веришь, нет — я сейчас, — она говорит вполголоса, их слышит только Антон, девушки сидят по другую сторону стола и о чем-то шушукуются, — я сейчас отдалась бы тебе прямо на этом столе, если б не Антошка и ваши подружки.

У Антона на лице появляется выражение «Ну ты, мать, загнула!».

— Да, да, я теперь такая корыстная стала — самой иногда страшно, — говорит Сандра уже как бы им обоим. — Но кто не барактается — тонет. Бог мой, какое амбре! А ну-ка, пройди непринужденно десять шагов.

Верижников делает пять, потом его немного качает, но он умело превращает это в поворот и говорит как ни в чем не бывало:

— А одну водку надо ароматизировать виноградом и назвать «Сулико». Текст дать грузинский, но русскими буквами.

— Да уж заткни фонтан! Впрочем, у меня тоже родилась фишка, потом скажу.

Сандра выходит на середину и обращается ко всем:

— И как вам идея Виктора Васильевича?

— Очень нетривиально и очень концептуально, — отвечает за всех Лиза. — Просто высший пилотаж. Не факт, что заказчик клюнет, у них у всех нюх отбит напрочь, но можно проехаться и по остальным водочным магнатам.

Виктор походит к Сандре — предусмотрительно не вплотную — и спрашивает:

— Так а в чем твоя-то фишка?

— Надо все названия объединить в набор, сделать коробку и на ней написать: «Караоке по-русски».

Все дружно и без малейшего желания польстить начальству смеются. Верижников пытается показать большой палец, но опять ненадолго теряет равновесие и делает шаг назад.

— Так, внеочередная летучка закончена. Лечение таким способом прекращаем раз и навсегда. Антон, ты за руль не садись. А Верижникова заметут на вокзале однозначно. Если не раньше. Ладно, его я доставлю как-нибудь. Завтра рабочий день. Всем пока. Виктор Васильевич, поспевай за мной.

С этими словами Логунцова направляет Виктора в дверь впереди себя.

После их ухода Антон говорит:

— Ну что, двинем ко мне, как собирались?

— Нет, — говорит Лиза. — Мне Шнурка кормить. Побегу. Выключите тут все, ладно?

И тоже уходит.

Алиса на автомате собирает чашки и говорит:

— Поверить не могу, что все сошло с рук. Или А-Ка нам с Лизеттой еще вломит?

— Не вломит. Цифирки у нее в глазах забегали. А от них она добрее. Ну, поедем на моей — или на такси?

— Есть желание добраться без нервов. Я вызову, у меня скидка.

Антон подходит к ней сзади, обнимает и говорит:

— Я здесь, я готов назвать адрес.

14.

Кухня в квартире Логунцовой. Верижников в полурасстегнутой рубашке навывпуск яростно трет свежеумытое лицо своим обширным носовым платком. Пиджак его висит на спинке стула. В тишине начинает явно слышаться тонкий напев чайника.

Вдруг раздается скрежет замка, из прихожей доносятся неясные звуки, затем угадываются шаги, наконец, раздается голос молодой девушки:

— О! Мать, ты чего это не спишь? Ведь договорились же.

На пороге кухни возникает дочь Александры — особа восемнадцати лет, которой еще только предстоит развиться, возможно даже в красавицу, а сейчас просто юная и привлекательная.

— Добро пожаловать на огонек! — рука Виктора описывает полукруглость. — Что обещала и что не исполнила ваша матушка? Могу ли я чем-то помочь?

— Наша матушка, — отвечает Логунцова-младшая, подходя к холодильнику, — обещала, что не будет беспокоиться, сидеть до утра, а ляжет спокойно спать.

Она достает жестянку с колгой, вскрывает ее и делает два-три глотка.

— В таком случае, — говорит Верижников, — ваша маменька — человек слова. Она спит. Можно узнать, как вас зовут?

— Агния.

— Брависсимо! Я опасался услышать какое-нибудь остромодное имя. А по отчеству?

— Глебовна.

— И опять великолепно! Коротко и ясно. А меня зовут Виктор Васильевич.

— Ноль информации. Но это неважно.

Агния снова делает глоток, одновременно доставая вторую жестянку и протягивая ее Виктору. Тот жестом отказывается.

— Это неважно, — повторяет девушка, — потому что приятно, черт побери, встретить в этом доме мужчину. Нет, серьезно, без мужика никак. Одолеют все эти типы по вызову.

— Даже так?

— Ну, я имею в виду... Мать всегда на работе, мне достается... На-
доели. Чинильщики, установщики, замеряльщики. Недавно не выдержи-
ла, говорю одному нерусскому: «Ты как шкафчик повесил? У тебя гла-
зомер элементарный есть?» А он хлопает себя по карманам: «Ест, ест.
У меня вес инструмент ест!»

Виктор тихонько смеется.

— Но эти еще ничего. Наши хуже. Сами сообразить даже не могут,
что им говорят, а все равно смотрят на тебя как на дуру. Прибила бы!

Чайник щелкает и отключается.

— Знаете, где заварник? И чай?

Виктор разводит руками. Агния подает ему и то, и другое. Садится
за большой стол и смотрит, как Верижников ополаскивает чайник кипят-
ком, засыпает туда зеленый чай и тут же сливает первую заварку в ра-
ковину. Заливает снова, некоторое время стоит вытянувшись, как будто
отсчитывает про себя секунды...

— Так вот, чтобы я кого-нибудь не прибила, мужчина в доме и ну-
жен. Ему не надо самому чинить розетки. Хотя я недавно починила одну.
Маникюрным набором. А ему нужно только глядеть тяжелым взглядом
на всех этих «рукастых». И дело в шляпе.

Виктор быстро разливает все содержимое заварника в две чайные
пары.

— Я не буду! — отказывается Агния. — Я полезное не пью!

— Кола, — кивает Верижников на жестянку, — жутко полезная,
просто незаменимая вещь. Одна моя знакомая ей только и смогла вывести
ржавчину под краном в ванной.

— А вы умеете пожелать приятного аппетита.

— Агния Глебовна! Звучит как афоризм. Но все же длиновато. Как
тебя мама зовет?

— По-разному. От Ганьки до Ньюши.

— В зависимости от поведения?

— Я пай-девочка.

— Я заметил. Словом, дорогая Ньюша! Я обладаю сведениями, что
не позднее полугода твоя мечта исполнится. В вашем доме на постоян-
ной основе появится солидный мужчина. Горделивый такой, осанистый. —
Виктор пародийно изображает «осанистого». — Коммуникабельный. Ин-
тересный собеседник. Как я примерно. Скромностью не страдает совсем.
О-па! А вот тут мне стало страшновато. Вдруг у него есть склонность к
педофилии? Ты вон какая яркая.

— Стоп-стоп. Я что-то утерла нить. Кто осанистый и кто педофил?

— Да он как раз! А ты подумала: я на себя намекаю? Нет, в этой
опере моя партия называется — «старая сводня».

— Ну, через две недели педофилы рассыплются, как черти при крике
петуха. И превратятся в обычных старых пердунов-ловеласов.

— А что произойдет?

— Восемнадцать мне исполнится.

— А мама говорила: семнадцать лет дочери.

— Это женское. Только с двенадцатым ударом часов, держа календарь в руке, а руку у сердца, женщина согласна признать, что стала старше на год. А мне вот хочется побыстрее стать совершеннолетней. Ровно день в день поеду и получу права. Сдала полгода назад, но пока не дают, бюрократы. За рубеж могу махнуть без согласия родителей. Еще было бы здорово ровно в этот день замуж выйти. Но тут сложностей много.

— Еще — избирать и быть избранным.

— Да, обязательно пойду голосовать, хоть за мэра какого-нибудь.

Виктор уже выпил две чашки и снова заливает горячую воду в заварочный чайник. При этом он бормочет: «Теперь ровно две минуты».

— Послушайте, я догадалась: вы издалека! С поезда. И как будто с третьей полки.

— Помятость заметна?

— Я только не понимаю, чего это мать вас по-человечески спать не уложила.

— О-о, бывают моменты. Когда церемониал не соблюсти. Ты уже взрослая девушка, знаешь, что у глагола «спать» много значений. Так вот одно из них, самое интимное, — «погружаться в сон». И давать отдых своим измученным мозгам. Я безумно хотел погрузиться в сон. Твоя мама лишь указала мне подходящую кушетку.

— Жажда, витиеватая речь. Вы с бодуна, ясно. Были с матерью на каком-то рауте?

— А что, она часто посещает светские мероприятия?

— Терпеть их не может. Но как-то же объединить вас надо.

— А объединяет нас работа.

— Вы у матери в агентстве работаете?

— Натюрельман.

— Все запутали. Нет, по-французски я понимаю, не трудитесь переводить. Я было решила, что вы клеитесь к маман. Дело хорошее. Но если вы у нее работаете — это совершенно исключено. А что тогда? Притом ясно видно, что вы ходок по этой части. Ну, признайтесь. Вот и на меня смотрели сладко, пока я про пердунов не завернула.

— Да никогда я особо этим не отличался. А в последнее время, в связи с общей дряхлостью организма, вообще перешел к чисто вербальным поползновениям, за которыми ровно ничего...

— Не стоит.

— Ну, не все так однозначно плохо, поэтому скажу — не содержится.

— Ха! Вы интересный дяденька. Но скажите: почему все ваше поколение повернуто на сексе?

— Да с чего ты взяла?

— Повернуто, еще как. Просто не замечаете этого. Вам это кажется естественным. Вы все самцы и самки.

— А вы? Эльфы? Или как там, не знаю... «Естественным...» Конечно, это естественно. Сама вот замуж собралась. Или ты так — абстрактно?

— Вам рассказать — на смех поднимете. Да, я хочу замуж. И не за абстракцию, а за конкретного человека. Я свой мир создать хочу. Душевно гармоничный. Чтоб вся пошлость туда не проникала. И путешествовать надо вдвоем, не в одиночку и не компанией. Я компаний терпеть не могу. Одиночество мне не в тягость, но чтоб как мать, вся в работе, и только, — боюсь. Хочу, чтоб дом свой был. Друзья в гостях. Со временем и дети, ну это лет в тридцать.

— А паренек-то твой, он — на высоте задачи? Непросто такого встретить.

— Просто, непросто... Вот ваше поколение как женилось? На сокурсниках, на коллегах... да почти без вариантов. Выбирали вы из примерно тридцати самок. Осознайте это. Простая арифметика. Ваша половинка, ваш идеальный партнер чудесным образом оказывался в числе ближайших тридцати особей противоположного пола. Судьба, провидение — не громко ли? Просто вы повернуты были на сексе. В штанах что-то загорелось, перемигнулись. Ну, иная поломается. Но сути дела это не меняло. Пусть не на первой женились. Пусть на двадцать девятой. Разница несущественная.

— Эк ты нас приложила. Так ты — за более широкий кастинг?

— Только вам скажу. Матери не говорите. Не знаю, насколько доверительные разговоры вы с ней ведете, но на всякий случай прошу — ни слова. Своего избранника я нашла в интернете. Не из тридцати ближайших челов, а из тысяч. Из многих тысяч.

— И еще, поди, француз?

— Нет, что вы. Языки у меня — не для поисков принца за рубежом, это из школы, школа такая — три языка. Молодой человек у меня вполне наш. Повзрослей меня. Из другого города, правда.

— Виделись?

— Нет пока.

— А хочется? Или боязно?

— Хочется. Я верю себе. Письменное общение все выдает, я умею читать текст.

— Да, текст высвечивает человека, есть такой эффект. Не хочу показаться занудой, но... Ты знаешь, как вычисляют брачных аферистов? По обаянию. Это очень обаятельные люди. А серийного насильника одного как нашли? Из всех подозреваемых он единственный располагал к себе с первого же слова.

— Я разумная девочка. Ситуация под контролем.

— Ну что тут остается нам, старикам? Только кряхтеть. Кстати, отвечу тебе про тридцать самок. Система у нас была не самая совершенная, верно. Но в браке главное — работать над собой. Взаимно. Правильный выбор — не все еще. И даже не самое важное.

— Какой вы рассудительный дядечка! Жаль, что моей маман в свое время не встретились с этими речами. Она вон в два счета мужей за дверь выставляет. И Глеба-папу, и Диму-дядю. Недостаточно амбициозные, видать, всё попадают. Ну Димон-то и впрямь сказать... Я уж взрос-

ленькая была. «Думкой богатеет» — это про него. Всё финансовые потоки какие-то оседлать пытался. Верхом на диване.

— А отец твой по какому ведомству?

— О, очень интересному! «Доча, если б ты знала, какой увлекательный предмет — статистика! Это не цифры, это прямиком высшая истина. Все прочее — словеса и обман».

— Где-нибудь в облминистрации?

— Какой там! Всю жизнь по НИИ. Кандидат наук. Сейчас вот в Питер уехал, доктором стать надеется. Ну, там еще преподавание ему обещали. Под это дело он мне очень нужный подарок сделал: автошколу оплатил. Чтобы для мамули совсем сюрприз был. Ой, скоро уже, скоро! Представляю ее реакцию.

Агния встает, открывает холодильник. Разочарованно хлопает дверцей.

— Попала я нынче. Выпивка, закуска, музыка, публика — вот ровно всё — полный отстой. Я и сбежала. Ну ладно трезвая, так еще и голодная. Пиццу бы заказать! Так нельзя: маму разбудят. Что удивляетесь — консьерж, консьерж разбудит. У нас тут принудительная радиосвязь, как на подводной лодке. Ни выключить, ни приглушить. По каким-то пожарным, что ли, нормам.

— Знаешь, почему в Италии проблемы с переработкой мусора, а в Америке — нет?

— Почему же?

— Потому что в Италии нет полного цикла на заводах. А в Штатах он полный — на каждом мусороперерабатывающем предприятии открыт цех по производству пиццы.

— Надеетесь отбить мне аппетит и решить проблему?

— Нет, я немного о другом. Кстати, я сам с утра не ел. Даже не закусывал. Но это я отвлекся... О чем я начал? Да, вот послушай. В Париже был чудесный обычай: прямо на улице в больших чанах с маслом обжаривали картофель до хруста. И продавали гуляющим. Мило, вкусно, безвредно. Но до этого великолепия дотянулись англосаксы... И устроили индустрию под названием чипсы. Есть которые невозможно, а главное — не нужно. И все, до чего дотягивается костлявая рука англосакса, превращается в технологическую линию. Опера, выборы, спорт, живопись, пицца. Это же чудесное итальянское национальное блюдо! А они его аннексировали и сгубили. Что продается в пластиковом или картонном боксе, пиццей не может считаться по определению!

— Так вы из гурманов? А сами не колдуете на кухне?

— Нет в последнее время. Да и всегда готовил только свежее мясо и только на открытом огне. Но зато какое это было мясо! Народ хмелел от него без водки. Кто за рулем — выглядел таким же пьяным, как и пьющие.

— Та-та-та-та-та! — раздраженно перебивает его Александра, появляясь на пороге. На ней незапахнутый длиннополый халат и белая, вся в кружевах, ночная сорочка. — Знакомая интонация! Похвальба в разгаре.

— Мать, ты что в таком виде? Прямо не узнаю тебя...

— Тобик опять уволок поясок! А этот прохиндей и без того видел меня во всех видах. Правда, я была моложе и привлекательнее. Ганька, говорила я тебе: не шлындай по ночам?! Кто обещал сидеть там до утра?

— Ма, там оказалась скукоотища и вообще отвратно. Вызвала такси по приложению, Галка за мной следила весь маршрут, потом мы с ней эсэмэсками обменялись. Всё под контролем. Такси специальное, водители только женщины. «Дамское такси», знаешь?

— Еще б не знать! Это название наша Алиса придумала. Я ее даже похвалила за простоту без вывертов. И что вы думаете — как теперь народ эту контору кличет?

Агния и Верижников не имеют предположений.

— «Дам так!» И обязательно еще добавляют: «гы-гы-гы». Боюсь, клиента мы потеряли.

— Ну точно — все эротоманы! — говорит Агния. — Это же ужас, ничего сказать нельзя. Потому что «гы-гы-гы». Все слова извратили. Как девушке в кино пойти — там же на последнем кадре сами знаете что написано. Неприличное слово. Она или покраснеть должна, или «гы-гы-гы». Мать, а почему у нас в доме пожарить нет ничего?

— Потому что ты на сабантуе до утра, а коллега Виктор Васильевич не планировался. А я вечером была в ресторане на деловом ужине.

— С этим — который в тигровой шкуре? — вставляет Верижников.

— Ну ты-то хоть помолчи! При чем тут Какабадзе?! Спать надо, завтра с утра на работу, а я тут с вами...

— Да мы сидим тихонько, за жизнь перетираем. Что ты, кстати, на ребенка наехала? Сама же сказала — придет ночью, вот она и пришла.

— Ой, устала я от умников. Всё! Сейчас сварю всем кашу. Манную! Как пятнадцать лет назад. Манка есть, молоко есть. А больше все равно нет ничего. Ты, может, ванну принять хочешь?

— Еще как! — отвечает Верижников.

— Вон тот коридор, направо. Стоп, ванну отставить! Заснешь еще. Под душ — и быстро сюда.

Верижников направляется в указанный коридорчик.

— Там возле двери шкаф большой. Возьми халат зеленый.

— Мама, — тихо говорит Агния.

— Ну да, папин халат. Он раз в полгода... Виктор! Отставить зеленый! Возьмешь красный с черным. Он мой, но я в него дважды заворачиваюсь.

Александра между тем наливает в кастрюльку молоко, ставит на плиту, включает конфорку, ищет что-то по шкафчикам — словом, готовит.

— Ма, а ты, значит, дяденьку на всякий случай мной напугала. Дескать, явится с минуты на минуту. Он что — такой борзой?

— Нет, конечно. Так, на всякий случай. Пьяный все же. Никогда не имей дела с пьяными. С пьяными и с женатыми.

— Ты на что-то намекала... На какие-то отношения ваши. Расскажи.

— А-а, дела давно минувших дней. Чтоб долго не развозить, скажу в коротких циничных выражениях. Бывший мой любовник. Вернее, это я

его бывшая любовница. А он — мой первый, мой герой, мой настоящий мужчина. Пока пелена с глаз не спала.

— Оказался сволочь?

— Наоборот, порядочный до полного одеревенения. «Не могу бросить жену и сына». Спать с молоденькой коллегой он может, а вот тут — принципы. Типичный служебный роман. Пошлятина.

— А как он здесь очутился?

— Ну, сначала я очутилась. Уволилась к чертям, а то как дальше вместе работать? Здесь как раз однокурсница в гору пошла. Алка Шнайдер, сейчас в Германии. Она меня позвала, устроила на телевидение. А через двадцать лет... Или побольше уже? Получаю письмо — от него. Остался без работы, не предложишь ли чего? Отчего не предложить. Приезжай, пытайся. На общих основаниях.

— Двадцать лет не виделись и даже не переписывались? И вдруг тебе здрасте?!

— Припекло мужика, видать. Я его не осуждаю. Сама бывала без копейки, знаю, как противно. Кажется, на все пойдешь.

— Отплатить ему за давнюю обиду не хотелось?

— Ты не представляешь, что такое двадцать лет. Тем более таких лет. Мне иногда кажется, что это не со мной все было. Нет, ничего личного, как говорится. Работай, приноси прибыль — будешь получать приличные деньги. Единственное, что мелькало: посмотри, чего лишился, оставшись у своей клуши. Со мной бы жил несколько лучше.

Александра снимает кашу с огня, ставит на стол и прикрывает полотенцем.

— Готово. Сейчас дойдет. Понимаешь, он вообще-то жутко талантливый был. Звезда областного телевидения. Ироничный, обаятельный. Я им просто восхищалась. Ну, и училась, тоже росла понемногу. Потом... Я ему говорю: тебе нельзя здесь себя закапывать. В Москву, рвись, пробивайся. Я согласна за тобой штативы таскать, сухой коркой питаться, лишь бы ты достиг, чего заслуживаешь. Нет, прирос как гриб.

— Тоже недостаточно амбициозный.

— Что говоришь?

— Нет, ничего, так, про себя.

— Он свой жанр придумал — телефельетон. Тогда уже ветерком перемын потянуло, новизна приветствовалась. Ну вот представь: обычный репортаж о проверке готовности пионерлагерей к лету. Можно начать как обычно. Уныло вещать, что дети — наше все и мы должны. А он стоит на фоне какого-то переполненного ящика с отходами и под жужжание мух говорит: «Известно, что уставы написаны кровью. Не будем уточнять, какой субстанцией написаны правила санитарно-эпидемиологические, но их тоже нужно соблюдать неукоснительно».

— Круто!

— Или еще. Долго потом аукалось. Как только тебе объяснить... В советское время таксист машину имел государственную, ремонт, бензин — всё за счет государства, а деньги зарабатывал в основном для себя.

Ну, возил без счетчика и все такое. Ему за холостой пробег премию срежут, а он и в ус не дует. Так вот, начало: оператор снимает очередь к такси на вокзале, а Виктор за кадром говорит: «Мы знаем, что клиент всегда прав. Вон их сколько, безусловно правых, ждут такси на вокзале. Но в пятом таксопарке правому клиенту предпочитают левого». А в конце там вообще был фейерверк, только я не помню толком.

— С легким паром! — говорит Агния входящему на кухню Виктору.

Александра оборачивается:

— Ну как?

— Спасибо. Чудесно.

— Помнишь, что у тебя было в конце сюжета про пятый таксопарк?

Как-то про кабанчика...

— Помню. «Как же борются в коллективе с этим явлением? Оказывается, проводят собрания и принимают резолюции. Вера в чудодейственные ритуальные словеса здесь безгранична. Меж тем даже наши наивные предки, жарко помолвившись богам леса, погоды и охоты, всё же брали в руки дротики и отправлялись добывать зверя, а не садились в кружок у костра в полной уверенности, что теперь-то кабан прибежит — и сам садится на вертел, и начнет себя равномерно прожаривать, отталкиваясь левой задней ножкой...»

— Класс! Как вы всё это помните?

— Ну, не всё, понятно. Сколько шелухи было, осыпалась — и нет ее.

А за этот материал меня чуть не побили. Так что кое-какие якоря памяти остались.

Александра раскладывает кашу по тарелкам:

— Сейчас остынет — и приступайте.

— Я хочу про «побили».

— Отчего не вспомнить молодость? Сейчас, расскажу по порядку.

Все трое сидят за столом, перед каждым дымится каша.

— Было так: ловлю мотор. Таксистов я всегда не любил, частники выручали. Тогда каждый второй останавливался. А тут вдруг: частник проезжает, а таксист тормозит. Ну не бежать же — сажусь, называю адрес. Водила с места рвет километров восемьдесят. Тогда пробок не было. Куда гонишь, говорю. «А я, — отвечает, — сейчас тебя в один тупичок привезу. Там наши ребята всегда кучкуются. Они тебе челюсть твою поганую подрихтуют на сторону. Чтоб не лез больше в телевизор!» Глаза такие звероватые, чувствую — этот может. И вдруг он начинает этак странно фыркать. И башкой трясет, будто отмахивается от чего-то. Но смех сквозь него пробивается. Вспомнил, видать, как раз кабанчика. Резко прижался к обочине. «Ладно, — говорит, — выходи. Тоже мне — Хазанов. Только вот чужие деньги считать — запахло. Каждый живет как может!» Вышел я и думаю: великая сила юмор! А то ведь и впрямь — шепелявым в кадр не полезешь.

Агния между делом сметает кашу, мать хочет положить ей еще.

— Нет, меня что-то сморило. Прямо вырубают. Вас обоих так интересно слушать! Записать — и на ютуб. Всё, спать-спать.

Агния уходит, Сандра и Виктор потихоньку клюют кашу.

— Ты напрасно не обедаешь, — говорит Александра. — Испортишь желудок. Как он вообще у тебя выдерживает такой режим? И еще коньяк кофейной чашкой, это ж надо додуматься.

— Да, с коньяком я промахнулся. Все было хорошо — и вдруг занавес. Заснул в машине?

Александра кивает.

— А как ты меня отгрузила?

— Никаких проблем. Паркинг под домом, лифт. Двадцать шагов до него ты бодро прошел. Туфли в прихожей скинул вообще как фокусник. Нырять на кушетку — и захрапел.

— Прости.

— Да чего уж там. Раз подрядилась тебя от ментовки спасти.

Некоторое время тишину нарушает лишь позвякивание ложек.

— Смешно... Иногда мне кажется, вопреки всем срокам, что я Ганьку от тебя родила. Такая же языкастая и кипучая.

— У тебя прекрасная дочь. А на кого похожа, долго искать не надо, — на тебя, конечно. Такая же языкастая, кипучая и красивая.

— Уймись. Может, и красивая. Что еще хуже, чем языкастая.

Виктор отодвигает пустую тарелку.

— Вот спасибоочки. Это именно то, что было необходимо моему расстроенному желудку.

— Ходи на обед, прошу тебя.

— Да после обеда голова работать отказывается.

— Ну так давай ей отдых часа на два. Работай руками и спинным мозгом. Сиесту в твой персональный трудовой график я все равно не включу. Да, я ж тебе не сказала! То заведение, где ваш отдел обедает, — наши давние клиенты. Для нас там скидки, очень приличные. А за полные деньги туда только биржевики и наложницы ходят.

— Из налоговой?

— Не тупи. Наложницы из налоговой, биржевики с биржи. Будет время — я тебя туда отведу.

— Зачем?

— Чтобы показать администратору. Скидка без документов, купонов дурацких, под честное слово мое и хозяина кафе.

— А-а.

— Хороши душ и кашка — вон глаза уже и слипаются. Так, под кушеткой ящичек выдвижной, там постель, расстелешь, поспишь как белый человек. До обеда тебе отгул. С утра у Нюшки попроси утюг и выгладь свой костюм, а то ужас. Рубашку бы тебе еще сменить. Ладно, подумаем.

— Ты Агнии свободы побольше давай, ты ее сильно опекаешь...

— Ты во сне, что ли, разговариваешь? Песталоцци. Выдвигайся на исходную. И — да. У тебя таких намерений, конечно, нет, но... такая моя натура. Всё под контроль. На дверь моей спальни не косись. Никто тебя там не ждет. Тем более там не ждет тебя трепетная лань. По причине ее полного отсутствия. Это два новых каблука пара, а два стоптанных — уже нет. Идешь?

- Иду.
- Спокойной ночи!
- Приятных сновидений эротического характера! — И Виктор уходит.

Сандра усмехается, составляет тарелки в посудомойку, выключает свет и тоже уходит.

Понедельник седьмой

15.

Кафе, уютный узкий зальчик с небольшим количеством солнечного света от единственного окна вдалеке, неяркими светильниками и мягкими диванчиками. Кроме Сандры и Верижникова, здесь никого нет.

— Ну зачем ты подстригся почти под ноль? Хотела тебя Гургену представить — но извини, моя репутация мне дороже. Выглядишь — как условно-досрочно...

- Гурген — это кто?
- Хозяин заведения.
- А тот тогда кто?

— Гарик — их племянник, Гургена и Клары. Он администратор, у него память фотографическая, тебя он запомнил. В другой раз придешь, даже обросший... Тридцать процентов скидки тебе обеспечено.

— Чаевые?

— Это — да. От пяти до десяти процентов лучше оставить. Здесь солидное заведение. Ты не представляешь, никто не хотел брать это помещение. Бывшая столовая машзавода. Тысяча двести посадочных мест. Мощность кухонных печей — как домна среднего калибра. А Гурген с Klarой взяли. Понятно, когда цена упала уже ниже плинтуса. И устроили здесь рай земной. Там — большой зал, но ни фига не поймешь, какой огромный, все уютно. А с этой стороны несколько зальчиков маленьких, я даже не знаю сколько. Какая-то хитрая система коридоров, никогда ни с кем не встретишься. Переговоры удобно проводить. И вдвоем, и впятером, и двадцать на двадцать. Любой зал найдется. Постепенно у нас тут сформировалось что-то вроде клуба руководителей.

— Какабадзе вхож?

— Обижает. Из рекламистов я одна. А еще на антресолях есть фуршетный кабинет. Стол с закусками поднимается снизу, сам собой, как в опере. Ни один официант никогда не зайдет, пока люди беседуют. Как раз отсюда ты меня в прошлый понедельник выдернул.

— А мы-то гадали, как это ты так быстро!

— Ну конечно — спуститься к машине, объехать корпус кругом — и вот наша стоянка...

Появляется молоденькая официантка с подносом, быстро сервирует стол.

— Гурген Степанович велел кланяться, — говорит она.

— Передайте ему нашу благодарность, — отвечает Логунцова и, когда официантка уходит, обращается к Верижникову:

— Ты какой-то напряженный. Расслабься. Здесь надо, по твоей теории, подобрать, стать на время беззаботным. Или что-то случилось?

— Да ничего, собственно. Жена с утра меня накрутила, ты уж прости за подробности. Через неделю придет.

— Зачем?

— Да вот как раз обедами меня кормить, следить, чтоб ковбойку под пиджак не надевал, и так далее... Я б не стал, конечно, тебе это рассказывать, мои проблемы... Но тут так получается, что я ей должен сказать определенно: прошел испытательный срок или нет.

— Ах вот оно в чем дело. Скажи, что прошел, пусть едет, устраивается на новом месте. А что — неделю-другую подождать было никак?

— Лишний месяц за хату платить. Дорого: большая квартира, тихий центр. Но дело, конечно, не в этом.

— У нее что — характер скверный? Как вообще твоя супружеская жизнь сложилась?

— Да всё в пределах нормы. Счастливо даже — есть что вспомнить. Но не последние годы. Тут я, конечно, виноват. Скверным характер у женщины делается не от климакса, а от безденежья. Хотя и возраст... «Нам под пятьдесят, и мы с тобой у разбитого корыта». Как ей объяснишь, что способов оказаться у разбитого корыта много, и разных. Можно, конечно, обхамить золотую рыбку. А можно ее просто не поймать.

— Сказать по правде, от упоминания золотой рыбки я свирепею.

— Вот как?

— Имею право. Попробую объяснить. Тебе Ганька про отца что-нибудь рассказывала?

— Нет, но упоминала раза два. В очень положительном смысле.

— Как же — милый, добрый папа. В общем: девяностые, мне некуда выходить из декрета, студия накрылась, а Глебу Пальчу в институте перестали зарплату платить. А потом еще и детские исчезли — их перевели то ли в собес, то ли куда, забыла уже. И оттуда их не достать ни под каким видом. Короче — кирдык. Начинаю супруга попиливать. Он с большой неохотой пошел в компаньоны к своему коллеге. Тот какой-то софт для местных торгашей писал. Все ж специальность — математическая статистика. Тогда еще больших игроков на рынке не было. Всё на коленке. В общем, что-то ваяли. Муж на подхвате. Какие-то методики разрабатывал, не помню да и не знала никогда. А компаньон — на все руки. И кодит, и по заказчикам бегаёт. Зарботки плевые, и все у него оседают. А чаще бартер предлагают. Ну, товарищ тот Глебу Пальчу пару раз пытался какие-то товары всучить в счет оплаты, а наш аристократ как взовьется! Я — ученый, говорит. И тут последняя охота что-нибудь предпринимать, а не сидеть на жопе у него пропала. Стал что-то все о государстве говорить, дескать, одумается скоро.

— А рыбка где в этой истории?

— Рыбка незримо присутствует. «Вы, — говорю, а их там компания подобралась, ученых-то мужей, — точно знаете, по статистике, что золо-

тая рыбка приплывет, и умные такие — попросите ее правильно. Только вот один вопрос остался, чисто академический, — когда? До того, как рак свистнет, или после?» И много раз я высказывалась в таком духе, но попусту. Инертность у вас, у мужиков, потрясающая. Да... Сижу однажды дома. Муж, как заведено, с утра в институте. А я с Ганькой. И вдруг понимаю, что детского питания мне купить не на что. А завтрашний день вообще не просматривается из-за густого финансового тумана. И взяла я наши обручальные кольца — он свое не носил, — и пошла в ломбард. Его кольцо заложила, а свое просто продала. Так выгоднее. Тем более уже поняла — расстанемся. А как вернулась — с детским питанием — так сразу за телефон. И днями напролет звонила, до хрипоты, до тошноты. Комиссионные с рекламы, заказики маленькие. Компьютер мне достался, когда студия развалилась. Начала программы осваивать, тогда любую пиратскую бери да ставь. Зое Перелешиной камера досталась. Не ей, а мужу Ромке, оператор был от бога, но быстро от паленой водки погиб. Я у нее в аренду эту камеру взяла. Помнишь же их — тяжелючие. Так я свадьбы снимала. На бытовом видеике монтировала. Заставки сама делала! Сейчас спроси меня как — не помню.

— А как свое агентство создала?

— Страшно было до жути! Кругом этих агентств — не протолкнуться. Я у многих бывала, как исполнитель и как посредник. Вижу — закисают быстро. Год-другой, жирком обросли, а потом под уклон. Командиры бронзовеют, нюх теряют, хлоп — а, кроме понтов, уже ничего не осталось. Чувствую: может получиться. Конкуренентов много, но большинство — не жильцы. Ну, думаю, если вырву большой заказ, надежный, — под него наберу штат небольшой и начну с богом. Да... Большой заказ был у одного дяди из бюрократии нашей. Намеки он мне делал, конкретного свойства. Ну кинет же, рассуждаю. А вдруг? Решилась. Что смотришь? Осуждаешь?

— Ну что ты.

— Осуждаешь. Ты всегда был такой. Целомудренный. Даже когда от жены гулял. И как у вас это здорово получается. Ну, дело прошлое. Явилась я на свиданку в самый дорогой кабак. А дальше бюрократ мой неожиданно так нарезался, что не только в номер на второй этаж — со стула подняться не мог. Примчался его сын, интерн, увез папашу под капельницу. А мне расплатиться пришлось.

— Сюжет.

— Да, думаю, а говорили, что гусары денег не берут. И что в итоге? Подписал же он мне договор! У чинуши оказалось свое понятие о чести. Подписал и больше встречи не искал вообще. Так что жирное пятно порока не закапало карму новорожденного агентства.

— Пышно излагаешь.

— А я всерьез об этом думала. Мне иногда кажется, что все до агентства было предысторией, беременностью. Я его родила и сама родилась. И только тогда жизнь ощутила. Примерно как спортсмен — свое тренированное тело. Это — могу. И это — могу. Значит, сделаю.

— Но ты же женщина, стопроцентная женщина! Редко встретишь такую — чтоб во всем женщина. Неужели работой все замыкается?

У тебе же семья, дочь, поклонники наверняка, мимолетности всякие...
Культурные запросы.

— Все женское у меня ушло в материнский инстинкт. Нюшка вот не знает — а я так ей благодарна! Без нее ничего бы не было, а с ней я все смогла. Я строжусь над ней, конечно, но на самом деле пусть у нее все будет. Не надо ей зарабатывать, лишь бы только не бездельничала. Сейчас так много всяких некоммерческих проектов.

— Это хорошо... А мой сразу, курсе на втором, понял, что толку от родителей никакого, надо самому. С девятнадцати лет зарабатывал. Ну, он программист, тут полегче. Вырос уже в серьезного спеца.

— Как его звать?

— Тимофей.

— Хорошее имя. А знаешь, почему я дочку Агнией назвала?

— Ты назвала?

— Я. Вплоть до скандала. Потому что имя должно быть уникальным и без вычурности. И потому, что мне со своим не повезло. Обыденное. Я просто свирепела от этих «Саша», «Саня», «Шура». Сама представлялась только Александрой.

— Ну а Сандра?

— Это твой копирайт. Никто больше не догадался, значит, пусть остается там, в молодости. Уже давно я Александра Константиновна. Не всякий язык это выдержит. Но я босс, так что пусть тренируются. Знаю, конечно, что за глаза меня А-Ка кличут. И даже АК-47. Дескать, отстреливает всех без жалости. Да, ротация. Один камешек в аквариуме мхом подернется — все другие заразит. Значит, обомшелых строго за борт. Говорят, что не ценю людей. Ценю как раз — цену знаю. Я, знаешь, не считаю, что если платила человеку несколько лет зарплату, то я ему чем-то обязана. А у нас... Стоп, опять из лирики ударились в производство. Ладно. Ну, оценил кухню?

— Да все чудесенько.

— С тебя — только чаевые Катюше. Основную сумму Гурген прибавит к счету, и в конце месяца агентство его оплатит. Посиди еще немного, а я поеду, в офис не вернусь. Но ты никому об этом не сообщай.

— Хорошо.

— Знаешь... Поняла сегодня, что поговорить по душам могу только с тобой. Для всех прочих я слишком срослась со своей социальной ролью. Ну, до завтра.

— Ариведерчи.

Понедельник восьмой

16.

Возле торца железнодорожного вокзала, в тенечке и относительно затишке Верижников говорит по телефону:

— Какая еще автостоянка? Ты скажи номер вагона, и я подойду тебя встречу. Как уже приехала? Поезд... Ну говори тогда, где она, я не местный.

Виктор поворачивает за угол и там, с внутренней стороны вокзала, действительно, видит автостоянку. Ровные ряды машин, возле некоторых возятся люди... И вдруг от одной из них быстрым шагом идет Жанна, а из-за руля поднимается и машет рукой Тимофей — парень лет двадцати пяти, чуть потоньше и повыше отца.

Жанна целует Виктора, берет его под руку и ведет к машине, намеренно сдерживая шаг, чтоб успеть рассказать самое главное:

— Сюрприз тебе такой. Тимка не просто меня привез. Он с нами жить будет. Ксюшу свою отставил и, видишь, — сбежал подальше.

— А работа? А планы у него какие?

— Ты ж его знаешь, слова не вытянуть. Спроси, может, тебе подробней ответит.

— Привет! — говорит отцу Тимофей.

— Здорово! Дал ты нагрузку своему пепелуцу! Во сколько выехали?

— В пять утра. Вчера днем хотели, но я не закончил с делами.

— Кстати, что с делами? В смысле — с работой?

— А бросил я ее.

— Круто.

— Нет, ну на фига такая работа, когда параллельно на фрилансе я за полгода вечерами заработал в два раза больше? И притом без всяких фич по поддержанию корпоративной лояльности.

— Да... Ну что, поедем?

— Давай так: в твое Тимохино потом как-нибудь. А пока... Я тут квартиру на месяц снял. Со стоянкой вроде бы даже. В центре, если навигатор не врет.

— По интернету, что ли?

— Скажем, посредством интернета. Но денег я не платил и думаю, все в порядке.

— Ну, поехали.

— Подожди маленько. Сейчас... ко мне тут подъехать должны. Сдвинься туда или сюда, номер не заслоняй.

— А зачем номер?

— Ну это ж проще, чем объяснять: ищи чела с типичной кодерской бородкой.

— Хозяин квартиры, что ли?

Тимофей делает непонятный жест. Виктор и Жанна оказываются по одну сторону машины, а сын — по другую. Жанна от нахлынувших чувств снова обнимает мужа и прижимается головой к его груди.

— Я так рада!.. Снова все вместе. Тимка повзрослел как-то внезапно. Заматерел. Бороду еще отпустил. Говорит: бородатым доплачивают пять процентов за профессионализм. Прикалывается над матерью.

На стоянку въезжает не новая, но свежепомытая, сияющая машинка. Напротив Верижниковых она замирает, потом находит себе место в противоположном ряду. Тимофей делает несколько неуверенных шагов в сторону автомобиля, из которого выскакивает Агния и быстро идет ему навстречу.

Виктор и Жанна безмолвно наблюдают эту сцену.

Агния шуточно распахивает объятия, потом останавливается и опускает руки, захватив запястье правой кистью левой. Тимофей снимает воображаемую шляпу, потом подходит к девушке вплотную и, легко подхватив под локоток, медленно ведет ее вдоль машин к дальнему краю стоянки. Они оживленно беседуют.

— Это не риелтор, — наконец говорит Жанна с последней надеждой в голосе.

— Еще бы! А если б ты знала, кто это, вообще б взорвала все вокруг.

— А ты откуда знаешь эту девицу?!

— На самом деле — это чудесная девушка, разумная, воспитанная. Познакомился с ней случайно. Но тут столько привходящих обстоятельств...

— Какие-то загадки, чушь какая-то! Мать опять в дурах! С таким настроением ехала!

— Жан, все хорошо. Но очень странно, дико даже.

— Ну так объясни!

— Идут. Сам скажет.

Подходят Агния и Тимофей.

— Родители, это Агния. А это, соответственно, Жанна Владимировна и...

— Виктор Васильевич!

— Откуда?.. Вы знакомы?

— Виктор Васильевич, я не верю своим глазам — так разве бывает?

— И как же ты — из десятков тысяч — умудрилась... так точно выстрелить?

— Вы можете еще долго говорить загадками, но мы с Тимофеем хотим хоть что-нибудь понять!

В это время возле Ньюшиной машины, прочертив по асфальту заблокированными колесами, шумно тормозит «порше» Логунцовой. Едва Сандра выходит из автомобиля — как Агния мгновенно оказывается возле него.

— Ма! Как ты тут? Зачем?

— Как — по навигатору: на «мазде» стоит GPS-маячок. А вот зачем — на эту наглость я не знаю, как ответить. Где мозги твои? Порулить ей захотелось.

— Ма, но у меня права, я училась и вообще лучше всех водила в группе. Папа в курсе.

— А документы на машину?!

— Дядя Димон доверенность сделал. И техосмотр, и ОСАГО. «Мазда» ж на него оформлена.

— Папаши, едрит их... Подарочки приготовили. А то, что машина шесть лет стояла без движения?

— Так мы вчера все проверили! Лехе Круковскому я сказала, что на день рождения хочу в подарок пять литров бензина. Он принес.

— Точно — тащит что-то в коробке из-под принтера.

— Да. Спустились, завели, все тип-топ.

— Ну ладно. Хоть не в ментовке тебя обнаружила. Но твой папаня... Он, правда, после совершеннолетия дочери языком слабо владеет. Однако что-то такое мне изрек, что, дескать, встречается наше чадо сегодня с другом по переписке. То ли из Эквадора, то ли, наоборот, Барнаула.

— Ну, про Барнаул и Эквадор это ты сама присочинила. Да, встречаюсь. Прекрасный человек, Тимофей, ему двадцать пять. Только...

— Что?!

— Только я сама слегка прибалдела, когда он меня с родителями познакомил.

— Уже и с родителями познакомил?

— Ну, он вместе с ними приехал. Вернее, с матерью. А отец встречал... Ты посмотри, как бы между прочим. Вон трое стоят возле «цеэр-вэхи».

Логунцова оборачивается.

— Верижников? — спрашивает она, понизив для чего-то голос.

— Да. Мы с Тимофеем переписывались, естественно, без фамилий.

А тут...

— Но это невозможно!

— Что — невозможно?

— Это совершенно невозможно! Как ты его подцепила — в интернете?

— Что значит «подцепила»?! Познакомились. Он в сети просто Тимофей, а я вообще Боброва, как тебе известно. Чистое совпадение!

— Это идиотское совпадение!

— Скажи еще: только безответственная особа могла такое совпадение допустить.

— Не груби матери! Я не про эту дурацкую случайность. Я про то, что делать теперь.

— Да все то же самое! Начну знакомиться с ним лично. Пока он мне очень нравится. Пусть в гости к нам придет.

— Я не позволю тебе совершить ту же ошибку...

— Мать, какую ошибку? Ты чего в фамилию уперлась? Он совсем другой. Он спокойный, уверенный. Ни разу не озабоченный. А твоего я сразу раскусила. Слезень в брачном прикиде!

— Но я не хочу этой идиотской ситуации!

— Ма, остынь. Ситуацию мы уже имеем. И вообще некультурно: спрятаться за машиной и скандалить. Пойдем к ним.

— Еще чего! Иди одна и скажи, что я хочу поговорить с Верижниковым.

— Которым?

— Не паясничай! С Виктором.

— Не уверена, что это по этикету...

— Я мегера, мне все можно.

Агния быстрым шагом подходит к Верижниковым.

— Виктор Васильевич, Ксандра Константиновна имеет к вам конфиденциальный разговор.

Виктор пожимает плечами и идет к «порше». Агния внезапно доверительно касается Жанниной руки:

— Жанна Владимировна, не переживайте, все хорошо. — Жанна не знает, как реагировать, и молчит. — Тим, смехота какая получилась! У нас и без того было немного шансов сразу понравиться нашим родителям. А тут такое.

— Никогда не ставил задачу кому-то понравиться. Мам, не грузись.

— Я сейчас вам расскажу, как я четко машину сегодня умыкнула.

Виктор обходит большой черный автомобиль и предстает перед Логунцовой.

— Слушаю вас, Александра Константиновна.

— Еще один паясничать взялся! Я не подошла к вам просто потому, что не в лучшем настроении сегодня. Ганька самовольно взяла машину, которая шесть лет на паркинге простояла. Потом про этот почтовый роман узнала. И в довершение... Ты был в курсе?

— Чего? Да я вообще не знал, что Тимка едет. Пришел к поезду встречать жену. А они, видишь, подгадали на вокзал ровно к этому часу. Чтоб уж полный сюрприз. Дальше — больше. Работу, говорит, бросил, на фрилансе больше денег. Квартиру здесь снял — снова вместе проживем. Молчу, перевариваю. Тут Агния примчалась. Я вообще остолбенел. Но это не последний сюрприз оказался. Еще и ты подъехала.

— Мне все это решительно не нравится!

— Мне не нравится еще больше. Все было тихо, спокойно, что-то налаживалось — и на тебе.

— Так ты за себя переживаешь?!

— Извини, за себя. Они молодые, у них все устаканится.

— Устаканится — это как, по-твоему?

— А я не знаю. Так или иначе. Они хорошие, оба. Какие-то, знаешь, морально здоровые. За них я не переживаю. Это вы можете дров наломать.

— Кто мы?

— Женщины.

— Поди ж ты — мудрец нашелся! Если хочешь знать, я ничего лично против твоего сына не имею. Ганька в результате скоропалительных знакомств с вами обоими даже пришла к выводу, что он значительно лучше тебя. Мне сама ситуация не нравится! Ну и твоя жена на Ганьку всегда будет косо смотреть.

— Доля у нее такая — косо смотреть. Не на ту, так на другую. Подружка у Тимки была... Так она ему ни слова про нее не сказала худого, а меня испилила всего.

— Надеюсь, подружка не родила ему никого?

— Да у нее на лице написано: «чайлдфри». И потом, даже если б захотела — не смогла бы. Где ей родить — анорексия ходячая.

— Эх ты ее! А на жену бочку катишь.

— Ну так не я ее, а она меня пилила.

— Рад воссоединиться с супругой?

— Рад. Я человек домашний.

— А вот подумала, что мне, возможно, скоро одной в квартире придется остаться. Нехорошо сразу стало.

— А витязь в тигровой шкуре? Устройте с ним открытый дом, гостей принимать будете. Прислугу заведете. Пострашней только...

— Ты целенаправленно подтачиваешь его позиции, я вижу. Чердынцева увел. За что ты взъелся на Александра Константиновича?

— Он тоже Константинович? Знак судьбы, не иначе.

— Ты весь мой хитрый план похерил. Я уже без смеха думать об этом не могу. И не предложил ничего взамен. Хотя постой — ты же можешь стать моим родственником! И я поставлю тебя замом.

— Сандра, я ж стажер вчерашний.

— Тем не менее ты последовательно выдавил Какабадзе из числа первых претендентов на эту должность. Правда, ему еще одна роль готовилась. А за нее возьмешься?

— Сандра, мы уже балагурим. Это хорошо, значит, острота момента прошла. Но только неудобно — они же ждут. Пойдем.

— Нет, я не готова. Поеду. А ты соври что-нибудь. Пока.

Логунцова садится в машину и уезжает.

Улыбающийся Виктор идет к своим.

— Александра Константиновна, как всегда, озабочена делами. Просила извинить. Ну-с, Агния Глебовна, поедешь с нами смотреть, какого Тимыч kota в мешке прикупил? Я страсть как люблю осматривать апартаменты.

— Ой, я тоже.

— Поедешь впереди, мы за тобой?

— Лучше с вами. Сказать по правде, в центр соваться не хочется.

Я и сюда-то на одной вредности приехала.

— Садись с Тимычем, руководи.

Молодежь садится вперед, Жанна и Виктор — на заднее сиденье очень не новой «хонды-ЦРВ». Отъезжают.

«Через триста метров держитесь левее», — вещает навигатор.

— Не слушай ты его, сейчас покажу, где влево нырнуть. Вот, где будка.

Машина поворачивает.

— В следующий раз говори заранее, — ровно просит Тимофей.

На заднем сидении Жанна кладет руку на колено Виктору. Тот накрывает ее своей ладонью.

— Отдохнуть хочу, — шепчет Жанна.

— Отдохнем, — заверяет ее Виктор.

Елена ПЕРЕТОКИНА

ТАНАТОФОБИЯ

* * *

Что гадать там, если бы да кабы: вскормленный молоком молодых кобыл, жил герой, могучий степной батыр, и когда-то, как все, он не был, а после был, а потом, как все, он не был; с тугой губы звездной рыбы летела сырая пыль, он лежал, где другие разбили лбы, вот и он разбил, и амба, и гор горбы поднимались на горизонте, и ветер выл, он лежал, и степная свистела плеть, только ветер не знает, что значит плоть, только горы не знают, что значит быть, да и мы не знаем, что значит быть, только можем помнить и можем петь...

воробышек

за что бы взяться
к чему бы мне прислониться
вот стоит забор
на заборе птица раздувается и пушится
а все же чирикает
хотя бы и на морозе
и река позади пусть серая
зато небо розовое такое
взаправду розовое
подсади меня на забор я буду на нем качаться
болтать ногами хвататься за прутья в инее
напевать нестройно
про время когда небо синее
и реки синие
со столбиков черных белые стряхивать шапки
кутаться прятаться
пусть с севера в спину дует
и не думать как птицы на мерзлом металле калечат лапки
и не думать совсем вообще ни о чем не думать

* * *

ой люли-люли
 теорема Бернулли вся наша жизнь
 давление меньше быстрее течение
 только держись
 березы по берегу камешки белые
 родное свое
 и кто-то бежит и смеется и машет
 потом отстает
 быстрее и легче рябят и мелькают
 года города
 и лица и руки все мимо все мимо
 назад навсегда
 однажды исчезнет давление
 стрелочка
 встанет на ноль
 отправимся легкие неудержимые
 наверх
 не на дно

* * *

Семь двадцать две.
 Илья зевает,
 сидит, запутавшись в штанах.
 За тонкой стенкой представляют
 этюд в повышенных тонах.
 Рыжеет в законном мраке,
 дрожит фонарное пятно,
 и ветер, воя, как собака,
 стучится в мерзлое окно.
 Лежит за пианино сменка,
 из рюкзака глядит пенал.
 А голоса гремят за стенкой —
 уход на коду.
 Все, финал.
 Зовет к себе, синяя смутно
 в нагретом сумраке, кровать,
 но надо через три минуты
 застегивать штаны, вставать,
 пересекать рубеж скандальный
 и выпадать в дверной проем
 из темноты квартирной, спальней
 в предшкольную, за фонарем.

* * *

Вот страшно, страшно, а потом не страшно,
а после снова страшно — и вот так
под диафрагмой бьется и трепещет
наукой не описанная рыба
с хвостом, с зубами, с клейкой чешуей;
вот бьется, бьется, а потом не бьется,
но дернет плавниками, и тогда
на миг под ребрами вдруг всколыхнется море —
и снова схлынет; пена захлестнет,
дойдет до легких, выше, до гортани,
и слова не сказать: ведь все слова
в отлив снесет в соленые глубины.
Увы, молчание не золото, а рыба
глухая тишина, зевок беззвучный,
ведущий к снам, которым нет конца,
где вроде жили, жили, а не жили,
где были? не были? никто не разберет,
а есть лишь зной и марево морское
под диафрагмой, в легких, в голове.

Вот больно, больно — а потом не больно...

Танатофобия

Выходишь утром,
прозрачным, яблочным, серым —
такая прозрачность по осени
случается поутру,
и вдруг понимаешь
и принимаешь на веру
неопровержимое, ясное:
я умру.
Живи теперь с этим.
А как теперь с этим жить,
когда в твоём теле секунду каждую
что-то ломается,
рушится и сгорает,
окисляется
и дрожит.
И с этим открытым знанием не ходится, не ложится,
не поется, а мается,
и внутри в голове все отравлено им,
и вокруг тоже все отравлено
до последнего яблока, валяющегося в траве.

*

Смотрю на тех, кто моложе, и в их глазах
 еще нет и тени этого темного знания.
 Девушка —
 тонкая пестрокрылая стрекоза —
 поет всей собой.
 Как жаль, что она — не я,
 что я — не она,
 что я не могу вот так же идти,
 как младшая эта,
 чья-то чужая сестра,
 чтобы вышла целая песня шагов и качаний.
 Вот
 длинная
 линия
 выпуклого
 бедра,
 и линия рук,
 и крылышки за спиной
 не придавило еще
 пониманием
 и отчаянием.

*

Хорошо, наверное, быть частью разума улья:
 если ты умираешь, целое остается,
 без одной пчелы не утихнет голос пчелиный,
 песня его не умолкнет, не оборвется,
 так и продолжится
 с середины.
 Но это Восток и желтые его хлопоты,
 жужжащие улицы,
 маленькие тела,
 а ты со своим бледным телом и бледным опытом,
 увы,
 не пчела, гудящая песню свою подругам, —
 карусельная лошадь, мокрая после дождя,
 так и бегущая в старом парке по кругу.
 Не догнать никого.
 Никого и не подождать.

*

Пугает, в общем, не неизвестность,
пугает мысль, что нет ничего потом.
Можно заполнить собою пустое место,
а если и места нет
никакого?
И ты не никто,
а и меньше того,
и разом исчезнет
все, что в тебе скопилось за столько лет.
А останется что?
Не скелет же,
господи, при чем тут вообще скелет?

*

знаешь на похоронах все время боишься что-то нарушить
словно в церкви как будто на тебя могут накинуться фана-
тичные старушки даже если никаких старушек рядом нет
и еще вопрос этот как в средней школе целовать или не
целовать а только подержать за руку а наверху сосны шу-
мят нам сказали хороший участок тихое место спокойное
когда это кончится

*

Я лежу на траве.
По второму закону термодинамики
я не только лежу, но и движусь вдоль стрелы времени,
и вокруг энтропия
прирастает и прирастает.
В небе облачко из барашкового, нежного самого племени
соберется — растает,
соберется — и снова растает.

Михаил ГУНДАРИН

#ПЕСНИЦОЯ

Повесть в девяти треках*

Легенда

1.

«Смеялось небо, а потом прикусило язык». Слышу эту сомнительную фразу на стоянке супермаркета из открытого окна проехавшей машины в чрезвычайно нелепой позе — загружая два больших пакета с продуктами в багажник, чтобы везти их отцу. Регулярная процедура. Он из своей двухкомнатной квартиры в центре города почти не выходит. Хотя вполне бы мог, но вредничает. И квартиру-то я купил несмотря на его сопротивление. Он не хочет, видите ли, от меня зависеть. Гордый какой. А самому восемьдесят, и по квартире-то ходит еле-еле, опирается на палку, даже бриться перестал.

— А все равно щетина не растет, — заявил он мне как-то, преувеличенно шамкая (может, если захочет, говорить нормально).

Это одно из заявлений, к которым я долго не знал, как относиться. Потом привык — или сделал вид, что привык. Чтобы самому с ума не сойти. Растет, конечно, щетина, хотя и непонятно, как пробивается через глубочайшие морщины на лице. Говоря поэтически, словно траве приходится прорываться сквозь барханы. Непросто. Не старик, а отощавший шарпей.

Прихожу к нему, звоню в дверь. Он отпирает ее долго, слышу, как отодвигает стулья, они падают. Значит, опять баррикадировался от неведомых противников. Которые, впрочем, все равно умеют проходить сквозь стены. Все я пытаюсь логику найти, даже в этом зачаточном безумии. А может, уже и не зачаточном.

— Видишь, дым какой? Это они напустили, отравить меня хотят! — встречает он меня. И это вместо приветствия.

— Папа, нет никакого дыма, — терпеливо (как всегда) отвечаю я. — Это тебе кажется. У тебя к тому же катаракта, мало ли что привидится.

---

* Журнальный вариант.

— Кажется! — саркастически замечает он. — Скажи, что отец с ума сошел, все ему мерещится.

— И скажу, — не выдерживаю я, — что это такое, что опять за баррикады...

— В психушку сдать хочешь? — Он смотрит на меня пронизательно. — Квартиру отобрать?

— Я ж тебе ее купил! — начинаю кричать я, не выдерживая. — Я ж кормлю тебя, выслушиваю этот полный бред, вожусь тут с тобой!

— А ты не возись, — хладнокровно говорит он. — И не надейся на квартиру. Я ее кому угодно отдам, лишь бы не тебе. И друзьям своим скажи, которые каждую ночь ко мне лазают, — пусть не надеются!

Дело в том, что говорит он это (и много чего еще) не повышая голоса, не срываясь, скажем, на визг, отчего я долгое время думал, что он все-таки шутит.

Потом мы пьем чай (по его настоянию). Чашки грязные, посуда вся куда-то подевалась. Он уверен: порастадили вездесущие враги-соседи, у которых наркопритон и с которыми я — это новость недавняя — связался. Для того перевез его в эту квартиру, оставил, так сказать, им на поругание.

Экий ужас, если подумать.

2.

В некоторые минуты, когда он, отставив чашку с жидким чаем (чай в пакетиках я тоже приношу все время, а он теряет, говорит: украли; я не удивлюсь, если он все спускает в унитаз, специально, чтобы досадить мне; ох, про вид унитаза я уж молчу), — когда он начинает, зло глядя на меня из-за кустистых седых бровей, говорить уже не шамкая, наоборот, таким скрипучим, режущим сердце, «особым» голосом... Все про этих неведомых врагов-наркоманов, облюбовавших его квартиру, про меня, им потакающего. Так вот: мне тогда хочется его ударить. Несколько раз я не мог сдержаться, толкал его, еле ползущего со своей клюкой на кухню, как бы случайно. Он падал на диван, разражаясь кашлем и проклятиями. Я поднимал, прихорашивал. Насколько возможно.

Еще и одежда: даренные мною вещи он не носит. Предпочитает рваный хлам, розовато-кремовые рубахи с короткими рукавами из толстой смесовой ткани хрущевских времен. Дырявые, выцветшие треники с обвисшими коленями. Мое, дареное (а там есть вещи и новые, и почти ненадеванные, мои и моего сына, его любимого — если бы — внука), сваливает в кучу под кровать. А то и использует вместо половых тряпок.

Понятно, что я веду себя как подросток. Понятно даже почему: не хочу верить, что этот безумный старик и есть тот мужчина крепкого телосложения и привлекательного вида, который в моем детстве казался... и т. д. и т. п. Если я буду вести себя с ним как положено в мои пятьдесят, а не в воображаемые шестнадцать, то постареет, утратит мужественность и дееспособность и он. Боюсь этого. Хотя, кажется, куда уж ниже падать!

3.

Он звонит ночью, будит весь дом. Я виноват. Забыл выключить звук на телефоне, а ведь мог и догадаться, обычное же дело. Чертыхаясь, иду на кухню. Смотрю на часы — полчетвертого.

— Тут кто-то есть, — говорит отец. — Я проснулся, а он сидит рядом на диване. И свет на кухне включен, а я выключал. Точно помню.

Помнит, как же. Неизъяснимо хочется бросить трубку. Сдерживаюсь. Кое-как заканчиваю разговор, обещаю приехать с раннего утра. Он забудет, конечно. И я напоминать не буду, и не поеду до конца недели.

Тут же, чтобы успокоиться, звоню сестре. Она в другом городе, у них там утро, так что все нормально. Она старше меня, недавно вышла на пенсию, с отцом общается издалека и потому вполне благостно. Выдаю ей очередную порцию жалоб, нервно посмеиваясь.

— В психушку, что ли, и правда его сдать? Да как-то неловко. Вот чертов совок, сплошные предубеждения. А может, там ему лучше будет?..

Говорю не всерьез. Хотя, может, и всерьез. В самом деле, как бы я к нему ни относился, дальше-то хуже будет. Ему действительно необходима помощь. Я читал в Сети, улучшений не предвидится.

Сестра мне на это отвечает очень спокойно и даже деловито:

— А может, это тебе к психиатру обратиться? Это ты беззащитного старика эксплуатируешь.

— Это как, то есть я? Я — его? А не наоборот?

— Именно что ты. Ты и богаче. Ты и умней, ты и ведешь себя правильно. А он для тебя — филиальчик твоего личного ада. Зайдешь, ужаснешься — и обратно. Подумал бы, как отцу живется. Его-то ад — вернее, твой — никуда не исчезает, всегда с ним.

Успокоила, называется. Умная у меня сестра, профессор, хотя и бывший. С отцом она сама говорит лишь изредка, по телефону. После давней ссоры. Он ее, думаю, даже забыл. А я виноват во всем.

Филиал ада, надо же.

Отправляюсь спать.

4.

Но ведь надо что-то делать. Нет, ничего не надо, все сделается само, как делается всегда.

Во сне, вернее посередине сна и яви, то ли засыпая, то ли просыпаясь, понимаю — все дело в том, что он скоро умрет. Его безумие — неуязвимая для здешнего мира броня. Он ведет себя глупо, нелогично, кощунственно — с нашей точки зрения. Есть иные точки зрения и логические системы, они теперь для него главнее. И мне нечего ему противопоставить. Отец наливаются сумасшествием как темной водой смерти, ее универсальным горючим.

Поражение неизбежно, отпущу его, забуду, останусь жив.

Генерал

1.

Я Сабрину не видел почти двадцать лет. Нет, не преувеличение, хотя даже самому таковым кажется. Пора бы привыкнуть к «срокам огромным», к этапам длинным, из которых состоит вся жизнь, например, провинциального журналиста. Собственно, всякого человека (и только человека), но у этой категории, кажется, особенно.

Двадцать пять лет назад я пошел работать на первую «независимую» телестудию в нашем городе да так и задержался. Стал своего рода легендой. Даже когда Сабрина, еще студенткой, пришла к нам в новости, я уже был ветераном, отрубив первую пятилетку (за которую сменилось два владельца и куча директоров).

Хорошие были времена. Работали на чем попало, линейный монтаж — с двух обычных видеомэгнитофонов на третий, потом то же, но в формате (кто понимает) Super VHS. Какой там «супер», с нашей-то постоянно сыпавшейся аппаратурой!

Сабрина была худа, блондиниста, коротко стрижена. Хотела стать звездой. Как же. У нас с ней, кстати, ничего не было. Слышу: «Удивительно!», отвечаю — ничуть. Это все преувеличение, часть привлекательной легенды, будто на ТВ и нравы свободнее, и дышится вообще легче, чем, например, в мэрии. Нет. Будучи чиновником, ты торгуешь своим рабочим временем, будучи журналистом — чем-то, что душой, конечно, не является, но находится где-то рядом с местом спайки души и тела. И болит, бывает, как-то так же неопределенно, но чувствительно и выматывающе, как что-то справа и вниз от солнечного сплетения. Так что не до серьезных романов на служебном месте. Ответственные за них органы заняты другим переживанием. На романы же несерьезные времени лично мне было жалко всегда (теперь это даже смешно).

Когда нас, наконец, купила мэрия (кто-то заработал на этой сделке, а я так, наоборот, потерял возможность подхалтуривать на ту же мэрию, делать втихомолку заказные сюжеты), я почувствовал даже облегчение.

Но Сабрина уехала в Москву, на НТВ, задолго до этого. Год всего она у нас и работала-то. Чем могла — овладела (режиссером и двумя операторами тоже, не удержусь). Сочла себя готовой к покорению столиц. Ну, на НТВ попасть ей все же не удалось, работала то там, то сям, потом ушла с телевидения вообще. Это все я узнавал как-то случайно, как вообще узнаешь в провинции про уехавших отсюда. Ну, вроде как по знакам, явлениям, смутным сигналам мира иного. Может, и неправда все про нее, в том смысле, что на НТВ-то она и на самом деле не появилась, а вот куда исчезла? В Москву, или в Америку, или под колеса электрички? (Преувеличение.)

Но вот вернулась и позвонила мне. Тоже бывает. Кино даже такое есть — иногда они возвращаются. Слава богу, не навсегда и не все.

— Привет, — сказала она по телефону как ни в чем не бывало, — это я, Сабрина, узнаешь? Отлично, я рада! Давай встретимся в «Раю», завтра в восемь вечера, я послезавтра улетаю.

«Рай» — это подвальчик в центре с дорогими напитками. Ну да ничего, такую давнюю знакомую угостить сумею.

2.

Она, конечно, изменилась. Длинные белокурые волосы (крашенные а-ля Мэрилин Менсон) расчетливо спадали на худое, какое-то вытянутое загорелое лицо с отчетливыми скулами и тонким носом. Ну, двадцать лет все же прошло, правда? Это была Сабрина, несомненно. В свитере и пиджаке, джинсах тож. Протянула узкую руку в кольцах и с красными ногтями — садись, привет. Глаза накрашены жирно. Помада, наоборот, почти бесцветная.

Сел. Музыка звучала негромко, но бодро. Полумрак. Заказали коктейли. Ей безалкогольный. Мне — «Маргариту», так как-то олдво, традиционно. Курить-то нельзя, а ей сейчас подошла бы сигарета с длинным мундштуком. Театр какой-то. Как будто она не в Москву уезжала, а в Тальменку.

— Как дела? — спросил я ее.

Она сделала неопределенный, но красочный жест — дескать, по-разному.

— Я вообще по делу, — сказала она хриловато. — Я работаю в одной крупной компании, мы сейчас открываем филиалы по стране, хочу поговорить с тобой, предложить работу. Почему с тобой? Знаю тебя давно — да больше не знаю тут никого. Не была здесь сколько времени, родители еще тогда на юг уехали.

Я прищурился. Я когда-то мечтал, что вот явится некто и меня, образно выражаясь, освободит от этих будней, этого безденежья и безнадёжности. Парламентеров ждал с условиями почетной капитуляции, предложением ли новой жизни. В девяностые ждал, и потом. Дождался ли? Как сказать. Но явно не о Сабрине речь.

— О, — сказал я, изображая смущенную заинтересованность, как и должен был по роли, — что за компания такая?

Она сделала какой-то непонятный пасс перед собой, словно отгоняя духов. Можно подумать. Только сейчас заметил на ее свитере большой амулет на черной цепочке. Амулет такой: похож на объемную стилизованную звезду о восьми лучах, но с какими-то явно лишними углами и изломами.

Принесли коктейли.

— Мы работаем в сфере духовных практик и их применения в повседневной жизни. Знаешь, я сама удивилась, когда впервые попала на семинар — компания международная, офисы в двух городах, Нью-Йорке и Катманду. Поразил, конечно, антураж, обряды, церемонии. Но! Зна-

ешь, чему я удивилась особенно? Тому, что вовремя и правильно произнесенное сочетание букв способно творить чудеса. При помощи, конечно, особых артефактов. Вот таких. Она показала на свой амулет. — Это знак моей ступени посвящения и одновременно очень сильный транслятор магической энергии. Если просто — проводник в мир, заселенный существами иного порядка.

Как скучно. Стоило ли ей для всего этого приходиться в тот февральский день к нам на студию, смотреть удивленными глазами на меня, кусать ноготь, увлекшись работой; стоило ли спать с этим болваном Кареловым (его нет давно), стоило ли уезжать навсегда? Вот — возвращаться так нелепо.

3.

— Твоя задача будет состоять в том, чтобы привлекать к нам новых клиентов. Со временем ты пройдешь посвящение, потом поднимешься на ступень. А сначала, конечно, побываешь на нашем семинаре в Москве. Семинар, извини, платный, и не дешевый, но уверяю, эти деньги быстро вернутся. Второй семинар — в Египте, третий — на Тибете. Я там была год назад, и за это время все изменилось.

Я смотрел на нее и даже не кивал, можно было уже обойтись и без этого. Видел ее неуверенность, неудавшуюся жизнь, неумело замазанные морщины. Душа ее была сплетена с телом в какой-то жалкий зигзаг, напоминавший этот шарлатанский амулет. Впрочем, и меня она видела не в лучшей конфигурации — а точнее, даже не могла видеть сквозь сугробы и оползни этого одутловатого тела, взятого мною — нет, не напрокат, но под временное командование.

— Ну что, заинтересовала идея? — Она заученно улыбнулась. — Давай поговорим про плату за семинар...

— Пойдем, — сказал я, вставая и протягивая руку.

Она удивленно и с какой-то внезапной робостью посмотрела на меня, но встала послушно.

Я подвел ее, уже совсем безвольную, к небольшой дверце в стене «Рая», стилизованной под бок деревянного бочонка, и открыл ее. Слегка поклонился, пропуская вперед, в темноту. В царство боли и ужаса, на человеческий-то взгляд. Она не смогла бы отказать мне. Если бы и захотела. Собственно, в каком-то смысле ожидавшее ее было ничем не хуже здешнего существования. По дороге, не выдержав, я начал преобразиться — надоело носить местную дрянь. Выпустил для начала свой прекрасный, украшенный изумрудными шипами хвост. Метафора? Не сказал бы.

«Существа другого порядка» — сказано, пожалуй, слишком сильно. Но звучит эффектно, я согласен. Мы все тут с этим согласны.

Бездельник

1.

Тихоглазов был классическим бездельником. Он родился и вырос на проспекте Ленина, некотором местном подобии Тверской и Кутузовского проспекта одновременно, в семье знаменитого п-ского прозаика. Квартира была, правда, всего лишь трехкомнатная, но ее расположения и папиного статуса вполне хватало, чтобы Тихоглазова в детстве считали центровым парнем. Конец семидесятых уже показывал нам грядущие признаки демократического разложения, смотрите, мол, в оба — да кто бы разглядел!

Всю свою жизнь Тихоглазов удачно демонстрировал различные способы ничегонеделанья, наиболее адекватные каждой из эпох. Почти десять лет он был студентом исторического факультета. Так и не окончил, кстати. Потом работал в заводской многотиражке. Потом торговал в магазине аудио- и видеокассет своего приятеля-нувориша. Потом трудился ночным сторожем. А потом и вовсе ушел с работы. Жил тем, что сдавал две из трех комнат родительской квартиры с видом на памятник Ленина. Одну комнату постоянно, передавая из рук в руки, снимали компании каких-то тувинцев, алтайцев ли, прочих малых народов. Одни съезжали. Другие заезжали. Человек по пять, а то и по десять. Ну, не китайцы все-таки. Соотечественники. И платили вовремя. Хотя, конечно, ни на кухню, ни в ванную выйти было невозможно.

Зато другую комнату снимал тихий старичок, мистик Кривошеев. Он в свое время был самым первым в городе астрологом, долго вел персональную рубрику в местной газете, имел частную практику. Затем астрология потеряла актуальность, да и сам Кривошеев отказался от нее ради более интересных и глубоких опытов.

Жил он на одну пенсию, ему вполне хватало. Хватало и Тихоглазову, особенно после того, как он перестал пить. Просто надоело. Наркотики его тоже обошли стороной — поколенчески. И как-то полюбил он две вещи: лежать в своей, самой маленькой, комнате на узкой, подростковой еще кровати (на века делали) и мечтать о пустяках. В комнате также стоял письменный стол, пара стульев и три шкафа, два книжных и платяной. Шкафы и стол были еще прежней, сталинской закалки и выглядели вечными. А главное, книги — те же, которые он, к огромной зависти одноклассников, имел уже в детстве. Жюль Верн и Вальтер Скотт, Конан Дойль и, конечно, «золотая рамка» — «библиотека приключений».

Ему жилось на самом деле хорошо. Куда лучше тех, кто добывал сушие гроши в офисах, магазинах, классах. Им даже мечтать было некогда. А ему — пожалуйста. Мечтал он частично о вещах бытовых, пустяковых, частично — о несбыточном. Ну, например, скорее бы уйти на пенсию (было ему пятьдесят с небольшим) и тратить деньги или копить — по своему усмотрению. Тувинцев выселить, а то и Кривошеева. Быть самому хозяином — хотя, спрашивается, кто за квартиру платить будет?

Из разряда несбыточного ему хотелось (как хотелось и в детстве) стать человеком-невидимкой. Конечно, в детстве он это мыслил применительно к негласному посещению женской бани (во дворе, теперь сауна). Или к тайному заимствованию денег у отца. Сейчас он бы просто послонялся по миру (если бы к невидимости прибавилась еще и вездесущность). Хорошо было бы также попасть на машину времени и оказаться в прошлом. Накупить золота. Или акций Газпрома. Или махнуть в Питер, на улицу Рубинштейна, пообщаться с Виктором Цоем (его Тихоглазов как-то особенно выделял из всей этой рок-братии).

2.

Иногда они пили чай с Кривошеевым. Старик, зорко поблескивающий из-под седой кустистой брови быстрым глазом, образ жизни Тихоглазова не одобрял.

— Ты ж молодой, ты ж активным должен быть. Будь я твоих лет — у, я бы такого натворил!

Тихоглазов лениво пожимал плечами. Кривошееву он не верил, над его мистикой посмеивался. Кривошеева это задевало, как и намерение выселить его из квартиры (об этом Тихоглазов говорил не раз, но скорее в шутку). Однако до поры до времени он помалкивал. Только ворчал иной раз что-то под нос.

— Если ты ничего не делаешь физически, ты мог бы постигать законы Абсолюта. Медитировать для начала. Иначе твое поведение просто преступно. Я вижу, что ты хочешь этого и сам. Ты хочешь слияния, соединения с Вечным. Ну подтверди, не упрямясь.

Тихоглазов продолжал ухмыляться.

— Ладно, — горячился Кривошеев, — перейдем к конкретике. С кем бы ты хотел, так сказать, слиться, принять облик и постичь суть? Не вытеснить обитателя материальной оболочки, но подселиться к нему? Из исторических, я имею в виду, личностей? Даже умерших?

— Сталин, — говорил Тихоглазов назло.

Кривошеев всплескивал руками:

— Ну ты не можешь хотеть этого, это же каприз. Ну ты прямо ребенок! А серьезно? Вот хотя бы с твоим любимым Виктором Цоем?

— Цой — нормально, — сказал, подумав, Тихоглазов.

— Отлично! — сказал Кривошеев торжественно. — Я тебе это устрою.

3.

В один из осенних вечеров Кривошеев позвал Тихоглазова к себе в комнату. Там царил мистический антураж. На шатком столике, покрытом красной скатертью, горело несколько свечей в замысловатом порядке. Пахло непонятно, но явно чем-то мистическим.

— Садись, — сказал Кривошеев, одетый в некое подобие халата со звездами, и даже в колпаке. — Вот на этот Треножник Люцифера.

Тихоглазов сел на нечто, напоминающее стул от материнного пианино, хитро задрапированный в портьерный бархат.

— Выпей вот это и поклянись хранить молчание.

Тихоглазов взял деревянный кубок (под хохлому, но с налепленными поверху рунами — из конфетных золотинок), понюхал. Пахло приятно, какими-то анисовыми каплями. Жидкость была тяжелой, зеленоватой.

— Все будет по твоей первой мысли. Как только ты осушишь сей фиал, постарайся контролировать себя. Хотя, наверное, это бесполезно, адепты учатся этому долгие годы. Но ты постарайся не размениваться на пустяки. Там, например, миллион рублей или здоровые почки.

— А можно? — заинтересовался Тихоглазов.

— Но не нужно, — парировал Кривошеев. — Пей.

Тихоглазов глотнул, потом в два приема допил до дна. Жидкость стекла в горло, как шелк. Но, достигнув чего-то в его организме и словно затвердев, в одну секунду вдруг превратилась в острый кинжал. Тихоглазов скорчился от жуткой боли. Потом он почувствовал, что его разрывает на части, причем с двух сторон: нечто огромное входило ему в рот (вроде бутылки шампанского дном вперед), и такое же — в задний проход. Но крови не было.

Он не мог говорить, только смотрел на мистика с ужасом. Потом тот растаял в облаке серого тумана. Потом растаяло все. Освободившийся дух немедленно слился с сонмом себе подобных и понесся вокруг Земли, а впрочем, и вокруг столбового времени. Они побывали в женской бане тихоглазовского детства, видели Виктора Цоя, лежащего пьяным в каком-то подъезде (при этом его дух соседствовал и содружествовал с тихоглазовским — собственно, им и был), побывали у тихоглазовской матери в мире мертвых — она только отмахнулась от бывшего сына, как, собственно, делала и при жизни.

Тем временем довольный мистик тащил тело Тихоглазова в его комнату под недоуменными взглядами тувинцев, всем отрядом идущих в ванную. Он намеревался уложить его на кровать, поить, кормить по минимуму, пользоваться жилплощадью.

Кроме того, он кое-что кое-кому обещал — по мелочи: кончик левого уха и ноготь с мизинца Тихоглазова.

Прогулка романтика

1.

Копытов закончил свою карьеру молодого поэта, так «Дебюта» и не получив. Кое-чего он все-таки добился: два *шорта*, три *лонга*. Знающие люди говорили, что после двух шортов вероятность возрастает неимоверно; значит, ему просто не хватило времени. Номинировали его (до уровня лонга доходил почти всегда) на полдюжины других премий, поменьше да

попроще. В «Эмигрантской лире» дошел до финала (там местных тоже пускают). Ну, само собой, подборки в «Знамени», «Дружбе народов» — по одной, в «Дне и ночи» целых четыре, но это почти не считается. В коллективных подборках публикаций, что называется, без счета. Две книги в небольших московских издательствах, известных среди своих. Ездили веселой компанией в Шанхай. Еще более веселая и перспективная компания сгоняла в Лондон, но его вычеркнули в последний момент. Из-за неполученного «Дебюта», конечно.

Ну и вообще — провинциалов, конечно, обижают. Надо было перебираться в столицы, но Копытов, увлеченно мотающийся по стране, ее фестивалям и тусовкам (да, и на паре мелких слэмов он победил!), об этом как-то не думал. Он как-то даже устал одно время от поездок, хотелось посидеть спокойно, отдохнуть. Ну вот — теперь можно отдыхать до пенсии.

Внезапная пустота и тишина его не столько расстраивали, сколько озадачивали. Как-то в один момент кончилось все, чем он жил десять лет. И главное, новое никак не могло начаться.

2.

Его литературные товарищи и конкуренты из числа сверстников тоже как-то поутихли. Копытов понимал, что это всего лишь пауза, такая остановка в пустыне, и скоро все опять начнется. Ну нет, не все, конечно, и не так, как бывало, но скучать снова не придется. Надо подождать немного, укрепившись духом. Продолжать писать, попробовать прозу, пьесы. Как делали некоторые, и вполне успешно. Но пока в основном с прицелом на то, чтобы развернуться позже.

Кто-то, конечно, из паузы выходить не собирался — сдулся, или, другими словами, получил от юности все, что хотел (впечатления, заряд энергии), и теперь намеревался тратить полученное. Эти растворились в мире, как соль. Но также с возможностью рецидива. Некоторые уехали за границу как бы учиться в тамошних аспирантурах, по сути же — начинать новую жизнь. Некоторые перешли на коммерческое писательство, сценарии оказались выгодным занятием. Но тут точно нужно быть поближе к студиям и головным телевизионным офисам.

Копытов сам не понимал, как застрял в провинции, на шее у родителей. При необременительной должности в Детском образовательном центре, вроде по специальности, не канавы копать, но за три копейки. Пробовал общаться с местными литераторами — не получалось.

Старики советской еще закваски только злобно и бессильно шипели на него, как и на все вокруг, впрочем. Оттеснившие их бодрые пенсионеры уже нового призыва опасались в Копытове конкурента по части дележки скудных грантов и субсидий от местных властей, потому решительно не пускали на порог. Ровесники, остававшиеся в п-ской литсреде все эти годы, смотрели на него с завистью и злорадством. Молодежь, которой, казалось бы, пристало видеть в нем, литературном, в общем-то, удачнике, образец для подражания, дичилась. Школьники средних классов, кото-

рых Копытов учил писать стихи, были малограмотны и туповаты. Лучшие из них пытались подражать авторам хип-хопа, остальные — уныло перекладывали Пушкина и Есенина. Копытовских стихов, вообще поэзии его поколения они просто не понимали. Не считали это стихами, точнее.

Родители не пытались влиять на его жизненную траекторию, предпочитали радоваться, что единственный сын живет с ними, помогает иногда по хозяйству, даже вот на дачу летом ездит. Ну, не часто, конечно, а кто из молодежи часто, скажите на милость?

3.

Но вот как раз когда он остается один, раз в месяц примерно, он устраивает себе настоящий праздник. Так скромно, по-дауншифтерски, к тому же «в одного», но душевно и бескомпромиссно.

Покупает за маленькие деньги бутылку водки местного производства, пакет яблочного сока, запасается льдом и несложными закусками. Делает себя коктейль в пивном бокале — приз с какого-то слэма. Льда побольше. Но это все не главное. Музыка важнее.

На стареньком, но вполне годном ноутбуке ставит на всю (небольшую) громкость один и тот же плей-лист. Песни его детства и юности. От Цоя и «Нирваны» до «Сплина» и «Оазиса». Как хорошо! Может, и все дело в возрасте? Постарел он, может? Это же случается неожиданно и, если верить классикам, всегда и со всеми.

Так он пьет первый пол-литровый стакан целый час. Тут важно не подливать. Первая партия делается в такой пропорции: один к десяти. Алкоголя минимум.

Второй бокал пропорцию меняет. Смешиваем примерно один к четырем. Бережем сок, чтобы на третий хватило. Продолжаем слушать музыку. Но меняем пластинку. Пусть звучат современники. Вот, например, стильные девичьи группы, их сейчас немало. Это вам не «Ночные снайперы».

В этом времяпрепровождении, конечно, есть рисовка, и Копытов прекрасно видит, что к чему. Но так как стихов он временно не пишет, такую нарочитую приверженность к ритуалам, такой выплеск творческой энергии в сферу конструирования напитков и плей-листа вполне можно считать актом творения. И акцией тоже.

Продолжаем заниматься акционизмом. Третий бокал намешиваем в равных пропорциях. Это уже серьезно. Ну, не хардкор, конечно, чего нам только не приходилось пить на тусовках-то, хоть и без особого удовольствия, но отказываться ведь было нельзя. Не комильфо, сказал бы Копытов, если бы был представителем предыдущих, куда более удачливых литературных поколений. Ну как, то есть, удачливых? Не по своим заслугам. Иначе было устроено, вот что. В жизни, в литературе. Поразмыслить об этом можно и вслух. «Возьмите меня замуж на лето, возьмите изо всех сил», — допоеет ироничный, нервный голос и будет выключен синхронно с окончательным опустошением бокала.

Что делать-то дальше, а?

4.

Как обычно, он находит решение. Он и ритуал-то свой, праздник, свою прогулку с самим собой проводит только для того, чтобы снова и снова убеждаться: все дело не в мире и судьбе, а в том, что ему, Копытову, просто не пишется. Ну, это ведь не приговор, это только пока. А потом все начнется снова. А потом прекратится. А потом начнется опять.

Заканчивая прогулку, Копытов выходит на балкон родительской хрущевки. Пятый этаж. Лето еще в начале. Жары нет. Хороший вечер. Молодая, незапыленная зелень. Он закрывает глаза, что сделать совсем нетрудно, сами закрываются. Стоит с закрытыми под ветерком. Небольшой город П. зажигает огни. Можно было бы сказать, что оттуда, снизу, на него с укоризной смотрят городские нимфы и дриады, фавны и музы. Мол, отчего же ты нас не замечаешь, не пишешь о нас, нами не вдохновляешься?

Но это неправда. Для него ничего такого не существует. Копытов останется здесь жить навсегда, а писать так и не начнет. Он сам это чувствует, но как-то не решается поверить, что такое возможно. А уже следовало бы.

Троллейбус

1.

— Это все восьмидесятые годы, — сказал, уныло вздохнув, генерал и нервно погладил себя по макушке. Он был почти лыс, и лысина эта блестела прямо как отполированная, в отличие от большинства других, виденных Ивановым в жизни, умеренно матовых, как бильярдный шар. Более того, лысину покрывали редкие пряди волос, переброшенные слева направо. «Внутренний заем» — вот как называли это во времена, которые Иванов, в принципе, еще помнил. Генералу стоило побриться наголо, придало бы мужественности и молоджавости. Лысина его явно старила. А ведь он был куда моложе Иванова.

— Согласны, Сергей Алексеевич?

Иванов неопределенно качнул головой: какие там генерал мог помнить восьмидесятые годы?! В детском саду, что ли...

— Я поясню мысль: тогда разрушилось что-то, что разрушаться было не должно. Какой-то монолит, какая-то внутренняя связка. Струна лопнула с таким звоном, что и сейчас тошно. Ее бы ослабить или натянуть, исправилось бы дело, да вот не сумели. Предательства было много. Во всех смыслах, и, так сказать, философском, и прямом. А посмотрите на культуру того времени, которую, честно говоря, так и хочется назвать упаднической, депрессивной... вообще как будто наша планета, ну, ее советская часть, влетела в отравленный пояс. В облако мелких бесов, нацепляла их на себя и летит дальше...

Он сделал паузу.

— Ну и поколение, которое тогда сформировалось. Начало жить — и как?! Говоря откровенно, дрянь на дряни. Я не про вас, конечно, Сергей Алексеевич. Вы ж понимаете. Для них предательство стало чем-то естественным. Ну еще бы, говорят они, при нас столько истин было повержено, столько монолитов размолото, святынь низвергнуто, что куда уж нам самим устоять!..

— Ну и что там ваш Шаболинский? — спросил он внезапно. Собственно, чтобы еще раз дать понять: сказанное выше не к Иванову вовсе, а к его подследственному и относится.

— Думаю, начнет сотрудничать. Прямо сегодня — да вот уже сейчас, наверное, — придет его адвокат. Жду, что через него предложение последует.

— Сколько докажем?

— Климентьеву, думаю, от миллиона, Серову — может, и от трех.

Генерал посмотрел на Иванова снизу вверх. Он, естественно, и не подумал предложить подчиненному садиться. Сверху, через генеральскую голову, на Иванова без какого-либо выражения смотрел Путин. Сбоку — со своей вечной презрительной полухмылкой, вполоборота — Дзержинский.

Это был то ли пятый, то ли шестой генерал за годы ивановской работы в управлении. Последний, надеялся он. Закончить с Шаболинским — и хватит.

— А вы присаживайтесь, Сергей Алексеевич, я еще вам хочу кое о чем сказать.

Вот это было уже хуже. Он сел на крайне неудобный стул.

— Я, знаете, когда пришел в управление и стал знакомиться с личными делами, прямо удивился вашему. Вы как-то сильно в глаза бросаетесь. Возвышаетесь среди мелколесья подобно, извините, корабельной сосне. Работаете дольше всех руководителей подразделений. Пережили пятерых начальников управления. Имеете огромное количество поощрений, успехов и удач. Я попросил навести дополнительные справки — узнал про вашу собственность, или спрятанную вами, но неглубоко, как-то нарочито неглубоко, — и удивился еще больше. Оказалось, и «смежники» интересуются вами...

И вот только тут Иванов наконец-то все понял. Заговорил его генерал, усыпил. Мастер. Новое поколение, теперь они, видно, по этой части. А он устарел, конечно. Ну, сука Шаболинский. Не думал, что осмелится.

Все проще простого. И так Иванову стало тоскливо от меченых долларов в портфеле адвоката, который, поди, уж в приемной, от дюжих «смежников», готовых к показательно грубому выламыванию рук с видеофиксацией (да уже напихавших новых, модных приборов, о которых он и понятия не имел, в его кабинет). От ждущей его мрачной камеры (а у него ведь клаустрофобия). Всей этой шумихи и позора. И он потерял сознание.

2.

Наверное, на полминуты. Генерал, вероятно, ничего не заметил. А он оказался в каком-то сыром и сером лабиринте между плохо оштукатуренных, облезших стен старинных зданий без окон. Серое небо звучало им в унисон.

Именно что звучало — непрерывной, тонкой нотой, адским зуммером. Той самой лопнувшей струной.

Издали по мрачной улице приближалось облачко, внутри которого хватался за бока, извивался, прямо ухохатывался представитель выявленной генералом породы мелких бесов. Увы, Иванову он был знаком очень хорошо. И с тех самых восьмидесятых.

Вот в него, Иванова, курсанта, прикрепленного к милицейскому патрулю, с размаха летит финка рецидивиста. Вот его десять лет спустя вывозят в лес и ставят на колени, интересуясь судьбой денег, которые он должен был передать, да не передал. Вот еще почти десятилетие спустя на горном серпантине отказывают тормоза его новой машины.

Машина и все прочее, чему удивлялся генерал, тоже оттуда. От него, появляющегося каждый раз — вовремя.

— Ну что, — закричало существо издали, — попался? А? Ой умора, вот умора... да не бойся так-то, неприлично даже и, веришь ли, — зря! Зря боишься! С тебя саечка за испуг, а ложный вызов будет учтен и зачтен, не сомневайся...

Отсмеявшись, он исчезает.

3.

— Ты понял, чем я рискую? — сказал генерал драматическим шепотом, почему-то переходя на «ты».

— Так точно, — пробормотал Иванов. Так значит...

— Тогда знаешь, что делать сейчас и что потом.

«Делиться», — думает Иванов, а вслух бормочет:

— Разоблачать провокацию, демонстрировать и предъявлять...

— А что сидишь тогда? Беги! Пять минут у тебя максимум, мать-перемать! Скажи спасибо, что мы с тобой в одном троллейбусе. И не забывай об этом!

Он поднялся со стула и кое-как выполз в коридор. Ну, этого генерала, из новых, ему точно не пережить.

Солнечные дни

1.

Мы все видели, что у Ромки Ярцева на душе большая обида. Он, конечно, не говорил ничего, всегда сохранял мрачноватый такой вид, возился со своим небольшим трактором, не обращая внимания на мазутные пятна, расцветающие на его смуглом мускулистом теле. А пожалуй, и спе-

циально подставлялся под тяжелые, черные капли, это дизельное мумие, чтобы покрасоваться перед нашими женщинами. Скидывал-то ляжку фирменного комбинезона, обнажаясь по пояс, явно для этого. Да, вел себя как все симпатичные, молодые еще, тридцатилетние красавцы «из простых». Но обида была. И это нас со временем стало смущать.

В то жаркое лето мы видели его особенно часто. Ремонтировали большой насос, подновляли здание администрации нашего поселка, меняли довольно большое количество звеньев ограды. Ну и как обычно — от-везти-привезти-помочь.

Ромка и домой почти не уходил, разве что уже за полночь, благо жил он в крайней к нашему поселку избе. Выглядевшей не блестяще, но получше, конечно, чем соседские.

Хоть деревня от города в десяти километрах, а все равно глушь, безработица да паленая водка. Может, и хуже, что так близко. В город отсюда можно не то что уехать, но и уползти. Вот и уползли, кто мог. Ромка остался чуть ли не единственным парнем, молодым мужиком — работоспособным и вменяемым.

Вот шоссе в город, последний километр идущее по деревне (участок сделан на наши деньги), вот наш КПП. А слева Ромкина и его матери изба под серым шифером с крашенными бог знает когда окошками. Мог бы и пластиковые окна вставить, конечно, хотя бы из тех, что менял на новые у нас. Мог бы цветным сайдингом (массово убираемым уже и с наших сараев) стены подновить.

Но не хотел. Не интересно было это ему. Возможно, общаясь с нами, он себя частью нас и чувствовал. Понятная, простительная иллюзия. Так было все три года, которые он работал в «Синем лесе». А вот до этого... И правда, где он был до этого? Кто его обидел?

Вопросы не праздные. Люди у нас тут особенные. Враждебных глаз и ушей нам, как говорит наш активист полковник Романенко, «нэ трэба».

Да что тут, я сам видел — солнечный, прямо жарчайший день, хочется укрыться в любой тени или вовсе сбежать под кондиционер. А он ни с того ни с сего остановит свой маленький трактор посередине поселка и сидит, повесив голову. Обижается. И ведь не пьян, хотя, как в этой деревне и положено, родня вся утоплена в алкоголе до отдаленных колен.

Сперва это смущало, потом стало тревожить. Вернее, так: мы готовы общаться со всеми. Мы снисходительны, мы добры. Готовы простить многое. Увлечение наших женщин такими, как Рома, тоже. Но всему есть пределы!

2.

Дом у Романенко, может, и не самый роскошный, хотя мы давно перестали делать какие-либо выводы по этому поводу. А вот баня, пожалуй, претендует на роль лучшего сооружения в своем роде. Нравится это дело человеку, так и пусть. На последней неделе августа мы собрались на третьем этаже этого сооружения в так называемой японской зоне. Отделано все тут каким-то необычным камнем, ну и прочая обстановка с национальным колоритом.

Романенко нам сказал:
— Мужики, с понедельника за рулем нашего трактора изменения. Надежный человек, мой прапорщик, выслужил свое — к нам теперь. Обращайтесь. Безотказный дядька.

Помолчали.

Потом полковник довольно эмоционально стукнул ладонью по столу из какого-то черного дерева:

— Ну кто б мог подумать! Как оно все вышло!

Оказывается, Романенко своими силами и по собственной инициативе выяснил, что было у Ромки на душе. Все элементарно, даже слишком. (Я, возможно, был даже разочарован.) Он — всего-то! — не любил наши порядки и ненавидел нас. Считал, что когда-то давно все пошло не туда. Именно тогда, когда появились мы. Или мы и появились потому, что случилось нечто нехорошее.

По словам Романенко, он рассказал Ромке, как скучна, сера, бедна была жизнь его деревни, города рядом, всей страны, а по большому счету и мира в те далекие времена. Серые однотипные здания. Очереди, озлобленные лица, бедные одежды. Фактически голод и нищета. Атмосфера агрессии, разлитой повсюду. Алкоголики на улицах. Шпана в подворотнях. Жалкие потуги местной богемы и чиновничьей аристократии подражать Западу. Бездна, полный тупик. Вечный ноябрь. Солнечные дни в этот город и в эту страну (в этот мир) принесли мы.

Ромка-то ведь тогда был младенцем. Кто-то ему наговорил и подговорил — подкрадываться к нам? Выждать до поры. С такими взглядами ему было, конечно, тяжело. И не так он был опасен нам, как мы были опасны ему. Ничего не сделал, может, и не задумывался еще, но мог сделать каждую секунду. Или сам, или по команде откуда-то не отсюда. (Романенко намекнул, что знает больше, но мы не расспрашивали.) Поэтому хорошо, что его больше не будет.

Собственно, и изба Ромкина сгорела.

3.

А я вот в тот вечер, уже у себя на веранде, задумался. Странно мыслил этот тракторист, какими-то эпохами. Обобщениями. Как в старом учебнике «Новейшая история». Помню такой, с черно-белыми картинками.

Для него все было слишком просто — мир делился на до и после нашего появления. Для любого из нас эти тридцать лет делились на множество микровеков, каждый из которых открывал новую страницу. В каждом из которых происходило такое движение, что мы все могли ментально становиться и трактористами, и полковниками, и миллионерами, и министрами. И белыми, и черными, и серыми. И разбойниками, и сыщиками. Менять участь в течение чуть ли не одной недели.

И мы все были разные. Сам термин «мы» был неправильным. Разнообразие и конкуренция. Победы и неудачи. Новый мир, чего там.

В общем, это была настоящая жизнь — для нас. А для Ромки — воображаемое. Конструкт его, алкоголика в третьем поколении, сознания.

Потому и крылась опасность в самом столкновении Ярцева с вымышленной им самим же реальностью. Сошел бы он с ума, непременно. Маньяк на пылающем тракторе в элитном поселке — написали бы в интернете. Ненужный человек.

— А мать-старушка? — спросил кто-то из нас у Романенко, как бы в шутку.

Полковник только сверкнул глазом.

— Матерей-старушек мы не обижаем.

Ответ был неопределенный. Но мы все увидели в нем чистую правду. Правду со всех сторон и во всех возможных вариациях. Нет, их не обижаем. Они ведь все — за нас. Они просто вкусны, как ни странно. Земля полна парадоксов.

Мальш

1.

Ну вот, дожили: я, пятидесятилетний литератор-неудачник, регистрируюсь в соцсетях под женским псевдонимом и начинаю писать там всякие гадости. Я толстый, в массивных очках. С бородой полулопатой, такой саперной лопаткой, которая во времена моей юности считалась обязательным атрибутом литературной деятельности. Ну с деятельностью, да, напряг, а борода все же немного выросла.

Под ником Lenka Perekur пишу сначала вот что. «По поводу феминизма. Я возмущена, во-первых, тем, что должна “по признаку пола” поддерживать эту оголтелую свору неудачниц и лесбиянок. Не хочу и не буду. Во-вторых, я правда считаю, что мужчины умнее и талантливее нас, баб. У них есть кое-что в штанах и кое-что в голове. И душе. А у нас кругом одни дыры. Бабы мы дуры и есть. Хоть с образованием, хоть нет».

Любуюсь. Ну, набежит толпа. Усугубим тогда. Про либералов что-нибудь и ватников. Крымнаш тоже. Чуть позже, чтобы одно на другое не наложилось. Где лайков больше будет, интересно? Посчитаем. А к феминизму картинку добавим, Малявина, например, русские бабы. И на аватар ее ж. Эх, вот до чего я дошел.

Обстановочка: я в закутке хрущевки на окраине города П. Хрущевка трехкомнатная, но малогабаритная. Закуток именуем кабинетом и отгораживаем фанерной дверью. Ноутбук практически на коленях (учитывая мои габариты — на животе). Через стенку спит, разметавшись во сне, как та самая русская баба, по комплекции подходит, моя жена. Маринка. Типа жена. Моя однокурсница в далеком прошлом. Бедновато живет, еще и я копейки приношу (алименты плачу, причем сразу в две прошлые семьи, прошу учесть). Знакомы мы давно, сошлись год назад.

Она спит, а по комнатам в задумчивости бродит ее сын. Тонконогий, с тонкими же, будто просвечивающими запястьями. С золотыми кудрями почти до плеч (это я настоял, чтобы не стригли). Одиннадцать лет. Золотой мальчик. Данила-мастер. Прикрикнуть бы, двенадцатый же час ночи, пусть идет в свою комнату. Но я слушаю, как он бродит, хочу слушать и дальше. Поздний ее ребенок. Мой, в некотором смысле, пасынок...

Ну и что это, как не самый настоящий ад, спрошу я вас, отцы и братья?

2.

Все накапливается медленно, по песчинке. А потом оказываешься под кучей песка и задыхаешься. Я с юмором отношусь к своему ничтожеству. В общем, и пококетничать им не прочь. Да и привык уже. А может, считаю заслуженным.

Застрял я в этом П., вот в чем дело. Не могу поэтому в соцсетях читать об успехах и просто делах тех, других. Которые как я. Вернее, которыми я мог бы быть. По полному праву. Не потому, что я так хорош, это они не очень-то круты, как раз бы в мою силу. Но не судьба.

Я раньше любил соотносить свой возраст с возрастом известных писателей. Кто во сколько лет что создал. Ну Лермонтов, понятно, Пушкин... Так и Булгаков отпал. И Джойс, и Пруст. Я вот все на Розанова смотрел, который, как и я, в провинции пропадал, с женщинами проблемы имел. Потом перебрался в столицы — и взлетел. Но потом я понял, что и Розанов меня куда моложе. Умберто Эко остался с поздним дебютом. Анатолий Рыбаков еще. Ну и кто-нибудь другой есть наверняка. Узнаю.

Сам виноват, вот что обидно. Попадался каждый раз на мелкий крючок, шел на дешевку. Самому смешно. Женщина. Или какой-нибудь «проект» (особенно девяностые были этими проектами наполнены). Или еще что-нибудь. Когда набиваешь свою жизнь этим новым, начинающимся, кажется, что она вроде и заполнена, вроде и не зря идет. Как советуют чем-нибудь пузо набивать, чтобы было фальшивое ощущение сытости. Для похудения (актуально). Но ведь фальшивка, и не наестся ею!

Иной раз думал, что все как у Стругацких в повести «За миллиард лет до конца света». Кто-то кого-то посылает, чтобы чему-то помешать. Гомеостатическое мироздание шалит. Смешно, право слово.

Опять же, деньги. Деньги — они как алиби для самого себя и окружающих. Вроде как ответ на вечный вопрос — что делал весь свой век, чего добился? Ответ: разбогател. Ладно, хоть что-то. Не зря, мол.

Но я-то беден как церковная мышь. А вот *те*, в издательствах, журналах, при западных фондах, меня куда богаче. У них московские и питерские квартиры. А я вот тут, в чужом углу. Поражение по всем фронтам, вот как это называется.

И что мне с Данилой делать-то?

3.

Я представляю его в виде обнаженной статуи, выкрашенной в золотой цвет. Леонардо да Винчи отдыхает, красота — здесь. Но не сейчас, и вряд ли когда, конечно, эта затея со статуей осуществится.

Не очень реагируют на мой пост. Время неудачное? Хотя я специально выбирал, у нас-то ночь, в столицах как раз вечер. Впрочем, все они в основном днем, с рабочих компьютеров заходят. У нас в конторе за это

наказывают, а им — пожалуйста. Как и все на свете. Написала какая-то баба «Фу...» и смайлики поставила. Вроде разоблачила. Пара лайков прилетела от непонятных людей. Автоматически, видно. Ну смотрите что: и тут полнейший провал.

Очередная неудача.

В чем-то мы с ними, добившимися того, что мне и не снилось, схожи. В нашей общей, глобальной неудаче. Поколенческой, что ли. В светлые времена я это понимаю. Ну печатаешься ты везде, миллионер ты, или свой первый и единственный роман закончить не можешь, перебиваешься с копейки на копейку — посмотри вокруг. Дрянная, промокшая, в пятнах картонная декорация и муравьиная дрянь под ней. Вместо того, что было в наши восьмидесятые да и девяностые тоже. Просрали-с мы с вами все что могли, дорогие удачники.

Но, находясь поближе к сцене и подальше от задника, как-то об этом забываешь. Я тоже хотел бы, ан нет. И моя личная неудача, мой персональный провал, конечно, перевешивает все остальные, глобальные провалы.

Я бы и дописал роман-то, что ж не дописать, но зачем? Стыдиться, позориться с рукописью? Лучше пусть его не будет вообще. Это отсутствие похоже на сознательный атеизм. По крайней мере, требует мужества и умения смотреть в лицо правде.

Душно в моей каморке. Обои отсыревают от дыхания и горячего чая (чайничек у меня тут же). Отсюда, наверное, и образ картонных декораций. Как все просто!

Но кто сказал, что человек должен быть счастливым? Что у него должно что-то получаться? Особенно в той сфере, в какой он сам себе навообразал? Может быть, весь мой путь был таким извилистым, каменистым, чтобы в конце его я встретил Данилу? Помог ему состояться, победить, сделать то, чего мне не удалось. Нормальное же отцовское чувство. И Маринка ради этого была, и прочие унижения. Кто его знает, каков высший счет, что за что и в каком эквиваленте принимается?

Тут мой ноутбук отключается. Старый он, как и я. И настолько старый, что, как и я, толст и с тусклым экраном. Также возрастное. Теперь то, о, все тонкие и яркие.

Данилы не слышно. Пошел спать. Я тоже иду, только загляну к нему в комнату. При свете ночника поправлю одеяло, еще раз гляну на его запястья, на его кудри. Много я такого видел, а тянет снова и снова. Малыш... Не он тут малыш, а я, вот в чем дело, — все же в чем-то Lenka Perekur насчет мужчин права.

Печаль

1.

Дети — это такой странный народ, они все сняты и мерещатся.

С молодой женой жить и хорошо, и плохо. Хорошо: весела, бодра, оптимистична. Плохо: требует сильно многого. Превращается, что неизбежно, конечно, из молодой в старую, но не сразу приобретая достоинства

старой. Этот-то промежуток — когда уже не бодр и не весела, но и ума-разума пока не набралась — вот он-то, да, тяжеловат.

По какой-то причине две эти мысли пришли в голову Лавкину после того, как действие наркоза постепенно прекратилось, он возвращался в этот, стало быть, мир.

После операции ему пришлось лежать неподвижно чуть ли не неделю, и уж тут он надумался всласть. Мысли приходили не поодиночке, а целыми блоками. Пакетами смыслов. Сюжетами, но без сюжетного развития. Это как если бы целый сериал серий в сто вместить в один абзац. Вроде и емко, без дурацких длиннот и рассусоливаний, но и непонятно. И упомянутые в начале мысли — тоже можно разворачивать до бесконечности. А вот еще.

Тяжелая болезнь (смерть! смерть! — злорадно поправляет кто-то) для всех необычное состояние. Даже для профессора биологии. Может быть, именно для него, потому что для отдельного человека, даже биолога, в обычное время никакой такой научной биологии *самого себя* не существует. Всё какие-то туманности и неопределенности. А вот тут точные факты. Тут вот непреложные истины, которые, возможно, философа удивить бы должны — а биологу все ясно. И поэтому он видит яснее прочих тупик. То есть общая биология этим тупиком пренебрегает, а вот его, личная, в нем останавливается. Это и странно.

Так довольно благостно размышлял Лавкин, как раз профессор биологии п-ского университета.

Пройдя мимо, молодая сестра в халатике, туго обтягивающем огромный, сверху уходящий далеко от нее в горизонтальной плоскости и закругляющийся книзу бюст, посмотрела на него и ничего не сказала. Это была не его медсестра, к другим приставлена, что ей с ним говорить. Лавкин, глядя вслед, тут же подумал в обычном «пакетном» стиле, что она в течение ближайших трех лет непременно выйдет замуж и родит ребенка, если уже не сделала это — опять же, в течение последнего трехлетия. И это такая приятная ей и полезная обществу определенность, свойственная только женщинам.

Вскоре его перевели из реанимации в общую палату.

2.

Приходила бывшая жена, смотрела, поджав губы. Говорила будто через силу:

— Ты собираешься сыну помогать? Бросил ребенка, думаешь, все само собой забудется?

Сыну-то двадцать лет, учится в столицах, деньги посылаются, так что это больше для разговора.

Приходила жена нынешняя, не говорила толком ничего, только улыбалась неопределенно, не смотрела в лицо — ну да это она всегда так, ничего такого необычного.

А дети и правда снились Лавкину, но не старший сын и не младшая дочь. Это были какие-то другие дети. Ну, может быть — его нерожденные. Кто же знает, каковы они.

Единственный сосед — мелкий бизнесмен лет шестидесяти, из бодрячков, спортсменов, что ли, все не мог поверить в случившееся с ним. Почти не разговаривал, только лежал лицом к стене, книжек и то не читал. Звали его соответствующе — Прокопий. Из деревни, конечно. В городе, поди, после пединститута (куда тогда брали всех) пошел по мелкой партлинии, потом отстриг себе маленький кусок жизни, возделывал его двадцать пять лет, не высовываясь, женолюб, выпить не дурак. И вот тебе на.

Это тоже была «пакетная» идея Лавкина — возможность видеть прошлое человека по нескольким фразам, внешнему виду, даже имени. Ну и отчасти будущее, оно уже где-то тут, свернутое, как, например, строительная рулетка, лежит в маленьком карманчике. Достанешь — она и развернется во всю длину. Сноровка нужна, конечно.

Глядя на себя со стороны, Лавкин видел полнейшее подтверждение своей идеи. По его лицу, обычаям, манере носить хотя бы и больничный халат любой мог бы прочесть, что человеком он всегда был удачливым и стабильно благополучным.

И в самом деле. Еще в советском студенчестве, но уже на излете эпохи (и это тоже оказалось важным) он по воле случая занялся описанием мелкого лилового цветка — эндемика, растущего только в ближних П-ских горах. Цветок был открыт немецким натуралистом, посетившим Сибирь в начале девятнадцатого века, и, по сути, благополучно забыт на 150 лет. (Лавкин взялся за него, мелькнувшего в старой монографии, из упрямства — хотелось досадить тогдашнему руководителю, навязывающему дурацкие темы.) Когда в университет приехала первая зарубежная делегация, три немца, по большей части испуганно оглядывающиеся по сторонам (в Сибирь попали! по доброй воле!), именно лавкинская работа заинтересовала молодого тогда профессора Шредера. В итоге Лавкин на пятом курсе первым из всего своего университета оказался на стажировке во Франкфурте. Дальше все было еще интереснее — ибо выяснилось, что наиболее близкие родственники заново описанного Лавкиным цветка росли в разного рода экзотических местах. И в Гималаях, и в Кордильерах. Насколько близки были эти родственные связи? Предстояло выяснить.

Собственно, последующие тридцать лет Лавкин под присмотром Шредера (благополучно здравствующего и поныне) этим и занимался. Хороши были не столько командировки и в Тибет, и в Перу, и много еще куда (на престижные конгрессы ботаников, например). Хороша была именно стабильность. Конкурентов у Лавкина — Шредера не находилось. Грантовая поддержка, публикации в лучших журналах были обеспечены им до конца дней. Шредеру это, может, было безразлично, а вот Лавкин в своем заштатном вузе был в числе несомненных героев. Поэтому вопрос о его отъезде поближе к соавтору даже и не вставал — Лавкина устраивало все.

Ну и удивительно ли было, что вот он (а не престарелый Шредер, к примеру) тяжело заболел. И вот-вот помрет, добавлял Лавкин непременно, с какой-то усмешечкой при этом. Может, взглянуть хотел.

Прокопию предстояла новая операция, Лавкину пока ничего такого не говорили. Он продолжал размышлять на разные темы — тренировал мозг. Так, по привычке. Попробовал было читать работы своих аспирантов — откровенно не пошло, теперь было не до них. Куда большую радость доставляли именно рассуждения.

Он вспоминал восьмидесятые и думал, что тогда можно было бы все изменить. Остановиться, законсервироваться году в 1988-м. Хорошо бы получилось! Ровно никакой логики и необходимости не было тогда продолжать. Камень с горы еще не катился. Если и была логика, то это логика разгульной пирушки. Вот выпил еще — хорошо. Экстраполируешь это чувство... и что? Кажется, что надо выпить еще, потом еще — и тогда будет лучше, лучше... В какой-то момент связи разрываются, и делается только хуже. Вот остановиться бы на самой верной точке соответствия — вышитого и ощущений в связи с этим! Это было возможно, но ничего не получилось.

Думал, конечно, о смерти. О том, что, если постараться, можно разглядеть тень от занесенного, так сказать, меча ангела на лице. Выражение, что ли, меняется. В зеркало поэтому Лавкин смотреть разлюбил — мало ли что там можно увидеть, на самом-то деле.

Как-то вполне естественно он стал с ангелом смерти торговаться. Сначала несерьезно, цитатно — «только бы жить, только бы жить, хоть на заводе литейном служить». Потом как-то серьезнее — мол, «забери и ребенка, и друга», а меня оставь. Ну это вряд ли честная цена.

Потом и она показалась Лавкину приемлемой. Неизвестно, до чего бы он дошел, но случилось вот что.

Однажды Лавкин проснулся среди ночи. Сон был невыразительный (это он помнил, но что снилось — забыл сразу же). Прокопий сидел на кровати. В свете, упорно пролезавшем сквозь щель под дверью в их палату из коридора, были видны его худые, почему-то очень тощие голые коленки. Прокопий, бормоча, периодически утыкался в них головой. С замирающим сердцем, неизвестно для чего, Лавкин стал разбирать этот монолог. Говорил Прокопий, как ни странно, про козу.

— Манька звали... Хорошая, хорошая была. О, какая хорошая... Манька... Свели, свели со двора! Ух, свели... В восемьдесят восьмом как раз...

Несколько раз повторив это, Прокопий вдруг повалился на свою кровать, боком, поджав коленки, и уже не бормотал, а скорее хрипел.

Не помня себя, Лавкин выскочил за дверь и замер, прижавшись к ней спиной.

— Что-то случилось? — спросила его дежурная сестра довольно участливо. Пост был в двух шагах.

— Н-нет, — прошептал Лавкин, потом откашлялся. — Я так... в туалет я...

И правда, пошел в туалет. Давая время ангелу смерти, сторговавшемуся с ним на каком-то непонятном пункте втайне от него самого, закончить работу. Почему-то, когда прошло первое потрясение, ему стало печально и даже страшно. Страх прошел, а вот печаль, да, осталась.

Камчатка

1.

Пэтэушник разбогател. Деньги несли чемоданами. Однажды привезли полный товарный вагон, пришлось в Питере грузовик нанимать. А поди-ка в Питере найми, не капитализм ведь. Деньги — как положено звезде при капитализме, а все остальное, сервис, например, магазины — фига с два.

Этот, тощий, довольно ухмылялся, как-то робко поглядывая при этом на своего клиента. Боялся, что в одночасье все кончится. Что он проснется опять на нарах, где из всех удовольствий чифирь да игра в очко. Во всех смыслах. Еврей, не робей. Цой ухмылялся в ответ. Он знал, что держит эту жар-птицу крепко. Пальцев не обожжет, из рук не выпустит. А импресарио сомневается. Однажды помял того слегка, руками и ногами, нунчаками тож. Обиделся, не появлялся целый день. Надувшись, попросил этого не делать. Ему, как сидельцу, неудобно. С его-то ориентацией сидел он или больше лежал у параши?

А деньги делились так. С каждого концерта получал примерно двадцать процентов прибыли импресарио, из оставшихся — сорок процентов лидеру, по двадцать (много, много) на каждого из остальных. Сколько это? По-разному.

Например, сорок тысяч рублей. Отцу надо работать двадцать лет, чтобы получить столько же, сколько сын имеет за два часа. Это нормально.

Еще хорошо идет полиграфическая и иная сувенирная продукция. Страна сейчас сошла с ума от плакатиков и календариков. Свобода! Чем «Модерн Токинг» — пусть лучше берут *то, что лучше*. С импресарио вкладывали пополам и прибыль делили тоже пополам. На семь-восемь тысяч человек, приходящих на концерт, продавалось до трех тысяч плакатов и маек. Вот пусть и считает, кто хочет.

Судя по гангстерским фильмам, в Штатах считают будь здоров. У нас этого нет и не будет никогда.

Ах, смешно это — делать вид, будто тебя интересуют деньги. Пэтэушника интересуют, но всех других, сидящих рядком в одном и том же В. Цое, ни капли. Ни Брюса Ли, ни Звезду Рока. Ни Витьку-титьку уж точно.

2.

При этом, конечно, были недовольные. БГ, которого он недвусмысленно задел вместе с прочими мнимыми коллегами («тот, кто в пятнадцать лет убежал из дома, вряд ли поймет того, кто учился в спецшколе» — можно подумать, он сам-то сбегал по-настоящему, но это так, детали). Человек, оставшийся в прошлом. Откуда и бубнил про него, что, мол, слишком быстро пошел в оборот, в продажу, и к добру это не приведет. Смотря к какому добру, ага.

Еще один мелкий и пока незначительный сподает (и благодаря как раз этому прославится): «Стал делать деньги вчерашний бунтарь и вчерашний певец...»

Так вот «тонко» заступаясь за БГ, цитируя песню, ему посвященную. А еще и Косте досталось: «все говорят, что мы вместе, но никто не знает, в каком». А будто не правда.

Ну и других братков, не знавших ничего слаще портвейна и дрянного «Беломора», от зависти развезло.

Правы ли они? Да может, и правы. Только сейчас это не имеет никакого значения. И потом не будет иметь. Кто-то не имеет права, а кто-то право имеет. Вот и все. Он сам — из имеющих.

Как доказать это? Кому сказать? Нужно ли это делать?

3.

Как вспоминают очевидцы, праздник «МК» на Большой спортивной арене в Москве 24 июня 1990-го — самый успешный и последний концерт Цоя. Финальный аккорд. В концерте участвовали и другие музыкальные коллективы, но именно на Цоя должен был пойти народ. Выступление под открытым небом — тут многое зависит от погоды. Но небо было ясным, и с самого утра у касс стадиона выстроилась многотысячная очередь.

Цой, конечно, выступал последним. Это был его триумф.

Белая гитара. Огромная толпа размахивает советскими флагами, уже привычно, и триколорами — новинка того сезона. Необычный плейлист — с самой популярной сегодня («Звезда по имени Солнце», которую двадцать пять лет самой первой разучивают во дворах, учась игре на гитаре) до самой популярной тогда («Перемен!», попавшей в перестроечную тему, как известно, случайно). Из будущего в прошлое. Всего семь песен. Минут сорок пять, продолжительность урока.

4.

Много уроков. Главный — хорошо быть молодым. Старым быть позорно и стыдно.

Считать ли его щелью, открывшейся, чтобы из нее полезли попса, продажность, русский рок, вся будущая мерзость девяностых, вообще нечто такое, что изменило навеки страну и сделало нас, хороших таких, юных и веселых, тем, что мы есть сейчас?

Считать ли его пришельцем — извне, или демоном — тем же пришельцем, но, так сказать, изнутри?

Можно. Но глупо.

Сами виноваты. Сами умрем. Нечего сваливать на других.

Да и что твердить — умереть, умереть... Вот уж глупость точно. А если попробовать иначе? Ему-то, в конце концов, удалось.

Владимир БЕРЯЗЕВ

**«НАД ЗЛАКОВЫМ ПРОСТОРОМ
ОЙКУМЕНИ...»**

На два берега

От Кирзы до Абрашино полной дугой
Стала радуга послепотопно.
Все проиграно. Жизни не будет другой.
Судна мера. А хмарь — хронотропна.

Иссякает талант, как в кринице вода,
И смеркается свет над заливом.
Угнетает одно, что нигде, никогда,
Никого ты не сделал счастливым.

Только мертвое эго и жажда побед,
Глупый миф о фальшивом величье!..
Где ответ? Бытия за пределом ответ —
В бестелесном обличье...

* * *

Серебрится с исподу малины листва
После ветра порыва...

Помни, помни, душа, теорему родства,
Вызнай ноту мотива
В партитуре пространства, где все еще жив
Голос твой одинокий.

Ничего, что становится время чужим
В окончанье дороги.

Все, что слышала кровь, не допеть никому,
Знать, тyani ноту эту...
Не вернуться зерном в материнскую тьму
По обратному следу.

Не забыть, не исправить и не повторить
Все, что сказано всуе.
Ни гетеру обнять, ни бамбук закурить
Не позволит Везувий.

Будет Розанов жив. Будет чай на столе.
И малина созреет.
И застынет календулы цвет в хрустале,
В темной жизни аллее.

* * *

Всему конец — не повод для печали.
В Чернобыле коровы одичали
И зубрами становятся быки.

Как боевой редут, чернеет стадо,
И этот строй ни с тыла, ни с фасада
Не разорвут разбойные клыки.

Да не потерпят жвачные урону,
Занявши круговую оборону
На Припяти пропащем берегу!

Радиактивно годы отгорели,
Сплотилась плоть и в одичалом теле
Хранит тепло в морозы и пургу...

И чудится — уже грядущей Ночью —
Стада оживших мамонтов затопчут
Тебя — бухгалтер или олигарх.

.....

Над злаковым простором ойкумены,
Там, где руины, руны и дольмены,
Звезда Польша растаяла в снегах.

Мартовский экспромт

Ходит по жести карниза
Голубь линияльй,
Верха промежду и низа —
Птах осьмипальй.

Гулит, кружится, бормочет,
Зоб надувая,
По-жениховски топочет,
Не преставая!
И, коготками по цинку,
В танце оконном —
Искрами полдня-кварцита,
Дрязгом окольным —

Вновь торжествующе глупо
Любовецая...

.....

Мартом обветрены губы,
Зиму прощая.

* * *

Не въезжаю, хоть убей,
Чья шлея неправильна!..
Хода нет — ходи с бубей,
Эй!.. погибай, Украина!..

От страды семи скорбей
Радость в люк задраена.
Катит шарик скарабей —
Пропадай, Украина!..

А ты на правила забей —
Знаки и морали на...
Шлет доносы Кочубей:
За чертой Украина!

И пирог из отрубей,
И страна украдена...
Средь забвения зыбей —
Пробудись, Украина!

* * *

Фиалка — нега сумеречной мглы.

.....
Карниза зимнего
Синь законная...
Улыбка похвалы
Невыносимая.

Зима перевалила за хребет
Тьмы одиночества.
А ты цветы, цветы, покуда цвет,
Пока семь бед,
Пока ищю ответ
На бред пророчества...

* * *

В ногах — три тополя,
Береза в изголовье,
Да сосен, сосен строй.
Слова, что бережной,
Безропотной любовью
Диктуемы порой.

И то — лишь шепотом,
Под колыханье хвои,
В пуховом снега сне...
Здесь ноты памяти
сквозят
над головою,
Звуча как бы извне.

Едва лишь слышен
Долгий голос колоколен —
Мольбой о малых сих.
.....
Как много, Боже, птиц
В обители покоя —
Живых, живых, живых...

Рашит ЗАКИРОВ

ВАСИЛЬКА

Р а с с к а з

Время шло к обеду. На кухне суетились две хозяйки, обе в одинаковых вышитых передниках, на головы повязаны одинаковые косынки. Младшая из них, девочка лет восьми-девяти, толкла в кастрюле только что сваренную картошку, старшая, дородная женщина бальзаковского возраста, месила тесто.

Возле них вертелся белобрысый мальчуган лет четырех с мухобойкой в руке. Он оглядывался по сторонам в поисках мух и, увидав добычу, пускался на ее уничтожение. Каждый его промах сопровождался оскорбительными эпитетами в адрес насекомых:

— Ну козел!

— Василька, не мешайся тут! — одергивала его мать. — Иди в зал, а то разобьешь что-нибудь.

— А там нет мухов, я их там всех убил.

Послышался удар мухобойкой, звон падающей посуды. Убитая наповал муха отлетела и плюхнулась в миску с молоком, стоявшую на столе.

— Ну мам!.. — возмутилась девочка.

— Чертеночек ты белобрысый!

Мать обезоружила истребителя мух и шлепнула его по заднице его же оружием. Удар вышел не сильный, но веселый проказник тут же превратился в обиженного нытика, тщетно пытающегося выжать из себя слезу. Он насупился, нахмурился, скривил губки, как это умеют делать дети и капризные дамы. Шлепок был слабоват для рева или плача, но надо было как-то выразить свой решительный протест против наказания, явно несоразмерного, по мнению Васильки, тяжести содеянного, поэтому мальчуган просто негромко заныл через силу, пытаясь вызвать к себе хоть немного жалости.

— Доча, это молоко вылей котенку, а другое налей и поставь греться.

— А? — Василька наострил уши, перестав ныть. — Се говоришь?

— Мама, а почему в картошку надо горячее молоко лить, а не холодное?

— Если лить холодное, то пюре получится жидким и серым, невкусным, а если теплое, то пышным, воздушным.

— А? — Мальчуган вновь прервал нитье и напрягся. — Се сказала?
 — Да не тебе, постреленок, — повернулась к нему мать. — Любопытный такой, все тебе слышать надо!

Озорник снова занял, а мать взяла огромную чугунную сковороду и поставила на плиту.

— Папка, наверное, опять поздно придет, — высказала предположение девочка.

— Если вообще придет, — пробурчала хозяйка. — Сейчас я буду раскатывать лепешки, а ты жарь их на сковороде, — сказала она дочери.

— А? Се говоришь?

Видя, что на него не обращают внимания, и поняв, что нитьем женщин не одолеть, Василька перешел к шантажу.

— Не хотите со мной зыть, и не надо! — забубнил он. — Вот уеду в Маклаково, будете знать!

— Езжай-езжай, хоть сегодня, — ответила мать, раскатывая тесто. — В какую сторону ехать, хоть знаешь?

— Туда. — Мальчик живо и уверенно ткнул пальцем в окно.

— Кто тебя там кормить-то будет?

— А се? — надулся постреленок. — Я сам буду кусать.

Хозяйки были увлечены стряпней, поэтому не обратили внимания на слабый гул автомобильного двигателя и не услышали звука отворяемой калитки. Лишь когда в сенях послышались шаги, старшая промолвила:

— Вот и папа приехал.

Шалун тут же преобразился. Он забыл свою роль несправедливо наказанного, побежал в зал, выскочил оттуда с игрушечным пистолетом в руке и, увидев вошедших, закричал:

— Тах-тах-тах!

Потом осекся, выкатив глазенки, и заверещал:

— Мама! Это не папа, а какой-то сюзой дядя! — И так же стремительно убежал на кухню под мамину защиту.

Из кухни выглянула мать. Она увидела вошедших, и лицо ее расплылось в улыбке, а в глазах сверкнули озорные искорки. Глаза у нее смеялись всегда, даже когда она сердилась или ругалась.

— Ой! Кто к нам приехал! — воскликнула она и принялась осторожно обниматься со старшим гостем, боясь запачкать того в муке. — Давно носу не казал — зазнался, поди, городской!

Она потрепала по голове младшего из пришедших:

— А Валерка-то как вырос! — повернулась к сыну и сказала: — Никакой это не чужой, а твой родной дядя Коля. Он всех заколет, переколет, выколет! — поддразнила она брата детской дразнилкой. — Иди, Василек, поздоровайся с дядей.

— А тетя Катя всем накатит, перекатит, выкатит, — не остался в долгу Николай. — Ну, привет, бультинчик*! — обратился он к подбежав-

* Бультинчик (местн.) — бутуз, карапуз, мужичок.

шему малышу и протянул руку: — Давай знакомиться. Я дядя Коля, а ты кто?

— Ты бультинсик, и я бультинсик, — ответил мальчуган и хлопнул по протянутой руке.

— А годиков тебе сколько?

Мальчуган не удостоил дядю ответом, он резко повернулся и с криком: «Сикать, сикать!» — побежал к двери, где стоял детский горшок.

— Да недосуг все было приехать. Время-то какое, сама знаешь, — оправдывался перед сестрой гость. — Все по командировкам, только успевай крутиться. Я ведь по случаю — Ленку отвозил к ее родителям, теща сильно захворала. Заодно и вас решил навестить. А хозяин где?

— Да пьет, небось, где-нибудь опять. Где еще ему быть? — Катерина всплеснула руками: — Да вы проходите, располагайтесь! Я как раз стряпала. Подождите чуток, и пообедаем. Генка, авось, к обеду подойдет, если еще не надрался где-нибудь.

Николай выложил из сумки гостинцы, передал сестре и направился в зал, осматриваясь. Проходя мимо кухни, увидел возле плиты племянницу.

— Привет, — поприветствовал он юную хозяйку. — Ты — Люба? Младшая, да?

— Да, — подтвердила та. — Здравствуйте.

— Как ты выросла! Ты меня не помнишь, скорее всего. Маленькая была еще, когда я последний раз приезжал.

— А я вас по фотографии знаю, — заулыбалась девочка. — Из альбома. Где вы с мамой вместе стоите.

— А старшие где?

— Вера у бабушки гостит, — ответила за Любу мать, — а Надюшка где-то с девчонками бегает, на речке, наверное.

— Катька! — раздалось уже из зала. — А что, Генка часто бухает?

— Да, почитай, каждый день балдой, — донеслось из кухни. — А то и совсем вдрабадан напивается. Зимой еще не так, а летом — алкаш алкашом. И куда в него эта водка лезет?

— Пойду я покурю, — сказал Николай сестре. — Не буду вас отвлекать, а то не получится ничего.

Он вышел во двор, сел на крыльцо в тени, закурил. Во дворе все было по-прежнему, как и десять, и двадцать лет назад. Возле забора нежились гуси, изредка пощипывая растущую рядом траву, в сарае топтался теленок. Около сарая была насыпана куча фуражного зерна, на нее взобралась курица и не спеша клевала. Да не все подряд, а тюкнет клювом пару раз, потом старательно поскребет лапками и лишь тогда опять клюнет...

Николай усмехнулся. Зерна ведь море, но хохлатка выбирала самые лучшие, крупные зернышки. Ведь и мы тоже не щелкаем все семечки подряд: сначала берем самую большую, а в конце остается мелочь.

Из дома выскочили мальчишки. Василька побежал по двору, на ходу крутя рукой, как пропеллером, изображая самолет. За ним едва поспевал сын Николая Валерик. Гуси возмущенно загоготали и кинулись врассыпную, курица, кудахча и хлопая крыльями, убежала в сарай.

— Ты куда собрался? — окликнул сына Николай.

— Сбегаю к Дюше, узнаю, как там он.

— Погоди. Поедим, потом пойдешь.

— Да я быстро.

— Ага, знаю я твои «быстро»! Ищи потом тебя в соседних деревнях.

Пообедаем, и ты свободен, как волны в море. Да и дома его, поди, нет, дружба твоего. В такую жару кто же дома сидит?

— А я, когда маленький был, боялся теленка, — подбежав к дяде, сообщил Василька. — Думал — укусит.

— Ну, — серьезно поинтересовался дядя, глядя на этого крошечного мужичка, — а теперь, конечно же, ты большой?

— Да, — не задумываясь согласился мальчуган.

— Папка-то где?

— На свалке.

— На свалке? — удивился дядя, пытаясь угадать, где в окрестностях села образовалась свалка. — Что ему там надо?

— Нисево не надо, малину повезли. Он всегда там с алкаской, иногда и спит там.

— У алкашки?! — не поверил Николай своим ушам и крепко задумался.

— А это у вас «калина», да? Как у алкаски? — Василька показал на машину.

— Никакая не «калина»! — обиделся Валерик за отцовскую иномарку. — У нас «тойота-кроун».

— Клоун, да? Клоун?

— Сам ты маленький клоун! — захохотал Николай, сообразив наконец-то, что зять работает на сварке с напарником Аркашкой и сегодня они зачем-то повезли туда Аркашкину жену Марину.

Он сгреб в охапку племянника и стал его тискать.

— Кем, интересно, станешь, когда вырастешь?

— Когда я выласту, я большим клоуном стану и куплю такую же машину.

— А где деньги возьмешь на машину?

— На лаботе, — удивился мальчуган такому глупому вопросу и не понял, почему дядя опять засмеялся.

— А работа где? — продолжал пытаться Николай.

— На свалке, где же есё?

Тем временем хозяйки на кухне трудились вовсю. Мать скатала большую толстую колбасу из теста и теперь, порезав ее на множество кусочков, раскатывала их в лепешки размером с тарелку. Дочь пекла эти лепешки на раскаленной сковородке, прижимая вилкой появляющиеся на тесте пузыри, переворачивала, внимательно следя, чтобы лепешки не подгорели. Каждую готовую лепешку она снимала и клала на полотенце, расстеленное на столе.

— Доча, достань из холодильника масло.

Люба отрезала кусок масла, положила в металлическую миску и поставила на горячую плиту. Когда все лепешки были готовы, мать и дочь стали их начинять картофельным пюре, складывать пополам и смазывать со всех сторон растопленным маслом при помощи метелки из птичьих перьев.

— Давайте к столу, пока не остыло! — наконец донеслось во двор из окна, задернутого марлей, и Николай с сыном направились в дом.

Николай проследовал к рукомойнику со словами:

— Нах дер арбайт фор дем ессен хенде вашен ниخت фергессен*.

Валерка двинулся за отцом.

Посреди стола стояла большая тарелка со стряпней, рядом — миска с растопленным маслом. Такое блюдо не могло обойтись без малосольных огурчиков, соленых помидоров, маринованных опят, квашеной капусты, соленой черемши со сметаной — все это также было на столе.

— Ого! — удивился Николай. — Что это за чебуреки картофельные? Никогда таких не видел, тем более — не ел.

— А это блюдо татарской кухни, кыстыбый называется. Золовка из Набережных Челнов гостила позапрошлым летом, научила. Стряпается легко и быстро, компонентов-то всего — тесто и картошка. Макайте в масло и ешьте, хотите — с огурчиками, хотите — с грибочками.

— Какое название своеобразное, — заметил Николай. — Слово с тремя буквами «ы». В русском языке таких слов нет.

— Ешьте, не стесняйтесь! — угощала Катерина. — Может, и наш папа к обеду подойдет... Ой, — вскочила она, — совсем забыла! Коля, может, пропустишь стопочку за встречу?

— Не, — замотал головой брат с набитым ртом, — я же за рулем.

— Сегодня, что ли, поедешь? — обиженно спросила сестра.

— Да нет, завтра поутру. Но мало ли... Чтобы «выхлопа» не было.

— Ну до завтра все выйдет, чего уж там!

— Да нет, не надо. Потом ведь с Генкой всяко-разно придется пропустить по стопарю.

— Да он еще неизвестно, придет или нет.

В сенях послышался топот, дверь распахнулась, и в кухню с важным видом вошел Василька, держа на ладони дохлого утенка.

— Во! — заявил он гордо. — Его надо позалить.

— О господи! — всплеснула руками мать, увидев такое и не зная, как на это реагировать. — Этого еще не хватало! Где ты его раздобыл?

Николай же повел себя адекватно.

— Ну конечно же, пожарим, какой разговор! — Он вскочил со стула, взял Василькину «добычу» и бросил ее в мусорное ведро.

— Вечером обязательно пожарим с картошкой. А пока давай помоем руки, и садись с нами кушать кыстыбый.

* *Nach der Arbeit vor dem Essen Hände waschen nicht vergessen* (нем.) — После работы перед едой не забудь вымыть руки.

Он подвел маленького «добытчика» к рукомо́йнику и помог ему тща- тельно вымыть ладошки. Потом пододвинул к столу табурет и скомандовал:

— Садись, кормилец.

Василька проворно вскарабкался на табурет, взял со стола ложку, за- жал ее вертикально в кулаке и протянул руку в сторону Валерки:

— Помелимся?

Тот, подыгрывая, протянул свою вилку.

— Цем тебя, цем меня! — заявил Василька. Потом потянулся в сто- рону дяди: — А с тобой помелимся?

Дядя тоже охотно поддержал игру.

— Цем меня, цем тебя! — вынес резолюцию малец.

Валерка быстро съел свою пару кыстыбьев, отказался от чая и, про- бурчав полным ртом благодарность, вышел.

Люба поела, попила молока и встала из-за стола. Взясась было за мытье посуды, но мать остановила ее:

— Оставь, доча, пусть стоит. Вечером затопим баню, там и помоем в горячей воде.

Потом Катерина спохватилась, взяла с полки вазу с черешней и по- ставила на стол.

— Совсем забыла про твой гостинец, — извинилась она перед бра- том и опять обратилась к Любе: — Кушай, доча. Дядя Коля привез.

Девочка взяла горсть ягод и оставила маму с гостем не спеша пить чай, делиться воспоминаниями и новостями. Василька, не обращая вни- мания на взрослых, по одной уплетал черешню.

Николай, сам будучи родителем, получал больше удовольствия не от поедания лакомства, а от созерцания, как его поглощают малыши. Так совсем крошечные котята или щенки лакают сметану, забыв обо всем на свете, пища от восторга, фыркая, забираясь передними лапками в блюдце, мотая мордочкой и изо всех силенок сопротивляясь, если кто-то вздума- ет лишить их этого счастья. Вся вселенная для Васильки сейчас сфоку- сировалась на вазе с черешней, стоявшей в середине стола. Со словами «её одну, да и все» мальчуган тянул ручонку к ягоде, брал не первую попавшуюся, а, как недавно курица во дворе, выбирал самую большую, засовывал в свой крошечный ротик и начинал там перекачивать, а потом сосредоточенно жевал, уставившись куда-то в пустоту. Он даже не за- мечал, как внимательно следит за его мимикой дядя, лишь изредка щурил глазенки то ли от удовольствия, то ли от имевшейся в черешне кислинки. Проглотив лакомство, малыш вынимал изо рта косточку, клал ее перед собой на стол, замирал на мгновение, потом возвращал свой взгляд на вазу и со словами «её одну, да и все» тянулся за новой ягодкой, с детской наивностью веря, что уж она-то действительно последняя.

Катерина в это время с подробностями рассказывала о наболевшем, изливая брату свое бабье горе, а Николай слушал и вставлял редкие ре- плики. Что зять бухает, ему было известно давно. Но раньше Генка пил «как все» и особых хлопот никому не доставлял. А в последние годы гу- лянки следовали одна за другой, к тому же по пьяному делу зять устраи-

вал всевозможные дебоши, выплескивая свою пьяную энергию на собутыльников. Бывало, доставалось и окружающим.

— Вас-то не гоняет?

— Да упаси господь! — махнула рукой Катерина. — Дома он вроде ничего, и детей не обижает. А уж Василия любит, аж умереть готов на месте! Ведь все попрекал, что одних девчонок рожаю, о наследнике мечтал. Бывает, отругает Васильку, тот хнычет, а сам бубнит: «Папа холёсий, папа холёсий». Ну тут Генка прямо не может сдержать своих чувств, слыша такое!

Николай усмехнулся. У его сестры одна за другой родились три дочери: Вера, Надя, Люба, а зять, как и всякий правильный мужик, хотел сына — продолжателя рода. И хотя хорошо знал, что баба родит того, кого ей мужик сделает, однако ворчал на супругу, упрекая ее в самоуправстве.

— Сначала надеялась, дети пойдут — одумается, — продолжала делиться своей бедой Катерина. — Куда уж там! Говорил: «Вот родишь сына — завяжу», даже клялся: мол, гадом буду. Родила — так он на радостях в запой ушел, свекор нас с Василькой из роддома забирал. Так вот.

Брат слушал и сочувствовал: ему ли не знать проблем сельских мужиков. Увлечений никаких, кроме рыбалки, да и то не у всех. Вот и спаивают один другого. Сначала один помогает приятелю что-то сделать по хозяйству, хозяйка ставит им пузырь, оба пьют. Потом второй идет помогать первому что-нибудь починить, раскрутят хозяйку на выпивку, и опять пьют. А без пузыря в деревне никакая работа не идет; даже если договорились о деньгах, то пузырь все равно надо ставить.

— Я ему и лечиться предлагала, — продолжала сестра. — Ни в какую: я, говорит, не алкоголик. И плакала, и ругала его — бесполезно.

— Не-е-е, такое не сработает! — поддерживал беседу брат, в то же время размышляя, как бы помочь делу. — У него, видать, уже другая стадия наступила. Для него теперь дороже бутылки нет ничего. Уж сколько у меня корешей спились...

— А что делать? — В голосе Катерины послышались слезы. — Вот хоть бы ты с ним поговорил, что ли! Тебя-то он послушает, он ведь тебя уважает, даже гордится тобой.

— Да безнадежное это дело, — отмахнулся Николай. — Горбатого могила исправит, а алкаша — две. — Он продолжал в задумчивости: — Тут что-то другое нужно, экстраординарное. Не поможет — тогда точно в наркологию... Если он, конечно, согласится. Терциум нон датур.

— Чего? — не поняла сестра.

— Третьего не дано, — перевел он с латыни и добавил многозначительно, подняв указательный палец вверх: — Третий закон логики!

Николай вдруг вспомнил один случай, то ли от кого-то услышанный, то ли где-то вычитанный, и решил его рассказать сестре.

— Знаешь, тут может какой-нибудь мощный стресс помочь, — начал он. — У одной бабы тоже мужик так сильно алкашил, спасу нет. Что только она ни делала с ним — все бесполезно, за бутылку он был готов

продать и Родину, и партию. И вот однажды поздно ночью притащился еле-еле и тут же, не дойдя до кровати, вырубился. Жена его ночью проснулась от страшного рева. Кто-то под кроватью орет благим матом, аж в соседней деревне всех переполошил, и колотит снизу по днищу, а кровать деревянная была. Ну баба тут же вскочила, свет врубил — а под кроватью мужик ее орет, бьется в истерике. Видимо, закатился туда во сне. Выполз, глаза как у бешеного таракана. — Николай скорчил рожу, какая, по его мнению, бывает у бешеных тараканов, и, жестикулируя, продолжал: — Волосы дыбом торчат, как проволока, в штанах мокро... Насилу его успокоила. Оказалось, приснилось ему, что он помер и его похоронили. Проснулся — темно, холодно. Руками повел — сбоку дерево, сверху, снизу — дерево! Он и решил, что в гробу лежит, что его похоронили живьем. Вот это, скажу я тебе, стресс! Как он только кони не двинул там от страха...

— Ой, как интересно! Ну и что дальше-то? — Катерина с нескрываемым любопытством уставилась на брата.

— Ну что-что, — на ходу сочинял тот, потому как не помнил, чем закончилась история. — Мужик тот кое-как оклемался — боялись, что умом тронется, — но больше в рот даже пива не брал, пропало желание напрочь.

— Это ж надо ведь так! — качала головой сестра.

— А уж баба рада-радехонька! Говорит, мол, лучше пусть умом тронется, чем так пить.

— И правда, — согласилась Катерина. — Да я-то что, в гроб своего должна, что ли, положить, чтоб его стресс пробрал?..

— Да нет, — прихлебывал чай Николай. — Я для примера сказал. Просто сильное эмоциональное потрясение способно включить некие скрытые механизмы. А как?.. Тут уж ничего посоветовать не могу. Вот у нас в армии Олег Тряскин с вертолета упал при десантировании. Жив остался, не покалечился даже, но с тех пор начал хорошие стихи писать, хотя раньше такого за ним не наблюдалось. Во!

Съев последнюю ягодку, Василька оглядел стол, нет ли поблизости еще одной вазы с таким же содержимым, а Николай пожалел, что не выложил все три килограмма: он хотел продлить удовольствие и посмотреть, сколько ягод еще может вместить это крошечное брюшко.

— Ну ладно, спасибо за угощение, — встал он из-за стола. — Все было, как всегда, очень вкусно и сытно. Никогда не ел такого блюда, проще только пареная репа.

Тут Катерина обратила внимание на пустую вазу и всплеснула руками:

— Все сдохнул один, проглот маленький! А другим что?

Мальш глядел на мать невинными глазами, в которых можно было прочесть: «Ну я же всего по одной брал, они сами незаметно кончились».

— Да не волнуйся, — смеясь, заступился дядя за «маленького проглота», — я же много привез, всем хватит. Очень уж соблазнительно уплетал, не хотелось даже останавливать. — И передразнил племянника, погладив по голове: — «Есё одну, да и все».

Николай вышел во двор и остановился в раздумье, помочь сестре по хозяйству или сперва сходить на речку. Рассудив, что работа не волк, а солнце ждать не будет, решил сначала искупаться.

Когда он проходил мимо гусиного выводка, расположившегося возле ворот, гусыни заволновались, гусята подняли гвалт, а гусак зашипел, вытянул шею вперед и смело двинулся в атаку. Николай замедлил шаг, следя за действиями атакующего: он знал, что тот не посмеет вступить в неравный бой, а поняв, что его не боятся и угрозы выводку нет, сделает вид, что просто хотел пощипать травку возле ног прохожего.

Действительно, приблизившись к неприятелю, гусак остановился, лениво дернул травинку-другую, а потом повернулся, гордо двинулся в сторону своего выводка и загоготал, трубя победу: мол, смотрите, ребяташки, как я вас защитил от этого громадного двуногого монстра, лишнего перьев! А гусята дружно похвалили отца-защитника: мол, папа, ты у нас герой.

В детстве, когда его привозили в деревню к деду, Колька панически боялся всякой живности: «кусучих и бодучих» коров, новорожденных телят, казавшихся огромными чудищами, гусей, которые норовили ущипнуть за пятки. Со временем он осмелел, поняв, что телята и овечки сами его боятся, а коров можно напугать хворостиной.

Однажды он увидел, как большие деревенские мальчишки просто хватали гусака за шею, раскручивали и швыряли прочь от себя. Но когда он сам однажды так поступил с гусаком, то получил от деда строгое внушение, что гусь — птица ценная, авторитетная, охраняет свое семейство, а когда-то давным-давно гуси даже Рим спасли. Что такое Рим, Колька в то время не знал, но гусей зауважал и с тех пор не обижал больше.

Валерка прибежал во двор, ведя за собой ватагу деревенских ребяташек. Сказал им:

— Я быстро! — скрылся в доме, но уже через минуту выскочил в кимоно. — Вот, смотрите! — И стал показывать то, чему успел научиться в секции карате. — Фу-фу! — резко выдыхал он, делая очередной блок. — Кия! — выкрикивал, нанося удары воображаемым противникам. А порой произносил непонятные фразы: — Гедан барай... Сан ран зуки... Маваси кери... Зенкутсу дачи! — и прочие.

Мальчишки с восхищением смотрели на городского каратиста.

— Пойдем сегодня Зосю колотить? — предложил один из пацанов.

— А кто это? — поинтересовался Валерик.

Тут деревенские, перебивая друг друга, стали объяснять, какой Зося мерзкий и гадкий и почему его непременно надо поколотить.

— В общем, козел он, — заключил старший из пацанов и сплюнул с нескрываемой неприязнью.

Валерик не рвался в бой, исход которого был для него неочевиден, ведь он не знал, насколько силен соперник. Поэтому ответил уклончиво:

— Я сегодня не в форме.

Потом, вспомнив слова тренера, что предотвращенный поединок — выигранный поединок, добавил в свое оправдание:

— Еще не восстановился после городских соревнований.

— А кирпичи рукой разбивать можешь? — спросил высокий чернявый мальчуган в бейсболке.

— «Учи ваза» называется, — авторитетно заявил Валерик, тем самым давая понять друзьям, что прием ему знаком. — Пока нам сенсей не разрешает это.

— Кто-кто?

— Сенсей. Тренер, значит, — пояснил Валерик и начал заливать: — Это только с черным поясом можно делать.

— А у тебя какой? — поинтересовался чернявый.

— Пока коричневый, — соврал Валерик, пряча глаза. Потом, бросив: — Погодите, я щас! — опять юркнул в дом.

На этот раз он выскочил во двор с нунчаками.

— Во, видали? Как у Брюса Ли!

— У Захарки тоже есть Брюс Ли, — вставил слово самый младший из мальчишек, услышав знакомое словосочетание.

— А ты хоть знаешь, кто такой Брюс Ли? — пренебрежительно поинтересовался Валерик, глядя на него сверху вниз и втайне ломая голову, откуда у какого-то Захарки мог появиться легендарный кунфуист.

— Нет, — с достоинством ответил малец и, чтобы городской не очень-то задавался, повторил: — Но у Захарки он тоже есть.

— Да это у его брата на футболке изображен Брюс Ли, — объяснил чернявый пацан в бейсболке. — Вот он и говорит.

Валерик попросил всех отойти подальше и стал крутить «восьмерки» своим спортивным оружием, комментируя:

— Во, во! И че ты мне сделаешь? И спереди защищен, и сзади ко мне не подойдешь. Вот так-то!

Он закончил махать нунчаками под восторженными взглядами зрителей, потом что-то вспомнил:

— А, вот еще!

Пошел под навес, осмотрелся по сторонам, подобрал кусок веревки длиной около трех метров и, проворно взобравшись на поленницу, привязал его конец к подстропильной балке, спустился и из нижнего конца смотал небольшой узел на уровне своего роста.

— Во, глядите! — Он начал резко лупить своим оружием по висевшему узлу. Его нунчаки по очереди выскакивали из-под мышек и точно попадали в узел, вынуждая тот отлетать в сторону.

— Ну как? — ждал аплодисментов исполнитель.

— Классно! — выдохнул один из мальчишек.

— Вот это да! — вторил другой.

— Мне бы так! — с завистью молвил чернявый в бейсболке.

Вернувшись, Николай взялся помочь по хозяйству сестре, пока та с дочерью возилась в огороде. Он накачал воды во все имеющиеся во

дворе емкости, наносил в баню, в дом, покормил скотину, потом пошел в дровяник, чтобы наколоть дров. Болтавшаяся на балке веревка мешала замахнуться колуном, а порой била по затылку, поэтому Николай влез на чурбак и укоротил ее, подтянув петлю повыше.

Он не без удовольствия колот поленья и думал, что, в сущности, бабье счастье на трех китах держится: «чтоб не пил, чтоб любил, чтобы деньги приносил». Если с двумя последними «китами» у его сестры проблем не было, то с первым, видимо, все гораздо хуже, а значит, вскоре может и с третьим возникнуть беда, когда не в семью тащат, а из семьи.

Наколотые дрова он занес в баню, в дом, а оставшиеся сложил в поленицу.

Николай, безусловно, знал, где можно найти зятя, и ему было нетрудно на машине съездить в гараж, куда Генка отправился «на свалку с алкашкой», как высказался Василька. Но его не привлекала перспектива встречи с местными алконавтами, которые были бы рады отметить его приезд за его же счет.

Николай любил поспорить с Генкой по каким-нибудь злободневным вопросам. Разделяя в целом жизненное кредо зятя, он всегда вставал ему в оппозицию и провоцировал на спор, просто чтобы выяснить, насколько аргументированно Генка может отстаивать свою позицию.

Отец Геннадия был ортодоксальным марксистом-ленинцем, каких полвека назад называли «настоящими коммунистами», и привил свои взгляды сыну. С развалом великой державы рухнули и коммунистические идеалы, что болезненно сказалось на Геннадии. Николай же, успев освоиться в новых экономических реалиях, жизнью был доволен, преуспевал в бизнесе и возврата в «светлое коммунистическое прошлое» не желал, о чем говорил прямо и этим порой просто бесил своего зятя. Но если Генка был уже поддатым, то Николай подобных тем старался избегать, дабы не обострять классовую конфронтацию. И сейчас он надеялся, что можно будет уехать, не повидавшись.

Вечером все помылись в бане. Парился только Николай, поэтому пошел первым и с остервенением хлестал себя веником, взбравшись на самую верхнюю полку. В ковшик с водой он добавил несколько капель экстракта эвкалипта, поэтому по всей парной витал тропический дух. Катерина с дочерьми не парилась совсем, а мылись, открыв дверь в парную. Последним мылся Валерик, который вернулся поздно.

Николай лежал на диване, уже обсохнув, и ждал чая с медом. Катерина ходила по комнате в махровом халате, с полотенцем, накрученным на волосы так, как умеют делать лишь женщины.

Во дворе взвизгнула калитка, по сениям кто-то прогромыхал, брякнули ведра. Дверь открылась, и вошла соседка Люська.

— С легким паром, я смотрю, — вместо приветствия сказала она. И увидела гостя. — Да никак Колька приехал? А я-то тебя издали не признала, когда ты в речке бултыхался. Надолго к нам?

— Да поутру уеду, так что ненадолго.

— Катерина! — тут же крикнула Люська хозяйку. — А твой опять дебош устроил у Хандоги. Всех там побил. Говорят, Бай насили убежал, не то и ему бы досталось. В комнате Баегон лежит весь в крови. Не убили бы там кого ненароком! Мы хотели милицию вызвать, да Потапыч не велит. Говорит, Генка может оказать сопротивление, тогда точно посадят. А зайти никто не смеет. Пойди заведи его, мало ли что...

— Ага, послушает он меня! — ответила Катерина. — Для него пьяного никаких авторитетов не существует. Если только сам придет.

— Может, мне сходить? — предложил Николай.

— Нет, пустое, — обыденно произнесла Катерина. — Тут по-другому надо. Сыночка! — позвала она.

Из детской выбежал Василька и, подпрыгнув, остановился.

— Сына, иди с тетей Люсей, папу приведи. Хватит ему балду пинать.

Василька огляделся по сторонам и спросил:

— А где мои сольтики? Не пойду ээ так, босиком.

— Куда положил, там и ищи.

— Я там везде иссил, нигде нет.

Катерина пошла в детскую и вынесла сыну шортики.

— На, растеряха, «ищиц» ты! — передразнила она и, повернувшись к брату, сказала: — Сейчас придет. Как миленький.

— Что, Родину не любишь?! — ревел Генка, тормоша кого-то, кто лежал на диване и либо был без сознания, либо просто прикидывался, чтобы не получить добавки. Глаз лежащего уже заплывал синяком, а из опухшей губы стекала кровь. — Что она вам сделала плохого? Вам досталась такая огромная страна, богатейшая! А вы ползаете по ней, как вши, питаетесь ее плодами и тут же гадите, где живете...

Он оставил неподвижное тело и двинулся в зал, где на полу ничком застыл другой пострадавший, под головой которого расплылась кровавая лужа из-за разбитого носа.

— А тебе чего не хватало, а? — Генка слегка пнул лежащего, но тот не подавал признаков жизни.

Тогда Генка вернулся к столу, где сидели собутыльники, очередь которых еще не настала, тяжело опустился на табурет и слегка толкнул одного:

— А ты, Бродя, тоже Родиной недоволен?

— Почему недоволен? Доволен, — поспешил отозваться тот, чтобы его не постигла участь пострадавших участников застолья. Да он и в самом деле не имел особых претензий к своей Отчизне.

— Родина у нас самая лучшая, — не унимался Геннадий. — Население бы поменять, такую бы державу забабахали!

Генка оглядел стол, на котором стояли выпивка и нехитрая холостяцкая закуска, нашел стакан, наполовину наполненный мутноватой жидкостью, выпил содержимое, крикнул, не стал закусывать и, положив на стол согнутые в локтях руки, продолжил начатую лекцию:

— Вы вот евреев не любите, а за что? Завидуете! Они ведь в любом положении, при малейшей возможности стараются помочь друг другу. И эти, которых вы чурками обзываете, тоже ведь всегда готовы помочь своему соплеменнику. А вы так и норовите нагадить в карман соотечественнику-россиянину и называете это приколом!

Он толкнул другого собутыльника, который сидел за столом с закрытыми глазами, подперев щеку ладонью, и прикидывался спящим. Единственным желанием того было найти какой-нибудь повод, чтобы исчезнуть отсюда, и он завидовал Баеву, который успел смыться, избежав Генкиных кулаков.

— Ты слышишь меня, Хандога?

— Слышу, — пробормотал тот.

— Вот тебе уже под сорок, а зачем ты жил? Ни семьи, ни жены, ни детей, даже барахла не нажил. Доброго имени и то не имеешь, — стал читать ему нравоучение Генка. — Тебя по имени никто давно не зовет, а отчество твое даже я не помню. Бродя, — обратился он к первому собутыльнику, — ты не знаешь, как его по батюшке?

Он толкнул руку Хандоги, которой тот подпирал лицо. Голова Хандоги, потеряв опору, дернулась, и он открыл глаза.

— Борисыч, — пробормотал он.

— Точно! Дядя Боря всех заберет! — загоготал Генка. — А ведь его все Хомячем звали. Вот и ты так же кончишь, как твой отец. Сегодня вас закопают, а завтра — забудут, отбросы человеческого общества, никто вас добром не помянет.

— А ты, значит, лучше нас? — осмелился возразить Бродя.

— Да я такое же дерьмо, как и вы, — неожиданно самокритично согласился Генка. — Только я осознаю это, а вы — нет.

Он замолчал, видимо, пытаясь вспомнить мысль, от которой так внешне запно отклонился, потом продолжил:

— Вот у нас в учебке сержант был, Игорь Маликов...

— Ну раз Игорь, — приподнял голову Бродя и ослабил, показав кривые и редкие зубы коричневого цвета, — то наверняка сволочь.

— Эт точно, — не поднимая головы, поддакнул Хандога.

— ...Ну такая сволочь с плоской рожей и маленькими пороссячьими глазками! — Генка скривил такую мерзкую мину, какая не могла принадлежать сержанту Советской армии, и сжал кулаки до хруста в суставах. — Даже улыбаться не умел. Не человек, а огромный кусок дерьма! Он даже земляков брянских чморил, издевался над ними. А кавказцев трогать боялся, потому что те всегда заступались за своих и могли ему в ответ накостылять. А нас, салаг, наши же русские парни гнобили. Почему те не чморят своих, а мы готовы друг другу горло перегрызть на потеху врагам?

— Эт точно... — промычал Хандога, не зная, что ответить.

— Давай наливай, что ли, — относительно миролюбиво скомандовал Генка. — Есть там еще?

Бродя взял банку, на дне которой плескалась мутная жидкая субстанция, и налил в три стакана понемногу.

— Вот ты подумай, — Генка бесцеремонно схватил Хандогу за плечо и слегка потряс его, привлекая к себе внимание, — вот евреям в сорок восьмом году выделили клочок земли, единственный на Ближнем Востоке, где нет нефти. И они там за четверть века такую страну создали, что мы стали искать в себе еврейскую кровь, чтобы уехать туда! А Сингапур? Ведь это каменный остров, меньше нашего района в несколько раз, там даже воды своей нет. Но они там рай построили совместными усилиями, а мы за тысячу лет даже дорог не можем построить. И кто виноват?

— Правительство, кто же еще? Чиновники, — высказал свою точку зрения Бродя. — Воруют миллиардами.

— Чиновники, правительство! — передразнил Генка и взял в руку стакан. — Кто угодно, но не мы сами, да? Где этот Бай? — Он огляделся. — Сбежал, козел... Я бы ему объяснил, кто виноват! Копейкой, падла, не поможет, но тысячу не пожалеет, чтобы нагадить своему же земляку, другу, соседу. Горбач у него виноват. Была огромная держава с мощной экономикой, сильной армией. И неизвестно откуда появляется какой-то Горбач — и в одиночку за одну пятилетку разрушает до основания все то, что было создано до него. Так, что ли?

— Выходит, что так, — решил согласиться Бродя.

— А вы где были в это время? Почему допустили? Почему не вмешались?

— Я тогда в армии служил, — нашел тот себе оправдание.

— Вот мы с Китаем на равных были, когда начинали. А потом социализм рухнул у нас обоих, помнишь, еще до армии?

— Угу, — закивал головой Бродя, хотя не помнил ничего и не понимал, при чем тут Китай.

— У нас промышленность была мощнее. Но не прошло и двадцати лет, а погляди, как у них — и как у нас. Не мы, а они завалили весь мир ширпотребом! А почему?

— Ну сравнил! Да их в десять раз больше! — Бродя был, пожалуй, единственный из постоянных собутыльников, кто осмеливался возражать пьяному Геннадию. Но после учиненного тут побоища и он бы предпочел не бесить Генку своим мнением, тем более что этого мнения не имел никогда и обычно занимал конформистскую позицию, соглашаясь с тем, кто сильнее физически.

— Да они просто не мешают друг другу работать, обогащаться, вот и все! Разве мы не могли наделать игрушек, которыми они наших детей травят, или кошечек, которые рвутся через месяц, а? Могли. Но только попробуй — тебе со всех сторон столько рогов наставят! Сотню бумаг надо собрать, подпишей ненужных, кредита хрен добьешься. А начнешь работать, тут же свора проверяющих налетит: СЭС, налоговая, пожарники, прокуратура, менты, надзорные органы... И каждый будет искать, как бы тебя придушить: «Где такая бумажка? Где накладная? А где подпись бухгалтера? Почему печать не круглая? Огнетушитель не тот, сертификат просроченный...» И много всяких причин найдут, инструкций с довоенных времен, которые некому отменить, — и все чтобы не дать тебе рабо-

тать. А если пойдет у тебя дело, то какой-нибудь большой чиновник из Москвы отожмет твой бизнес. Подожгут в крайнем случае... А в Китае такого нет, вот в чем разница, — продолжил Генка импровизированную лекцию. — Они гонят за бугор всякий контрафакт, и правительство не препятствует, а получает с этого налоги. Весь мир возмущается, все им ноты протеста шлют, а китайцы их всех посылают... обратно. Промышленность растет, налоги поступают. Они по ВВП уже Америку догнали, а мы всё с Занзибаром соревнуемся. И все из-за нашего менталитета. «Ты сидел?» — Сидел. — Я тоже, а Иванов — нет. Давай посадим! У тебя дом есть?» — Нет. — И у меня нет, а у Петрова — есть. Давай подожжем!» А у евреев наоборот: «Абрам, у тебя машина есть, у меня есть, а у Мойши нет. Давай ему купим!» Каждый в тебе видит не честного человека, а мерзавца, вора, жулика: этот документ ты мог на принтере подделать, а этот — купить в подземном переходе, а этот — украл, убив хозяина...

Генка почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Обернувшись, он увидел сына, и его физиономия, секунду назад свирепая до омерзения, расплылась в ослепительной улыбке.

— Василька! — Глаза отца сияли от счастья. — Ты как тут очутился?

Мальчик взял отца за палец и потянул за собой:

— Папа, айда домой! Хватит балду пинать, мама зовет.

— Сейчас, мой маленький. — Генка поставил стакан на стол и погладил своей широченной ладонью сына по голове. — Конечно же, пойдём!

Он намеревался взять мальчика на руки, но тот отвел его руку и скормандовал:

— Вставай, послы, кому говолю!

Нисколько не сопротивляясь, словно пластилиновый, разом забыв и где он находится, и что творится вокруг, и что на столе стоят наполненные стаканы, Генка послушно поднялся и двинулся вслед за Василькой.

Они вышли из калитки, неторопливо беседуя и не обращая внимания на столпившихся неподалеку сельчан. Со стороны эта парочка напоминала огромного слона, которого ведет в поводу маленький индийский погонщик.

— Нет, ну надо же, а! — пробормотала, глядя им вслед и качая головой, бабка Махорка.

Кто-то из женщин быстро юркнул в дом, чтобы выяснить, какой погром на этот раз устроил Геннадий, нет ли жертв, нужна ли медицинская помощь.

Для Генки же весь мир сузился до сына, с которым он заплетающимся языком вел важную беседу, и, судя по выражению Генкиного лица, не было на свете в этот момент более миролюбивого человека.

— Папа, сделай мне умулюхи! — попросил Василька.

— Конечно, сделаю, — согласился отец и продолжал подшучивать над сыном заплетающимся языком: — Тебе какие — пропорционально-перпендикулярные или интегрально-дифференциальные?

Василька промолчал. Если слово «умулюхи», сделать которые отец давно обещал, он выучил сразу, то остальные мудреные словесные конструкции не мог ни произнести, ни запомнить.

— Папа, а у меня дома попок есть, — сменил он тему разговора.

— Попок? — озадачился Генка, стараясь нетрезвыми мозгами сообразить, о чем идет речь, но от разговора уклоняться не стал. — Это, конечно же, вещь. Жизнь без попка, брат, как водка без градусов.

Василька внезапно остановился и повернулся к отцу, что-то вспоминая.

— Нет, два попка! — Он растопырил большой и указательный палец на свободной руке, показал отцу. — Один тебе, а длугой мне.

— Ну конечно же, — одобрил отец и решил все же выяснить назначение этих загадочных предметов. — А для чего нам эти попки? Что мы с ними будем делать?

— Как сё? — удивился Василька непонятливости отца. — Лыбу ловить!

— Попок, чтобы рыбу ловить? — вновь не понял тот.

— Да не попок! — вдруг захохотал Василька и, повернувшись к отцу, раздельно произнес: — Па-плы-вок!

— А-а-а, поплавок! — обрадовался Генка решению вопроса. — Конечно, без поплавок никакая рыба не клюнет, даже шелешпер.

Со стороны теперь казалось, что отец ведет ребенка за руку, хотя на самом деле это ребенок вел отца домой.

Геннадий проснулся от страшной сухости во рту, даже плюнуть было нечем. Он встал с тахты, на которой уснул не раздеваясь, и пошел во двор. В сенях ковшиком зачерпнул холодной воды и утолил жажду.

Вид курившего на крыльце шурина Генку озадачил.

— Во! — вырвалось у него, и он стал припоминать фрагменты вчерашнего застолья, но смутно вспомнил только начало. — Не-е-е, это просто капец! — пробурчал он и проследовал в дровяник.

Через минуту оттуда послышалось негромкое:

— Колька!..

— Чего тебе? — отозвался шурин.

— Поди-ка сюда!

Николай лениво встал и пошел на зов. В дровянике возле колоды стоял Генка и пристально смотрел на висевшую веревку. Одной рукой он пытался заправить майку в трико, а другая рука медленно поднялась, и указательный палец нацелился на петлю.

— Это что... я?.. — еле выдавил из себя Генка.

Он был бледен, челюсть отвисла, и оттого казалось, что лицо вытянулось. В широко раскрытых глазах можно было прочесть животный ужас.

— Ну не я же, — не нашел Николай другого ответа, еще не понимая, что происходит в душе родственника. — Не помнишь, что ли?

— Твою мать! — медленно произнес Генка, выходя из дровяника. — А я думал, что все эти кошмары мне приснились...

Он двигался к дому с видом приговоренного, которого ведут на эшафот.

— Ну где же приснилось? — Николай начал наконец догадываться, что так потрясло зятя, и попутно соображать, как можно над ним подшутить. — Если бы не я...

Генка доплелся до крыльца, еле передвигая ногами, кое-как поднялся по ступенькам. Остановился перед дверью, взялся за дверную ручку, потом через силу обернулся в сторону дровяника. Его кадык судорожно дернулся вверх, он медленно вошел в избу и тихо затворил за собой дверь.

«Вот оно что! — дошел до Кольки смысл произошедшего. — Надо это как-то использовать на благо всего прогрессивного человечества!» Загасив чинарик, он направился в огород, на ходу додумывая детали возникшего плана.

Катерина уже успела подоить корову, накормить живность и собирала свежие огурцы, чтобы снабдить брата огородной растительностью, которой не хватало в городе. Она знала, что тот уважал зелень и считал, что мясо и рыба — всего лишь прекрасный повод ее наесться.

— Катюха! — окликнул Николай сестру, воровато озираясь по сторонам. — У тебя появился шанс, другого Господь уже не пошлет.

— Какой шанс? О чем ты? — не поняла она и выпрямилась, глядя на его озаренное какой-то гениальной идеей лицо.

— Хочешь Генку от пьянки отучить?

— Ну, хочу.

— Я тебе про стресс рассказывал, помнишь?

— Ну, — кивнула она.

— Там, в дровянике, веревка болтается, — Николай начал вводить сестру в курс дела, — пацаны вчера повесили. Генка сейчас увидел, и торкнуло ему в башку, что это он ночью вздернуться решил. Прикидываешь?

— Ну, — опять кивнула Катерина, еще не понимая задуманного.

— Ты бы видела его физиономию! — Глаза Николая расширились, и в них засверкали озорные искорки. — Я не стал ему говорить правду, а только поддакнул: мол, вот до чего ты допилился. Он был потрясен. — Брат перешел на шепот. — Он же ничего не помнит!

— Ну и что? — Сестра все еще не догадывалась, как это связано с пьянством.

— Как что? Ему еще и кошмары приснились, видать, на эту тему... Надо использовать момент и добить его окончательно.

— А как? — Катерина застыла в ожидании спасительной идеи.

— Как-как... Тебе надо сыграть свою роль хорошо. — Николай перешел к подробностям. — Представь себе, что он и вправду ночью полез вешаться, а я его случайно спас.

— А что сыграть-то? Как?

— Что-что!.. — Николая начала выводить из себя женская бестолковость. — Поплачь, порыдай, истерику устрой. Надо ему внушить, что он чуть не вздернулся. Мол, вдовой меня хотел оставить, детей осиротить, сына кто воспитает и прочее такое...

— Ой, да ну тебя, — Катерина разочарованно махнула рукой. — Придумаешь тоже...

— Мать твою за ногу! — обозлился Николай, про себя кляня сестру за глупость, которая грозила сорвать такое мероприятие. — Чей муж пьет, твой или Дунькин? Ты хочешь, чтобы он наяву повесился от водки, как покойный Хомыч? Ей дают шанс мужа от пьянки отвратить, а она еще ерепенится! Языком шевельнуть не хочешь ради своего семейного счастья? Ну и живи с алкоголиком, если тебе нравится!

Он сплюнул с досады и уже повернулся, чтобы уйти, но сестра его остановила.

— А если не получится? — немного поддалась она.

— Ну и хрен с ним! — все еще горячился брат. — Что мы теряем? А вдруг сработает? Ведь это шанс, его надо использовать! И это тебе надо — не мне, не Дуньке с маслобойки.

— Ну что я должна сделать-то? — почти согласилась Катерина, видимо, интуитивно чувствуя, что мысль все-таки стоящая.

— Я же тебе сказал. — Он стал объяснять заново, все еще раздраженно, понизив голос из опасения, что их услышат. — Сначала внуши себе, что это правда, так тебе будет легче его убедить, а я подыграю. Плачь, причитай, голоси, чтоб его до печенок пробрало.

— Даже не знаю... — опять засомневалась сестра. Но наконец решилась: — И как это все сделать?

— Ну ты же артисткой мечтала стать, в клубе постоянно выступала. Получится, не сомневайся! — ободрил ее Николай и напоследок кинул леца: — Ты же талантливая.

Катерина, действительно, в юности мечтала стать актрисой, хотела после школы поступить в театральное училище, но пришлось выйти замуж «по залету», и семейный быт поставил крест на ее мечте.

Николай ободряюще подмигнул сестре, видя, что убедил, и, оставив ее вживаться в образ, отправился в дом обрабатывать жертву их общего заговора.

Генка лежал на тахте навзничь, прикрыв глаза ладонью. Было видно, что он не спит и переживает случившееся. У порога двери сидел на горшке Василька, сосредоточенно кряхтя.

— Что, Василька, обкакался? — напустив на себя суровость, упрекнул его дядя.

— А? Сё? — поднял на него глазенки малец и, тужась, ответил: — В станы-то не накакал.

— А-а-а... — одобрительно отозвался Николай. — Ну раз в штаны не наделал, тогда все путем.

Он прошел к окну, посмотрел на улицу и задумчиво произнес — как будто для Васильки, а на самом деле для его отца:

— Да, Василек, стал бы ты сегодня сиротой, если бы я хоть на минуту замешкался. Остался бы без папки и рос бы безотцовщиной в бабьем царстве. Никто бы тебя на рыбалку не водил, велосипед бы не купил...

Он искоса глянул на Генку и продолжил капать ему на мозги, уже и сам поверив в только что сочиненную легенду:

— Чтобы мужика воспитать, в доме мужик должен быть. Так-то, парень. Кто бы тогда тебя мужиком воспитал? На кого бы ты стал похож — на мамку, Любку?

Ребенок слушал, что говорит дядя, не понимая смысла. Зато его отец все понимал и ужасался тому, что мог натворить в пьяном виде.

Колька думал, как бы еще зацепить Генку за живое, чтобы усевестить окончательно. Василька тем временем встал с горшка, оглянулся на результат, самостоятельно подтерся, накрыл горшок крышкой и натянул трусики.

Потом он подошел к отцу и внес свою лепту в экзекуцию: обнял отца за шею и прижался к его щеке.

— Мой папа, люблю, никому не отдам! — бормотал он, глядя Генку по щеке. Потом спросил: — Ты ээ мой папа, не мамин, не Любин?

Генка всхлипнул, свободной рукой притянул сына к себе и поцеловал в щеку. Николай видел, как из-под другой ладони зятя по щекам, по подбородку текут слезы. «Клиент, кажется, созрел. Молодец, бультинчик! — подумал он, оценивая происходящее. — Если еще Катька хорошо сыграет свою роль, то совместными усилиями мы его переломим».

Послышались всхлипы: Генка плакал, чего с ним не случилось уже лет тридцать. Он сел на тахте, вытер ладонью слезы. Ему было стыдно показывать свою слабость сыну.

— Папа, а посему ты пласес? — спросил Василька, впервые увидев отца в таком состоянии. — Тебя кто обидел?

— Никто, — застеснялся Генка и погладил сына по голове. — Башка чё-то болит.

— А кто тебя по баске стукнул? — поинтересовался Василька. — Дядя Коля?

— Никто не стукнул, — скривился, изображая улыбку, отец. — Чтобы башка заболела, не обязательно по ней стучать, понимаешь? Пойди посмотри, где мама, — попробовал он отослать ребенка от себя.

— Это он в поезде с полки упал, — решил пошутить Николай. — Прямо башкой вниз. Как пили — помнит, как утром на двор выходил — помнит, в середине — отрезало.

Генка помотал головой, подобрал какую-то тряпку, высморкался в нее, потом вытер слезы и опять лег ничком на тахту, уткнувшись в подушку.

Василька побежал к двери, но она отворилась, и в избу вошла Катерина. Глаза ее мокро блестели. Она вопросительно глянула на брата, и тот утвердительно кивнул, слегка шевельнув указательным пальцем в сторону Генки.

— Да, Катюха, еще пару пьянок — и быть тебе вдовой...

— Да что же ты, паршивец, надумал? — заголосила Катерина, и слезы сами полились из ее глаз. — А обо мне ты подумал? А о детях? Как я одна их воспитаю?

Она ушла на кухню, села за стол и продолжила причитать:

— Я ведь люблю тебя! Свою молодость тебе отдала, карьеру свою погубила... А ты? Ну за что мне такое наказание?! И все ради бутылки. Ребенок отца раз в неделю видит, да и то пьяного. А без отца — как? Кто сыну обещанные умулюхи сделает — Хандога, Бродя?

— Что это за умулюхи такие? — Николай никогда раньше не слышал этого слова.

— А бес его знает. Ребенок уже месяц просит отца сделать умулюхи, а тому все недосуг, пьянка важнее! — И Катерина вновь залилась плачем.

— Хорошо, что я покурить вышел, — продолжил играть свою роль Николай, чтобы сестра не начала путаться в подробностях того, что якобы случилось накануне. — Думаю, что это он в сортире так долго делает? Глянул, а он — мать честная! — уже на чурку в дровянике взгромоздился...

Василька смотрел на родителей и пытался понять, в чем дело, почему они плачут. Ну папа, понятное дело, с полки упал и сильно башкой треснулся, а мама где стукнулась? Может, им дядя Коля обоим по башке дал? Сам-то он не плачет.

— У папы голова болит, — стал успокаивать ребенка Николай, — а мама его жалеет. Вот вылечится у папки голова — мамка плакать перестанет. А папа тебе всяких умулюхов наделает. Иначе какой же он мужик, если слово не держит? Фуфлыжник, а не мужик.

— Надумаешь опять вешаться, — продолжала Катерина уже так серьезно, что даже брат поверил в ее искренность, — на втором конце для меня сделай петлю. Не буду без тебя жить! Пусть детей в детский дом заберут, а Васильку кто-нибудь усыновит. Может, приемный отец будет нормальный, а не пьянь деревенская!

Она перестала плакать и стала накрывать на стол, а Николай пошел будить Валерку. Девчонок решили не поднимать: пусть спят, рано еще.

— Я тебе там зелени нарвала, — собирала брата в дорогу Катерина. — Сметаны возьмешь, творога, молока — не прокиснут, пока доедешь...

Они молча позавтракали без Генки, заговорщицки перемигиваясь, не скрывая улыбок, порой мелькавших на их лицах. Катерина понесла к автомобилю охапку зелени. Николай заглянул в зал:

— Ну, бывай здоров, Геннадий! Поехали мы.

Не услышав ответа, он взял свою сумку, приготовленные сестрой пакеты с продуктами и вышел во двор. Валерик уже сидел на пассажирском сидении, а возле него вертелся Василька, тыкал пальцами в рычаги и кнопки, спрашивая:

— А это сё? А засем? — и, не получив ответа, тянулся к следующим.

Катерина укладывала пакеты на заднее сиденье, попутно прося передать приветы всем знакомым, кого брат повстречает. Как скрипнула дверь, они не слышали. Николай, глянув в зеркало заднего вида, увидел на крыльце Генку. Он хотел было обернуться, но мгновенно передумал и тут же нарочито громко, чтобы услышал зять, сказал:

— Ты не переживай, Катюха! Генка — мужик волевой, с характером. Я в него верю. Если он цель какую наметил, его никакая преграда не остановит!

Катерина поначалу не поняла, почему брат ни с того ни с сего сменил тему разговора, но потом услышала скрип ступенек, обернулась и выпрямилась. Николай тоже обернулся.

Генка спустился, молча подошел, так же молча обнял шурина и лишь потом еле слышно произнес:

— Спасибо, брат!

Он медленно направился в сторону огорода: видимо, по нужде. Николай смотрел на его сгорбленную спину, и в сердце вдруг защемило, как будто он видит зятя в последний раз. Как близко он был к истине...

— Только никому ни-ни! — тихо наказал он сестре и сел за руль. — Думаю, что нам всем этого уже достаточно, а больше никому ничего знать не следует.

Катерина кивнула и пошла отворять ворота. Николай включил передачу, газанул и, махнув на прощанье ладонью, выехал.

...Он не смог приехать ни на похороны, ни на поминки. Лишь вернувшись из командировки, все-таки выкроил время для поездки к сестре, которую постигло горе.

Было еще не поздно, но на улице давно стемнело. Возвратившись с погоста, Николай с Катериной сидели на кухне за столом друг против друга, пили чай, и он слушал подробности случившегося.

— Ну вот, неделю он ходил сам не свой, как подменили его. И с того времени бросил пить, — говорила сестра, — как отрубил, без всяких кодирований. Сработала, видать, твоя хитрость. Никаких собутыльников, с работы сразу домой. В хозяйстве все спорилось: скотина накормлена, стайки вычищены, крышу перекрыл, в бане новую печь сложил, теплицу построил...

Николай в суматохе не обратил внимания, что дом стал совсем другим не только снаружи, но и внутри, и не успел рассмотреть, что изменилось в хозяйстве.

— А уж Василька от отца ни на шаг! Где отец, там и он. Генка всегда его с собой брал: и на покос, и по грибы, и на рыбалку. Даже спали вместе. Плавать его научил, в шахматы играть, в карты, читать и писать. До ста малец считал в уме! Даже хотели сразу во второй класс его записать, да ему семи лет еще не исполнилось, поэтому отказали.

— А эти фиговины-то он сделал сыну?

— Какие? — не поняла Катерина.

— Ну ты говорила в тот раз, что Василька целый месяц просил отца сделать... Как их называют-то? Черт, слово еще такое непонятное!

— А-а-а, умуюхи, что ли?

— Во-во! — обрадовался Николай.

— Нет. Никто даже не знает, что это такое, даже слова такого никто никогда не слышал. Откуда он это слово взял, так и осталось тайной.

Она задумалась, глядя в пол, потом вытерла кончиком платка навевшуюся слезу и продолжила:

— В тот день Генка с утра на пасеку уехал с Аркашкой. Василька с другом дома бесились, стекло межкомнатной двери разбили нечаянно, и он весь порезался. Все бы ничего, но один большой осколок глубоко впился под мышку и повредил какую-то крупную артерию... Мне потом врачи сказали, что не надо было его вынимать: крови бы столько не вытекло. Да кто бы знал... Ребенок кричит, кровь хлещет, а остановить не можем — жгут не наложишь.

— А скорую вызвали?

— Ну конечно, сразу же позвонили. Но она вряд ли перевалила бы через Сарби-Тау. Дожди неделю шли не переставая. Там в такую слякоть только внедорожники могут подняться, поэтому решили везти Васильку навстречу: мол, быстрее будет, а там, под горой, у Альфатского сворота, и заберут его.

Николай слушал внимательно и не перебивал рассказчицу.

— Ну, побежали искать машину. Ближе всех Тимур Баев, у него внедорожник. К нему и побежали, время-то дорого...

Она замолчала, не зная, как продолжить, а брат зачерпнул ложкой варенья, отправил его в рот и хлебнул уже остывший чай.

— Ну и? — поторопил он.

— А Бай уперся, скотина. Нет, и все! Ребенок кровью исходит, а этот насмерть стоит, всякие отговорки выдумывает: и что устал с работы, и что с утра не ел ничего, и про бензин, и что с похмелья... В общем, ни в какую. Я ему и денег предлагала, сколько запросит...

— Да тут езды-то до горы километров пять, — вставил Николай. — На его «крузере» даже по грязи минут пятнадцать.

— Полчаса я его умоляла, — Катерина что-то пробормотала, награждая Тимура какими-то нелестными эпитетами, — только время зря потеряла. Лучше бы сразу к Шапику обратилась.

— Шапику? — удивился брат. — А у него откуда машина? Бич колхозный, вечно бухой, не зря же его Сутрапьяном кликали.

— Так он же на «Беларуси» работает.

— Ну и че, поехал?

— Растолкали его кое-как. Кривой был, как турецкая сабля. Когда понял, в чем дело, хлопнул полстакана самогона, завел свой трактор — и поехали.

— Да, — согласился Николай, — он безотказный, как АК-47, — и добавил задумчиво: — Может, потому он такой бедный, что не жадина, всегда готов помочь, даже бескорыстно, и все этим пользуются? Тимур — его антипод, хотя они вроде родня. Своего не упустит, из чужого горла вырвет. Ему так все должны, а с него так хрен допросишься — вот как ты говоришь, насмерть будет стоять. Это какая-то большая несправедливость, что хорошие люди живут хуже плохих.

Он замолчал. Катерина тоже молчала. В зале тикали ходики, отмеряя время, в соседнем дворе беззлобно тьявал пес, давая всем понять, что территория под надежной охраной, в стайке мычала корова.

Потом Катерина заговорила снова:

— Под горой нас уже ждала скорая. Сели в нее, доехали до больницы. Я осталась ждать в приемном покое, а сынка унесли. И полчаса не прошло — спускается врач, я на его лице все прочитала. Говорит: умер на операционном столе, много крови потерял, если бы на полчаса раньше... — Губы ее задрожали, из глаз опять полились слезы.

— Да они всегда так говорят: «Вот если бы ты сразу, то мы бы... А так — сам виноват». — Николай решил немного отвлечь сестру от ее скорбных мыслей. — Вот у меня год назад слух внезапно и резко ухудшился: простудил, видать, правое ухо. Я, не мешкая, ринулся в поликлинику, денег с собой взял пятьсот баксов на возможные расходы. И что ты думаешь? В регистратуре сказали, что лор в отпуске и будет только после праздников! Давайте, мол, мы вас к терапевту на следующую неделю запишем. А на фига мне терапевт, да еще и через неделю? Мне каждый день дорог. Я прошу дать направление куда-нибудь, где есть лор, а они: «Мы направлений не даем». Я в другую поликлинику — там чужих не принимают... Звоню в платную клинику, а там лора нет!

Сестра слушала внимательно, даже всхлипывать перестала.

— В общем, попал к нужному врачу, когда новогодние каникулы прошли. А он мне: «Что же вы сразу не пришли?» Я аж захлебнулся от возмущения и все ему высказал, да что толку — время-то упущено... Так и оглох на одно ухо... — И он, не стесняясь дамы, стал ругать всех эскулапов такими словами, которые писать было бы неприлично.

Тут уж сестре пришлось успокаивать брата, возмущенного преступным равнодушием отечественных медиков.

Разговор вернулся к недавним похоронам. Катерина опять залилась горькими слезами, то и дело вытирая их кончиками платка. Николай молча смотрел на нее, изредка прихлебывая чай. Он только сейчас осознал, как сестра изменилась за это время. То, что она сильно похудела, может, и неплохо, но и постарела лет на восемь-десять: глаза уже не горели девичьим задором, возле них появились глубокие морщины, из-под платка выбивалась первая седая прядь, да и сидела Катерина как-то ссутулившись, по-старушечьи сложив ладони на коленях... Николай поймал себя на том, что, разглядывая ее, пропустил часть рассказа.

— ...Слегла я от горя. Еще и простыла, пока шла пешком от Сарби-Тау. А Генка в тот вечер был не в своей тарелке, ходил смурной, ни с кем не разговаривал. Чего-то в нем не хватало, будто неживой какой-то... Я потом поняла, что души в нем уже не было.

— А тень отбрасывал? — неловко пошутил Николай, чтобы хоть как-то разбавить горечь разговора.

— Да какая там тень? — не поняла юмора сестра. — Он сам превратился в тень. Ну, достал бутылку, налил себе стакан и выпил... Это мне потом дочка Верочка уже рассказывала. Долго сидел, тупо глядя в угол, потом куда-то ушел. Вскоре вернулся, опять налил и со словами «царство ему небесное» выпил. Дотемна сидел за столом, обхватив голову рука-

ми. Как-то вышел, мы и не заметили... Часа через два забегает соседка Люська, говорит, что Тимура убили. Прибегаем туда — народ толпится, Тимур стоит у стены, ножом к ней прибитый насквозь. Я как увидела нож, так и обомлела — Генкин нож, которым он скотину колет! Думаю, сейчас еще его посадят и...

Она опять не совладала с чувствами и запричитала:

— Ну за что мне столько горя — и все сразу? Ну за что?.. Ну чем я согрешила перед Господом?..

Николай представил, как тощий, тщедушный Тимур стоит, пришпиленный к стенке ножом, и невольно поежился. Сестра проплакалась и продолжила:

— Поплелась я домой сама не своя: ведь приедут сейчас, заберут Генку, а Васильку как хоронить? Прохожу мимо дровяника, и тут сердце почуяло, что Генка рядом, я аж вздрогнула. Глянула в дровяник, а он там висит, где в тот раз петля висела, и глаза открыты. Я как увидела, так и упала там без чувств. Что было потом, помню смутно или совсем не помню. Соседка Наташка за мной смотрела, Верочка ни на шаг не отходила, потом Генкина родня приехала... И похороны почти не помню, в горячке была, родственники этим занимались. Хотели в один гроб положить, но старики сказали, что нельзя. Так в одну могилу оба гроба и опустили. Тимура в тот же день хоронили на другом конце погоста, но народ весь у нас был. Очень осуждали люди Тимура, ведь из-за него все погибли. И на поминки все к нам шли...

В зале брякнули часы, и кукушка стала отсчитывать время. «Двенадцать, — сосчитал Николай. — Время закругляться, рано утром в дорогу».

— Ну ладно, засиделись мы с тобой, пора ложиться. — Он встал. — Завтра поутру надо ехать.

— На сорок дней приедешь? — спросила Катерина.

— Нет, — покачал головой брат, — не получится. На следующей неделе опять командировка. Может, Ленку отправлю, если согласится. Ты уж не обессудь. А помянуть их я и там смогу.

— Да это понятно...

— Я тебе денег оставлю завтра. Напомни, если забуду.

— Да не надо! — запротестовала она. — Зачем ты так?

— Ну как — не надо? Похороны, поминки, ограда, памятник — все это сильно бьет по бюджету. Нынче дешевле тройню родить, чем одного похоронить. Я-то не бедствую, а на тебе три иждивенца. Да и как не помочь родным людям?

Уличный фонарь слабо освещал угол палисадника, был слышен шелест листьев, которые еще не сумел сдуть со старого тополя холодный октябрьский ветер. Под шелест этих листьев Николай, уже лежа под одеялом, незаметно погрузился в сон. И самое последнее, что он увидел, прежде чем крепко уснуть, это Василька, улетающий черешню.

Илья ПЛОХИХ

**«...НА ПОЛДОРОГЕ
ИЗ ТАМБОВА В ИТАКУ»**

* * *

Осла в зоопарке зовут Моисеем.
А пони зовут Иоганном.
Стоишь среди них в антураже осеннем
и шаришь себе по карманам.

Потупив глаза в серый гравий дорожки,
признайся в своем упущенье:
трамвайный билет да табачные крошки —
плохое ослу угощенье.

Тверди в оправданье, что стал ты рассеян,
теряешь и сути, и нити.
— Простите, — тверди, — Иоганн с Моисеем,
и прочие звери — простите.

Вернуться с дарами? Но дни наши скупы,
скорее — не встретимся боле.
У пони с ослом волосатые губы —
щекочут пустые ладони.

Осел в зоопарке бывает несносен,
бывает потерянным пони.
Гуляет пока еще теплая осень,
и ты эту осень запомни,

седым, прогулявшим урок мальчуганом,
таким же, как был, ротозеем
запомни, что пони зовут Иоганном.
Запомни: осла — Моисеем.

* * *

Ослик, ослик, щеткой холка,
не сыскать тебя серее,
поброди со мной недолго
по заснеженной аллее.

Расскажу, с чем нет мне сладу,
буду рад я компаньону.
Тянут елки сквозь ограду
лапы к спальному району.

Над районом туча-хмара,
все друг другу безразличны.
Мы с тобою, ослик, пара,
вровень мы меланхоличны.

С чувством локтя, с чувством долга,
с чувством такта (фу-ты ну-ты!)
поброди со мной недолго,
удели мне полминуты.

Понимаю: каждый занят,
но и мы — не до Парижу.
По району кружит замять,
я совсем тебя не вижу.

Где ты, ослик? Ослик, где ты?
Вырастают, как торосы,
непонятные ответы
на понятные вопросы.

Вырастают, вырастают,
подражая некой дуне.
Не растают, не растают
ни в апреле, ни в июне.

* * *

Моя собака любит ехать в машине.
Она сидит в ней, как мудрец на вершине
горы сентенций, прозвучавших двояко.
Луга и рощи любит видеть собака.

Собака любит видеть веси и дали,
Собака едет, не заботясь — туда ли.
Возможно даже, забывая — откуда.
Собака едет, как затерянный Будда

На полдороге из Тамбова в Итаку.
Никто не может что-то знать за собаку.
Споемте каждому свою аллилуйю.
Иди, собака, я тебя поцелую.

* * *

Собака лает — ветер носит.
У каждого свои задачи.
В лесу похаживают лоси.
В ночи поскрипывают дачи.
Снежок дорожку выстилает.
Осип в сторожке сторож Осип.
И почему собака лает —
вопрос не к ветру.
Ветер — носит.

* * *

Как называются эти цветы?
Эти цветы не имеют названия.
Для простоты или от простоты —
определители, термины, знания.

Время — по кругу, но время — вперед.
Переливаясь любимыми цветами,
снова вдоль просеки жадно цветет
то, что тебе показалось цветами.

* * *

В окнах моих — окраина,
мало кому известная.
Думаю, это правильно,
то, что живу у леса я.

Даже в «Магнит» на станцию —
только по важным поводам.
В общем, держу дистанцию
между собой и городом.

Нынче округа белая,
ибо зело завьюжено.
Я ничего не делаю,
в сущности — незаслуженно.

Так что живу затворником,
глажу кота да умствую.
Благо служу не дворником,
кому я сочувствую.

* * *

Даже лучше, что год не грибной,
что не рыщу по лесу, как сыщик.
Молчаливый насупленный сычик,
прихожу повидаться с тобой.

Ты у кроны, а я — на земле,
остывая от летнего пыла,
прихожу ворошить то, что было,
черным прутиком в алой золе.

Черным прутиком в алой золе
поправляю угли-головешки,
будто строю и жертвую пешки
в их прощальном параде-алле.

В стороне от людских катастроф,
самый мелкий из сов, желтоглазый,
не снисшедший ко мне даже фразой,
что тебе пожелать? Будь здоров.

* * *

Жаль нам нашу птичку.
Ходим возле клетки,
носим ей водичку,
сыплем ей таблетки.

Кушай — для здоровья
прописал провизор.
Слушай — все условия,
даже телевизор.

В нем то стонет брочка,
то заспорит кнессет.
Много видит птичка,
и ее все бесит.

Вспыльчива, как спичка.
Хмурая, как охра.
Отпускаем, птичка.
Мы тебе не вохра.

* * *

В этом мире все тлен и тщета.
Много ль проку в просторе и пляже,
если не с кем оставить кота
дружелюбного, рыжего даже?

Те — далече, а эти — бухи.
Испаряются брызги морские.
И рождаются с рассветом стихи —
не такие, как ждешь, а *такие*.

Нина ЛЕВИНА

МГНОВЕНИЯ ВЕЧНОСТИ

Р а с с к а з

Двери больничного лифта бесшумно закрылись, поглотив тебя, лежащего на каталке. Я осталась одна в пустом холле с твоими вещами в руках. Больше я никогда тебя не увижу. Тогда я еще не знала об этом, но страшное предчувствие холодными, острыми зубами вгрызалось в сердце, оставляя все меньше и меньше места надежде.

Вечер прошел как в тумане. Кажется, я ходила по комнатам, повторяя про себя только одно: «Господи, пожалуйста, верни мне его! Пожалуйста, пожалуйста, верни!» Смотрела на часы, на медленно ползущие стрелки, набирала номер телефона реанимации, чтобы услышать строгий женский голос: «Пока все плохо. Он на ИВЛ, но динамика отрицательная. Дыхательная функция не восстанавливается». Отрицательная динамика... Она отрицательная... Твой организм отказывался дышать, значит, тебя оставалось все меньше и меньше...

* * *

Ты готовил меня к этому давно. К тому, что уйдешь первым. Сначала один протез в сердце, потом второй. Тебе говорили, что он выдержит лет восемь, максимум — десять, и снова — операционный стол. Но ты решил, что третьей операции не будет, и мы взяли встречный план. Протез продержался почти двадцать один год. По медицинским меркам — много, по нашим — одно мгновение. Мгновение — любовь, мгновение — счастье, мгновение — жизнь.

Видимо, точка невозврата была пройдена. Мы отчаянно пытались, но сердце сдавало позиции. Словно сговорившись, к нему начали присоединяться и другие — печень, почки, открылась язва, взбунтовались легкие. Ты попросил забрать тебя из больницы домой, не в силах больше смотреть на казенные стены и чужие лица. Ты верил, что мы справимся,

как это было не раз. Из дня в день, из ночи в ночь мы боролись за твою жизнь. И вроде бы медленно, шаг за шагом, начали отходить от края пропасти. Тебе стало лучше.

Вечером мы сидели втроем за кухонным столом — ты, я и сын — и болтали о будущем. Ночью, впервые за долгое время, ты крепко спал. Утром хорошо позавтракал, и я тихо ликовала, уверовав, что и в этот раз все будет хорошо. Днем мы усадили тебя в постели, поудобнее обложив подушками, и затеяли уборку. Ты тихо дремал, и я не сразу заметила незваную гостью. Бесстрастная исполнительница бесшумно подошла к тебе и встала рядом. Она прикоснулась к тебе холодными пальцами, просочилась сквозь кожу и начала свою работу.

Я увидела, как стали меняться черты твоего лица, заострились скулы, странная, мраморная бледность разлилась по коже. «Эй, — я тронула тебя за плечо, — что с тобой? Тебе плохо?» Ты не сразу открыл глаза, попытался что-то сказать и лишь потом посмотрел на меня. Я не узнала твой взгляд, в нем почти не осталось тебя. Что-то чужое, холодное, пришедшее из бесконечной пустоты медленно занимало твое место...

Скорая приехала быстро. На какое-то время пустота отступила, вернув тебе часть захваченного сознания. Но исполнительница не ушла, она лишь приостановила свою работу. Тихая и равнодушная, она поехала с нами в реанимацию, ожидая указаний свыше.

Ночь прошла как в бреду. Я не помню, чтобы спала. Иногда проваливалась в темноту, где снова делала тебе уколы, подавала лекарства, поддерживала под руку... И все время просила: «Господи, пожалуйста, верни его!» Лишь однажды я смалодушничала, ты прости меня. Вынырнула из темноты и взмолилась: «Пожалуйста, только не мучай его долго!»

А потом было раннее утро и звонок в реанимацию. «Вы жена? Сожалею. Час назад он скончался». Мир взорвался от этих слов. Рассыпался на мелкие части, больно впившись осколками в сердце, искромсав душу, помутив разум. Жизнь разделась на счастье «до» и горе «после». Время остановилось, мгновение стало вечностью...

* * *

Ты пришел ко мне в первую же ночь. Я не видела тебя, но знала, что ты рядом. Вокруг была густая, плотная чернота. «Почему так темно? — спрашивал ты. — Где мои лекарства? Я не могу их найти». «Сейчас-сейчас», — бормотала я. Пыталась нащупать знакомые предметы, но руки утопали в пустоте и тьме. Все исчезло. Осталась лишь крохотная опора под ногами. «Почему ничего не видно?» В твоем голосе прозвучало столько страха, что я проснулась. Кажется, ты еще не понял, что произошло, а я не смогла тебе объяснить, потому что сама в это не верю.

Утром была в церкви. Подала сорокоуст и поминальную записку для третьего дня. Так странно, непривычно и больно. Столько подсвечников с горящими свечами, а для моего прощения о тебе — лишь один прямоугольный канун с крестом и распятым на нем Христом.

* * *

Надеюсь, память когда-нибудь окажет мне маленькую услугу и начисто вытрет воспоминания о том, как я забирала тебя из морга. Прости, не тебя, а твое тело, родное, любимое. Оно верно служило тебе все эти годы. Я сразу поняла, что тебя в нем нет. Может, поэтому не билась в истерике и не теряла сознание. Не рыдала громко, с отчаянием, так, как делаю каждый день, когда остаюсь одна.

Люди — странные существа. Они все время жаждут впечатлений, леденящих кровь. Многие пишут или снимают ужасы, еще больше людей — с упоением в них погружаются. Какая это глупость и бессмыслица. Настоящий ужас — это реальность, когда тебе приходится опознавать и забирать из морга тело того, кто был самым близким. Кто был частью тебя, с кем ты был одним целым. Чью теплоту ты помнишь и до сих пор ощущаешь. Чьи глаза закрыты навсегда. Чьи щеки сейчас влажны, но не от слез, а от таяния льда.

Широкие двери открываются и закрываются, выпуская одну за другой каталки с упокоенными навсегда людьми. В какой-то миг ты видишь, что их целая вереница — покидающих ледяной приют. Они не пугают, вызывают лишь скорбь и щемящее чувство тоски. Пугают действия живых, механически выверенные, точные до автоматизма. Пустота и холод в глазах и словах. Нет тепла, нет сострадания. Словно это сами обитатели сурового царства смерти ведут учет загостившихся, забредших к ним ненадолго. «Ваш? Забирайте!»

* * *

Ты не раз жалел, что из окон нашей квартиры не видно море. Даже мечтал купить домик, чтобы можно было любоваться морским простором, дышать свежим, не запыленным городскими дорогами воздухом.

Не знаю, это чья-то насмешка или награда, но с места твоего последнего земного пристанища открывается потрясающий вид на море. Вокруг пологие холмы, а чистый воздух насыщен запахом степных трав и полевых цветов. Необъятный простор, в котором сливаются воедино земля, вода и небо. На одном из холмов — старый исполин-маяк, освещавший в темные ночи путь морякам. В таком бы месте — жить, но оно уже занято. Здесь целый город из крестов, тихий и умиротворенный. В нем нет суеты, забот и тревог о близких, вечных споров о смысле бытия. Среди жителей города царят молчание и покой, и лишь таблички с двойными датами красноречиво говорят о быстротечности жизни. Лишь одно мгновение на пути к вечности. Город благосклонно принимает нового безмолвного жителя, и одним крестом становится больше. Твоим. Моим. Нашим...

* * *

Я не знала, что люди так отзывчивы на чужое горе. Мне все пишут и пишут слова сочувствия, сожаления и поддержки. Совершенно посто-

ронные люди, из разных стран, далеких городов. Мы никогда не встречались с ними, не слышали друг друга, и знакомы лишь через социальные сети. Но теперь я знаю, что некоторые из них прошли через такую же страшную боль. Мир постоянно сталкивается с жестокой несправедливостью — уходом близких. С этим трудно смириться, это невозможно принять, но такова действительность. Все находят слова утешения, и только однажды стало еще больнее. «Ты молодая и красивая. Не пропадешь». Словно змея хлестнула хвостом, плюнула в душу ядом и отползла. «Соболезную».

* * *

Неужели это все происходит наяву? Иногда мне кажется, что я где-то свернула не туда или что-то забыла сделать. В какой-то странный, неправильный момент я потерялась. Стоит только отыскать верную дорогу, и все вернется. Совершить какое-то нужное действие и оказаться там, где есть ты. Улыбающийся, счастливый, с наслаждением пьющий утреннюю чашечку кофе с пастилой и зефиром.

Я понимаю, что произошла какая-то чудовищная ошибка, но не знаю, как ее исправить. Реальность осталась в стороне, а я вошла в призрачный мир. Он не настоящий, потому что в нем нет тебя. Ты остался в настоящем мире и сейчас стоишь в нем, растерянно оглядываясь и не понимая, куда я исчезла. Как я могла не заметить развилку, разделившую нас? Где та тропинка, что выведет меня на правильную дорогу? Что именно я должна сделать, чтобы река времени вернула меня туда, где все будет как прежде?

* * *

Я плохо сплю по ночам. Стоит только закрыть глаза, как на грудь опускается тяжелая бетонная плита. Она расплющивает ребра, останавливает дыхание и пытается раздавить сердце. Бетонная плита обладает гибкостью и подвижностью. Если лечь на бок — она охватывает жестким обручем, стискивает в смертельных объятиях и отступает, лишь когда встаешь. От снотворного делается только хуже. Я просыпаюсь в последний момент, когда от удушья останавливается сердце, и долго хватаю ртом воздух, пытаюсь заставить легкие дышать.

Может, это именно то, что ты чувствовал в последние минуты своего пребывания на земле? Может, это твоя боль и твой страх? Они застыли, отпечатались в невидимом нам мире и передались мне, чтобы я знала, как это было. Мы ведь одно целое, значит, и боль, и страдание у нас одно на двоих. Ночь за ночью я умираю и медленно возвращаюсь к жизни, чтобы снова умирать. Так продолжается до серого рассвета. С ночной темнотой уходит и бетонная плита. Мне позволяют заснуть.

Странное чувство. Словно произошло пространственное смещение, и я вижу два параллельных мира одновременно. В одном отцвела акация и наступило лето. В этом мире живут люди. Много людей. Они ходят по улицам, спешат на работу, обнимаются и смеются, примеряют вещи, держат за руки детей, рассматривают город. Но есть и другой мир. В нем живу только я. Под ногами нет твердой земли — лишь вязкий песок. Вокруг — пустыня. Сухая и безжизненная. Я бреду по ней в полном одиночестве. Иногда вхожу в открытые двери магазинов другого мира, чтобы купить продукты, иногда разговариваю с его обитателями. Они видят меня, принимают за свою и не слышат, как за моей спиной шумит колючий песок, пересыпаемый сухим ветром.

Сегодня собака вернулась в спальню. На то самое место, где спала, когда ты был с нами. Я так обрадовалась, что долго плакала, обняв ее морду. Я снова не одна. Две недели она терпеливо ждала тебя на коврике у входной двери. Я приманивала ее лакомствами и игрушками, но она лишь тоненько скулила и уходила на свой пост.

Ты всегда был для нее не просто хозяином, а непререкаемым авторитетом, вожакom стаи, шесть лет назад спасшим ее жизнь. Я находилась тогда в отъезде и понимала, что отравленная, истекающая кровью собака — не жилец. А ты настойчиво, каждый день возил ее из-за города к ветеринарам и терпеливо ждал окончания уколов и капельниц, не оставляя в клинике, чтобы она не подумала, что ее бросили. Собака выжила, ты сделал все, чтобы она осталась с нами. Я знаю, как тебе это было нелегко с больным сердцем, но ты не умел поступать иначе. Так ты бился когда-то за свою маму, отца и крестную. Ты всегда вступал в спор со смертью, и она отступала. Ее отзывали, видя твое упорство. Твои близкие получали отсрочку.

Ты часто говорил, смеясь: «Благодаря тебе мне давно ставят прогулы на кладбище». Не знаю, так ли это. У нас бывали моменты, когда твоя жизнь висела на волоске, а счет шел на минуты. Я всегда боролась за тебя, выкладываясь по полной. Тогда все обходилось, ты возвращался, и жизнь продолжалась. Прости, но сейчас победа оказалась не на моей стороне...

Почему в этот раз все произошло не так? Может, мы исчерпали лимит твоих отсрочек? А может, просто наступило назначенное время? Почему именно сейчас, а не через год, два, десять? Было бы мне тогда легче? Думаю, вряд ли. Зато дней, проведенных вместе, было бы больше. Только уходя, они бы тоже превращались в мгновения, неизбежно приближая нас к вечности...

* * *

Бетонная плита не давит, пока бодрствуешь, и я взялась читать книгу. Так, случайный выбор. Какой-то сборник прозы о жизни. Застыла на первом рассказе — нудном пересказе событий без сюжета. «Что за ерунда», — прошептала я, перелистывая страницы. «Здесь таких процентов восемьдесят», — сказал ты. «Ты думаешь?» — спросила я, с удивлением рассматривая обложку. Ты не ответил, а я подумала, как хорошо было услышать тебя. Жаль, что так мало. Лишь четыре слова. Говори со мной иногда. Надеюсь, тебе дадут такое право. А пока я говорю с тобой. Всегда. Желаю тебе доброго утра и спокойной ночи, рассказываю о событиях дня, делюсь мыслями, советуюсь. Я верю, что ты слышишь меня, но как же хочется услышать тебя. Хотя бы как сейчас. Пусть не четыре слова, а одно. Ты только скажи, а я услышу. Читать книгу захотелось — я тебе верю. Погасила свет и приготовилась к появлению бетонной плиты. Незаметно заснула, а проснулась с серым рассветом и ощущением холода. Плиты сегодня не было — видимо, ты стоял рядом и держал ее.

* * *

Ты всегда любил дарить мне цветы. Просто так, без поводов и праздников. Приносил домой охапками, по несколько букетов. Теперь — моя очередь. Каждую неделю я покупаю два букета живых цветов — один отношу на твою могилу, второй ставлю дома в вазу возле твоей фотографии. Ты улыбаешься с нее — счастливо и радостно. Ты весь лучишься жизнелюбием и оптимизмом. Я смотрю на тебя сквозь слезы. Мне не хватает твоей улыбки, мне не хватает твоих глаз, твоего тепла. Мне не хватает твоих слов: «Ты у меня такая красивая. Как же я люблю тебя!» Мне не хватает тебя всего — единственного, лучшего, необыкновенного.

* * *

Тебя больше нет... Как странно звучит эта фраза. Разве такое возможно, чтобы человек просто взял и исчез? Рассеялся в вечности, оставив после себя только тени воспоминаний? Только что ты был — мечтал, строил планы, радовался. И вдруг — исчез, оставив меня одну и превратив цветущий сад в пустыню.

Или это исчезла я? Растворилась среди множества миров, ошибочно попав в чужой. Иногда миры соприкасаются, и я чувствую твою близость. Прозрачной тенью ты садишься рядом со мной за обеденный стол. Сопровождаешь шорохом листьев в вечерних прогулках с собакой. Ночью я слышу не ветер за окном, а твое дыхание — привычное, успокаивающее.

* * *

Мне совсем не хочется ни с кем общаться. Не могу слушать, не могу говорить, не могу заставлять себя вежливо улыбаться. Чужие разговоры давят пустотой и ненужной суетой, я ухожу от них, прячусь в свой мир, где есть ты и воспоминания.

Не хочу отвечать на вопрос: «Как ты?» Не понимаю его смысла. Что значит — как я? Хожу, сплю, ем, разговариваю. Делаю вид, что живу. На самом деле — существую.

Не знаю, зачем я пишу эти строки. Никогда не вела дневников, не делала заметок на полях. А теперь выплескиваю свою тоску, свою боль на компьютерные страницы. Каждый день, по несколько предложений, чтобы не переливалось через край и не затапливало душу. Никому не могу сказать, да и незачем. Для окружающих твой уход уже в прошлом. Они поглощены своими делами, проблемами и радостями. Это для меня все в настоящем. Каждый день я проживаю твои последние дни, каждый день прощаюсь с тобой, каждый день погружаюсь в пустоту и отчаяние. Не могу сказать это людям, только листам бумаги на экране ноутбука.

* * *

«Время лечит». Многие в утешение говорят эту фразу, повторяя ее за кем-то и не понимая смысла. Кто-то и не может понять, прожив формально совместную жизнь, где каждый был сам по себе. Просто попутчики или партнеры по совместному быту. Таких время лечит. Но если человек лишился руки и ему сделали протез, можно ли считать, что он вылечился? Если потерявшему глаз вставили стеклянный, человек исцелился? Разве можно вылечить разорванную на части душу, разбитое, истекающее тоской сердце?

Время не лечит от тяжелых потерь... Оно лишь притупляет боль, грубыми стежками сшивает раны и рубцует их. Они будут кровоточить, болеть, но позволят жить дальше.

Тебя нет со мной уже тридцать дней и ночей, а болит по-прежнему, не стихая. Возможно, у времени сейчас слишком много дел и ему совсем не до меня. Но когда-нибудь оно возьмет в руки иглу, суровую нить и попытается стачать края моих ран. Потом взглянет на свою работу, покачает головой, вздохнет с сожалением и скажет: «Я сделало все, что могло».

* * *

Сегодня была в маленьком магазинчике, куда ты часто ездил за любимыми продуктами. Там владельцы — муж и жена, приятные люди среднего возраста. Я брала все то же, что и ты, и жена вдруг вспомнила о мужчине, который раньше покупал у них эти продукты. «Такой приятный человек, — сказала она, — всегда шутил, истории разные рассказывал». «Жаль, давно к нам не заходит, — вздохнул мужчина. — Наверное, уехал куда-нибудь на

лето». «Это мой муж, — сказала я. — Он не уехал...» Женщина взглянула на меня, заметила черный шарф, повязанный на шее, и все поняла: «Не может быть!» «Я тоже так считала, — ответила я, — но оказывается, может». Мужчина и женщина еще долго охали и выражали соболезнования, а я думала о том, как ты умел общаться с людьми. Ты никогда не был рядовым посетителем. Тебя невозможно было не заметить или забыть.

Тебя знали все охранники в ближайшем супермаркете и начинали улыбаться до того, как ты подкатывал к ним тележку со словами: «Сегодня ничего не украл. Жена велела заплатить». Тебя радостно приветствовала продавщица цветов и весело смеялась, когда ты в шутку обещал разбить витрину, если цветы для любимой жены завянут на следующий день. Пожилых женщин на рынке ты называл «красивые девушки», и они расцветали, посмеиваясь, от удовольствия. Ты всегда умел настроиться на человека, вовлечь его в разговор, и после общения с тобой даже самые хмурые лица начинали светиться.

Ты очень много делал для других. От всей души старался помочь, исповедуя слова Христа: «Просящему у тебя — дай». Учил, лечил, женил, брал на работу, выплачивал старикам «стипендии», организовывал поездки, печатал книги, раздавал, дарил... Тебе даже прозвище дали — Дед Мазай. Твоя лодка всегда была полна.

Ты так любил жизнь! А она щедро одарила тебя оптимизмом и силой духа. Унынию не было места рядом с тобой, хотя моментов, в которые другой бы взвыл от отчаяния, тоже хватало. Ты и сейчас продолжаешь приносить людям радость. Книги с историями из твоей жизни заставляют читателей улыбаться. Они пишут благодарные отзывы, и я плачу, зачитывая их тебе.

Чтобы не утонуть в отчаянии, я загружаю себя работой — правлю и редактирую написанное. Внезапно я поняла, как быстротечна наша жизнь и непредсказуема. Не нужно ничего хранить в компьютерных файлах, уповая на призрачную надежду о будущем признании. Пусть все уходит к людям, пусть живет. Все, созданное рядом с тобой, пусть отправляется в путь.

* * *

Каждый мой день начинается с холодного, одинокого утра, а заканчивается пустым, унылым вечером. Тишина — такая странная, непривычная. Столько лет мы с тобой жили бок о бок, вместе работали, вместе гуляли, вместе отдыхали — и никогда не уставали друг от друга. Нам не хватало дня, чтобы наговориться. Из месяца в месяц, из года в год у нас не иссякали темы для разговоров. С тобой не бывало скучно, ведь ты был настоящим генератором идей и остроумия.

Разговаривая, мы засиживались допоздна. Просыпались — и снова говорили, говорили, пока собака не начинала недовольно ворчать. А теперь — пустота.

Заметила за собой. Если оставляю ненадолго телефон, когда выхожу из квартиры, то первое, что я делаю, вернувшись, — бросаюсь к нему и проверяю, не было ли пропущенных звонков от тебя...

Часто приходят в голову слова из песни любимого тобой Высоцкого. «Тот же лес, тот же воздух и та же вода, только он не вернулся из боя». Это не про войну. Это про жизнь, про то, когда один уходит раньше другого. «Все теперь одному. Только кажется мне, это я не вернулся из боя». Вот и я не вернулась. Я проиграла этот бой и осталась на поле сражения.

* * *

Сорок дней, как тебя нет. Почти полтора месяца, а мне кажется, что все происходило только вчера. Вчера ты еще улыбался и шутил, обнимал меня и говорил, что все будет хорошо, вчера тебя забрали в реанимацию, а потом вчера я бросала три горсти земли на крышку твоего гроба... Суровый итог человеческой жизни. Все так живо и больно. Душа рвется и мечется, не в силах понять, что осталась в одиночестве.

Слезы по-прежнему не иссыкают. Они сами льются, стоит только взглянуть на твою фотографию или прикоснуться к твоим вещам в шкафу. Говорят, нельзя долго оплакивать ушедших. Они отправились в другой мир, гораздо лучше и совершеннее нашего. Пусть будет так. Пусть ты сейчас там, где нет болезней и скорбей, где душу не сдерживают оковы несовершенного тела, где вечная радость и покой. Я не оплакиваю тебя. Я оплакиваю себя без тебя.

* * *

Посетителей на кладбище обычно совсем немного. Больше — похоронных процессий. Провожая взглядом очередную, прощаюсь с тобой и медленно иду по безмолвному городу навеки усопших. Чем дальше от тебя, тем больше старожилы. Их легко узнать по гранитным памятникам, заменившим кресты. На большинстве могил нет ни травинки. Они полностью закрыты бетоном или гранитной плитой, над которой возвышается монумент и каменная ваза для искусственных цветов. Почему так? Близкие не хотят ухаживать за могилой? Собираются редко навещать? Не знаю. Наверное, у каждого свои резоны, но выглядит это мрачно и тоскливо.

Я не стану закрывать твою могилу каменной плитой. Над твоим последним пристанищем должны расти живые цветы. Я мечтаю посадить два куста роз — красные и белые, рядом — раскидистую юкку и лилейники. Они обязательно приживутся, если ухаживать за ними, а я собираюсь это делать, пока жива и могу двигаться.

* * *

«Ты должна ко всему отнестись спокойно. Главное, помни — у Бога ошибок не бывает». Ты неоднократно говорил мне эти слова в последние месяцы. Что-то чувствовал или понимал? Прости, но у меня не получается. Я оказалась не готова к тяжелому расставанию. Мой корабль жизни потерпел страшную катастрофу, и я не знаю, получится ли собрать его обломки и спустить их на воду. Может быть, когда-нибудь я попытаюсь это сделать.

А пока я думаю и вспоминаю. Мне повезло оказаться в числе немногих, кто знает, что такое настоящая любовь и счастье. Ты подарил мне столько лет необыкновенной жизни. Они со мной, их никто не отнимет, а наше неизбежное расставание лишь сделало их еще более ценными. Каждое мгновение, прожитое с тобой, — это кусочек рая. Он существует и здесь, на земле, когда люди по-настоящему любят друг друга. Маленький Эдемский сад на двоих, спасительный островок в океане бушующих страстей. Я сохраню его в сердце и в самые тяжелые минуты буду извлекать по капле, врачую душу воспоминаниями.

* * *

Я чувствую, как начинает меняться мое отношение к твоему уходу. Все чаще в мыслях появляется страшное слово *никогда*, и я понимаю, что это правда, с которой придется жить до конца своих дней. Я прохожу мимо лавочки, на которой ты любил отдыхать после прогулок с собакой, и знаю, что больше *никогда* ты не присядешь на нее. *Никогда* ты не будешь наблюдать, как дворовые мальчишки гоняют мяч на футбольном поле. *Никогда* не войдешь в синие воды моря, и оно не станет покачивать тебя на своих волнах. *Никогда* не увидишь дельфинов и не накормишь речных уток. Больше не нужно покупать твое любимое мороженое и зефир в шоколаде, ведь ты *никогда* не станешь его есть. *Никогда* не поговоришь с сыном, *никогда* не обнимешь меня крепко-крепко, и я *никогда* не уткнусь носом в твою шею, прячась от житейских неприятностей. Этих «*никогда*» становится все больше и больше, ведь повсюду есть то, что напоминает о тебе.

Самое страшное — мы больше *никогда* не увидимся. Разве что только во снах. Ты и сейчас мне снишься. Я плачу после пробуждения, ведь иллюзия заканчивается, возвращая меня в безнадежную действительность.

У меня есть только одно, что я могу противопоставить этим *никогда*, — я люблю тебя и буду любить *всегда*.

* * *

Когда-то придет мое время, и я отправлюсь на встречу с тобой. В безмолвном городе найду последнее земное пристанище. В небесном граде обрету покой и вечность. Надеюсь, мы узнаем друг друга и снова будем рядом, теперь уже навсегда. Наши лица будут высечены на темном камне и обращены к востоку. Туда, где сливаются земля, вода и небо.

Как прекрасен рассвет над морем! Огненный шар солнца медленно поднимается из морских глубин над горизонтом, щедро одаривая просыпающийся мир теплом и золотом лучей. Легкий ветерок пробежит по холмам, взъерошивая травы, тронет лепестки наших роз, обовьется вокруг гранитных памятников и умчится дальше. Жаворонок воспарит в вышине, трепеща крыльями, пролетят белые изгибы чаек. Лето будет сменять весну и уступать место осени. Оцепенение зимы развеется весенним гимном возрождающейся жизни. Мир будет меняться, и люди будут продолжать приходить в него лишь на мгновения... Мгновения, из которых соткана вечность.

Николай ЗАЙКОВ

«ОТТЕПЕЛЬ». ЭПИЗОДЫ ДЕТСТВА. 1957—1961

Часть вторая

В июньском номере журнала были опубликованы фрагменты из мемуаров известного журналиста Николая Зайкова о читинском детстве. Воспоминания о годах хрущевской оттепели пришлись читателям по душе, и мы решили напечатать не вошедшие в публикацию эпизоды. В истории семьи, в рассказах о примечательных домашних событиях и детских играх отражены отчетливые приметы эпохи.

Чеснок и стрептоцид

Однажды я шибко простудился, сильнее обычного

Не помогали ни молоко, ни картофельный пар. Высокая температура держалась несколько суток. Спал я так плохо, что бредил. Надо мной тряслась вся семья. Я ничего не мог и не хотел, ни есть, ни пить. Физиономия горела багрянцем, как широкий лист осеннего тополя. Родители купили литровую банку вишневого компота. Братья подходили к моей постели поодиночке, щупали лоб, вздыхали и просили позволения съесть вишенку-другую. Я с тоской глядел на стеклянную банку — ешьте, пожалуйста. И думал: разве эти красные липкие шарики можно проглотить? При одной мысли об этом к горлу подступала тошнота.

Но пришла пора, и я выздоровел. Температура упала, родился аппетит. Я кинулся к банке с компотом: увы, на дне плавали одна-две жалкие вишенки. Я проглотил их и выпил остатки сиропа с такой жадностью, что это удовольствие запало в душу.

Родители обрадовались, что болезнь отступила, однако вторую банку компота не купили. А я втайне на это надеялся. Такова жизнь: когда ничего не нужно — пичкают, а когда очень хочется что-нибудь получить — этого и рядом нет. Да уж, родители редко понимают желания детей и еще реже кидаются их выполнять, даже если поняли.

Бабушка Елена Липатьевна очень боялась, что мы, четверо сорванцов, подцепим заразную болезнь. Для укрепления здоровья она ежедневно с ложечки кормила нас противным рыбьим жиром. Однако лучшим ее лекарством, помнится, был стрептоцид. Этим белым, как мел, порошком она изобильно осыпала все наши царапины.

В ту пору среди ребят свирепствовали три страшные болезни — менингит, корь и коклюш. Бабушка очищенные дольки чеснока зашивала в полотняные мешочки и вешала нам на шею. И мы бегали с этими мешочками на груди. Прятки, лапта, войнушка, рыбалка — все с чесноком на шее. Друзья театрально зажимали носы, ехидничали, подкалывали, но страшные эпидемии тех лет нас, четырех братьев, не коснулись. Хотя нет — корью мы переболели, но в легкой форме.

А простуды случались — даже чесночный талисман не спасал.

Первым делом простудившегося «сажали на картошку». Бабуля варила в большой кастрюле картофелины в мундирах, ставила посудину на пол, над ней на корточках присаживался больной — и всю эту конструкцию накрывали ватным одеялом. Шевелиться запрещалось, дабы не обжечься о раскаленные края кастрюли. Пот рекой бежал с головы по шее, спине, ногам — к пяткам и на пол. Горячий дух от рассыпчатых картофелин бил в лицо, но именно этим адским духом требовалось глубоко дышать. Глумливые черти помахивали кочережками перед вылезавшими из орбит глазами.

Распаренные, красные, мокрые пациенты немедленно поступали от кастрюли в кровать, их тщательно укутывали, подтыкали одеяло со всех сторон, а затем предлагали выпить кружку кипяченого горячего молока с растворенным маслом. Не захочешь, а выздоровеешь!

Сейчас можно наугад произнести любую латинско-греческую абракадабру и обязательно окажется, что под этой словесной абракадаброй выпускается какое-нибудь лекарство. Нормальному русскому человеку невозможно запомнить все эти многобуквенные иностранные шифры. А в детстве мы знали только чеснок, стрептоцид, ну и аспирин. Как-то выжили.

Капустный младенец

*Однажды осенью, как и все жители улицы Аянской,
наша семья делала зимние запасы*

Мама с бабушкой режут кочаны, складывают измельченную капусту в огромную бочку, чисто-пречисто вымытую, а мне достаются сладкие кочерыжки. Грызу их с наслаждением. Вокруг витает дух капусты, укропа, брусники, морковки, тмина, перца, еще чего-то огородного, осеннего. Кочаны кромсают в лапшу на специальной деревянной раме с лезвиями такими острыми, что на них глядеть страшно. Жаркая работа — и мне, карапузу, приятно находиться в ее центре. А кому бы не понравилось?

В разгар осенних заготовок заявляется тетя Пана — с великолепным пузом под просторным халатом.

— Чё, — говорит, — судобите на зиму?

— Чучуть капустки надо же, — отвечает бабушка. — Вишь — кака уродилась! Кажденный кочан с пороса. Умаялись судобить.

Судобить — это значит запасать, копить.

До этого я долго не видел тетю Пану, хоть она и жила неподалеку. На меня размеры ее выдающегося живота произвели глубокое впечатление. Детская память запечатлела пронзительный момент ужаса и восхищения. Я не знал, что она беременна. Вообще ничего не знал про эти дела. Даже про аистов ничего не

слышал. И что в капустных грядках младенцев находят — не догадывался: мал был. Но вижу — у женщины неестественное чрево.

Соседка побалакала и ушла, а я спросил бабушку, отчего у тети Паны такое страшное пузо. Бабушка засмеялась и ответила, что тетя Пана очень любит капусту, поедает ее в больших количествах, вот капуста в животе и разбухла.

Я отодвинул свои кочерыжки и объявил временную внутреннюю войну квашеной капусте. Я испугался, что у меня вырастет брюхо, как у тети Паны. Однако питались мы по-простому: картошка да морковь, яйца да хлеб, молоко да репа. Зимой к столу почти ежедневно подавались соленые огурцы и та самая квашеная капуста. Варили щи, тушили капусту с картошкой, пекли пироги с капустой, лепили вареники с капустой, и я очень боялся, что у мамы и бабушки вырастут, как у тети Паны, такие же громадные животы. И у братьев. И у отца. Один я останусь тощим, поскольку втихаря вел незримую антикапустную битву. Удивительно, но своими предположениями и страхами я ни с кем не делился. Что-то меня останавливало, какой-то сакральный ужас перед тайнами жизни.

И вот как-то уже по снегу бабушка говорит: «Пойдем, Николашка, в гости к тете Пане сходим, проведем, булочек отнесем». Я ни в какую. Но о причине молчу. Мне страшно и в то же время шибко хочется увидеть, до каких объемов вырос живот у любительницы квашеной капусты. Бабушка так и этак, все же уломала.

Приходим — на той же улице через несколько домов. Смотрю: лежит печенье в сахарнице, а живота у тети Паны и в помине нет. Как так? Бледная, стройная, даже худая. Угощает чаем. Сел я, огляделся, осмелел и спрашиваю: «Как так, у вас же большой живот был, а теперь пропал. Перестали есть капусту?»

Соседка смеется:

— Какая такая капуста? Вон там мой живот, за занавеской спит.

У меня и печенюшка выпала изо рта: живот спит за занавеской! Сполз я под стол и на четвереньках наладился к выходу. Тетя Пана взяла меня за руку, хохочет, не пускает сбежать, а я упираюсь, совсем голову потерял. Наконец бабушка подтащила меня к печке, открыла шторы, а там в кроватке малыш сопит. Да хорошенький такой, розовенький, совсем крошечный. Соска из ротика торчит.

— У меня же почему живот большой был? — отсмеявшись, объяснила тетя Пана. — Там этот вот сынишка мой жил.

— В капусте?

— Почему в капусте?

— Ну, он же завелся в животе от капусты?

Тетя Пана сказала:

— Считаю, что он в капусте на огороде жил, как букашка, а я его нечаянно съела, с листьями. Вот он во мне и начал расти. Ему ж там хорошо, сытно. Пришлось врачам резать мне живот и доставать малыша. Пойдем снова чай пить.

Потом, когда я слышал, что, мол, младенцев аист приносит, я хитро улыбался, потому что знал правду: маленькие дети заводятся в кочанах, и, если женщины по неосторожности проглатывают их личинок вместе с капустными листьями, детки начинают расти в тепле да сытости. Позднее, хочешь не хочешь, докторам приходится резать материнские животы и вынимать малышей на белый свет.

Я не знаю, как сложилась судьба тети Паны и ее сына. Не знаю также ее полного имени: неужели Паулина?

Высокая мода

Однажды мама собрала нас, четверых братьев, в кухне и объявила очередную стрижку

Почти всю ребятню той поры стригли под ноль — в целях борьбы с насекомыми. Мама из чувства эстетики сохраняла нам короткие челки — короче рисовальных кисточек, которые, конечно, не доставали до круглых акварелек глаз. Такая стрижка называлась «под бокс». Парикмахерские церемонии все мальчишки нашего околотка дружно ненавидели. Да и как их полюбишь, если допотопная механическая машинка нещадно драла волосы! Те машинки, как щипцы или ножницы, имели две ручки, которые нужно было быстро сжимать и разжимать. Приходилось терпеть — вши на улице Аянской считались коллективным врагом народа. Водопровода в избах не было, душ видели только на картинках. По мере необходимости грели на печке воду в большом котле и купались в жестяных ваннах, в тазу. Так что проще было уничтожить лохмы на головах, чем насекомых в этих лохах. В жаркую погоду спасала, конечно, река: в солнечные дни мы блестели от чистоты, как медные самовары.

Ребятни, мальшей, егозят, чумазых пехотинцев детства после жуткой войны народилось множество. Уставшие от смертей, голода и бед мужчины и женщины страстно желали жить счастливо, смело строили семьи и отважно рожали детей — часто в полунищенских условиях. Не случайно таким популярным было присловье: «Лишь бы не было войны!» Все остальное народу казалось по плечу — и великие стройки коммунизма, и колхозное рабство, и целина, и заводская неразбериха, и дурость начальства.

Снаряжение огольцов в возрасте от трех до десяти лет состояло в большинстве случаев из тюбетейки, сатиновых шаровар, сандаликов из кожзаменителя, безрукавки или маечки на лямках. В мире взрослых такие майки звались «алкоголичками». Согласитесь, очень удобная для повседневной носки форма одежды. Таковой была высокая мода рыцарей уличных оврагов.

В редких случаях вместо тюбетеек водружались на головы кепки или панамки. Популярность тюбетеек, возможно, оправдывалась близостью к Бурятии, но тюбетейки имели несомненные достоинства: не царапался козырек в виду его отсутствия, они не мялись, легко стирались, помещались за пазухой или в карманах, различались по личным узорам из цветных ниток. Они были дешевы. Мама, например, за один вечер могла на своей швейной машинке изготовить ворох детских головных уборов — для мальшей всех окрестных домов. А уж узоры цветными нитками вышивали и девчонки, и старушки. При всей простоте тюбетейка отлично защищала голову от солнца и ветра.

Шаровары снимались и надевались на раз-два, то есть мгновенно. Резинки на щиколотках не позволяли песку и грязи забираться внутрь. Крепкий сатин редко рвался и почти не мялся. Промежность в свободных казацких шароварах не прела. При быстром беге, прыжках с крыш и силовых приемах шаровары не мешали резким движениям, не стесняли члены. Ремни надевали лишь старшие ребята, они вообще предпочитали таскать штаны наподобие брюк. И вместо маек носили рубашки с короткими рукавами. Что с них, со старших, взять, они уже после двенадцати лет начинали страдать медлительностью и важностью скучного большого населения.

Главное преимущество сандалий заключалось в их легкости. Во время преследования или погони сандалии пехотинца не висели на ногах чугунными гиря-

ми и позволяли пяткам скорострельно сверкать в воздухе. Когда обувь намокала в лужах или в реке, ее высушивали за десяток минут благодаря продуманной вентиляции, то есть замечательной системе дырок. При обрыве ремешка любой мог пришить его на место. Цена этой обувки в магазинах радовала родителей небольшим размером.

Наконец, майка предохраняла кожу от солнечных ожогов и хорошо вентилировала подмышки. Но это был самый слабый элемент нашего снаряжения. Майки почти сплошь выпускались светлых цветов, быстро пачкались, особенно на пузе; они впитывали пот и плохо пахли. Словом, это была одноразовая, однодневная броня: утром хотелось надеть чистую, постиранную майку.

Пехотинцы женского пола, то есть девчонки, носили штаны покороче — до колен, а не до щиколоток. Настоящие героини считали ниже своего достоинства выходить на улицу в шароварах коротких или сомнительного, девчачьего цвета. И не дай бог надеть штаны коричневого цвета — засмеют.

Грех

*Однажды в летний день я забежал в соседский дом —
позвать приятеля для игры в чехарду*

В семье я был младшеньким: бабушка, отец и мама, три старших брата — и я, карапуз. Толстые щеки, длинные ресницы, хитрый, масляный — по выражению одного из дядек — взгляд...

Конечно, никакие двери в домах днем тогда не запирали. В кухне — никого. Тишина. Я прошел в горницу — никого. Недавно вымытый крашенный пол. Лучи солнца сыплются сквозь окно. На круглом дубовом столе — белая скатерть. А на ней глубокая ваза, с горкой заполненная конфетами. Конфеты — глянцевые круглые цветные шарики: синие, желтые, красные, зеленые. И до того неотразимо вкусными показались мне эти сладости, что я схватил верхний шарик и немедленно запихал в рот. Отлично помню криминальный вкус той украденной сахарной конфеты.

Конечно, я уже знал, что нельзя брать чужое. «Воровать нельзя! — строжила бабушка, потрясая перед носами четверых братьев кривым темным пальцем. — Грех. В тюрьму посадят! А там крысы и змеи».

Конфету я разжевал и проглотил. Потом побрел в заросли полыни на берегу Читинки. Полынь вымахала выше головы. Я устроил нечто вроде круглого гнезда, полностью укутав себя травой.

Конечно, конфет в вазе много, хозяева и не заметят, что одна из них пропала. Но ведь воровать — грех, и наверняка кто-то с небес наблюдал за похищением, и записал мои действия на бумажку, и отправил письмо куда надо. А куда надо? Наверное, самому Богу или главному чекисту.

Слабая душонка пятилетнего шкета не одолела соблазна, и теперь, после прегрешения, маленький человечек горячими слезами и покаянной тоской возмущал немое пространство вокруг себя. Хотя насколько немое? В полыни стрекотали кузнечики, осуждающе чирикал воробей, укоризненно шелестел ветер.

Позднее, в минуты соблазнов, я вспоминал быстрое и бурное раскаяние и отказывался от соблазнов: сладость греха сильно уступает горькой силе осознания собственной преступности.

Долго лежал я в полынных сумерках и воображал, как меня закуют в наручники, нацепят на ноги кандалы и поволокут в тюрьму. Так мне и надо! Бабуля с горя станет рыть землю ногтями и выть. Братья зашмыгают носами. А кто-нибудь из соседей скажет: «Вор! Пусть посидит с крысами!»

Однако голод не тетка и пирожок не поднесет. Наплакавшись вдоволь, я отправился ужинать. Хлебал молочный суп и слушал бабушкину молитву. Она перед сном привычной скороговоркой шептала у себя за печкой, повернувшись лицом к бумажной иконке на стене: «Отче наш, сущий на небесах... да придет царствие твое... на земле, как на небе... хлеб наш насущный дай нам... прости нам грехи наши, как и мы прощаем... не введи нас в искушение... Аминь».

Грехи наши... Зачем я украл ту конфету?

Первый шрам

*Однажды летом 1959 года на нашей улице Аянской,
что шла вдоль тихой речки Читинки, воцарился переполох*

Мы, мальчишки, с удивлением и недоумением наблюдали, как здоровенные рабочие вбивают в землю здоровенные штыри, а к ним крепят здоровенные железные тросы, едва ли не толще детской руки. Тросами к берегу привязывали электрические столбы и разные постройки.

Сердитый отец и озабоченные соседи сутились вокруг домов: цепляли тросы под самые крыши, вбивали в землю кувалдами железяки. Мелюзгу шугали прочь — не мельтешите под ногами.

Неподалеку от нашей избушки располагался конюшенный двор. Он притягивал шпану, как магнит притягивает железные опилки; нас, дошколят, обычно гоняли от этого опасного места — лошади могли зашибить, изувечить. Основной тягловой силой были кони. Автомобили в ту пору ездили редко, мы узнавали их по звуку моторов, а троллейбусов и трамваев вообще не было. Конюшенный двор был окружен высоким и прочным заплотом. Поскольку взрослые о нас забыли, мы влезли на запретные столбы этого самого заплота. Сидели на них, как вороны на сухостое, разве что не каркали. Со столбов открывался великолепный вид на конюшенный двор, на реку, на холмы и на всю нашу улицу. Лошадей во дворе почти не осталось, их забрали на работу, и только две-три клячи лениво шатались вдоль длинного сарая. В распахнутых дверях виднелись пустые стойла. На утоптанной копытами земле там и сям ветерок шевелил солому. В углу сгрудились сломанные телеги.

А на улице правила бал всеобщая суматоха. Мужики возились с кольями и тросами. Жиденькое стадо коров и телят самодельный пастух гнал к сопке, в лесок. Кур и уток хозяйки ловили и поднимали на чердаки. Наши смертные враги — меченные чернилами индюки и гуси — скрывались в концах огородов и пробирались дальше, сквозь плетни на лужайку и в заросли багульника. Парни перетаскивали собачьи будки куда повыше. Лодки почти все уже вынесли на берег и, как собак, посадили на цепи. Там и сям звучало слово «наводнение».

Удивлению моему не было предела. Читинка слыла среди нас, детворы, безобидной речушкой — в отличие от норовистой Ингоды. В Читинке мы купались, барахтались с утра до вечера. Пили воду горстями. Ловили рыбу. Перекидывались камнями с правобережными отрядами. Речку в некоторых местах пересекали вброд.

И вдруг взрослые мужики испугались нашей милой речушки! Ладно бы многоводной Ингоды! Ингода — настоящая река, быстрая, глубокая, она рвется к Шилке, бурлит в ущельях. Но Читинка-то впадает в Ингоду, а не наоборот. Чего же бояться родной реченьки? Она, Читинка, по моему мнению, собиралась из росы, выпадавшей на скалы и луга. За ночь местность покрывалась туманами, утром выкатывалось солнце, туман становился росой и жемчужными каплями скатывался в русло Читинки. Много ли воды получится из утренней росы?

Однако глупые взрослые люди укрепляли берега Читинки, словно городские стены перед вражеским нашествием, то и дело испуганно твердя грозные слова: «ливни», «ураган», «буря», «наводнение» и «снесет все к чертям собачьим».

К вечеру полил дождь, налетел ветер. Читинка почернела, взбурлилась, забедокурила, поднялась на полметра или метр, притопила ближние огороды — но вот и все. Через несколько дней улеглась непогода, и мужикам пришлось снимать строения с тросов, никуда наши избушки не поплыли и каравеллами не стали.

А мне запомнилась та ложная тревога первым боевым шрамом на лице. Мы, огольцы, не просто так сидели на столбах конюшенного заплота, а расстреливали друг друга крышками от банок. Жестяные крышки цеплялись указательными пальцами обеих рук и вращательным движением швырялись в противника. С высоты да на ветру они летали здорово! Парили, как тарелки и блюда НЛО! Крышка раскручивалась в воздухе, меняла направление полета и вообще вела себя замечательно. Вот этот снаряд, пущенный умелой рукой, и угодил внезапно мне в лицо. Рассек угол рта. Нежная кожа лопнула, из губ хлынула кровь на подбородок, на рубаху. Едва не рухнул я подбитым воробьем наземь.

Пришлось с ревом скатиться со сторожевого столба и мчаться к бабушке. По мере приближения к дому рев утихал, а затем и вовсе перешел во всхлипывание. Я сообразил, что сам виноват: зачем лез на заплот, зачем метал крышки? Охая и ругаясь, Елена Липатьевна немедленно оказала мне первую медицинскую помощь в виде шлепка по заднице и доброй порции стрептоцида. Она уложила меня на спину, отерла лицо влажной ваткой, засыпала ранку порошком, а ватку велела держать, пока не остановится кровь. Скоро я заснул, а открыл глаза уже вечером, когда ливень барабанил в стекла.

Ранка скоро зажила, но шрам на нижней губе всю жизнь напоминал мне о паническом страхе здоровенных мужиков перед возможным загулом стихии. Да, природа бывает ведьмой — капризной, беспощадной к людям. Позднее я читал о страшных наводнениях от разлившейся родной речки.

Река

*Однажды посыпал редкими крупными каплями слепой дождь.
А я очень любил дожди*

Чуть польет с неба, мы с соседскими мальчишками, не сговариваясь, бежим прыгать по лужам. Кричим восторженно:

Дождик, дождик, перестань!
Я поеду в Ерестань.
В Ерестани пусто,
Вырастет капуста.

Какая такая Ерестань, почему в ней пусто — неведомо. Может быть, надо было кричать Еревань? Иногда кричалку поправляли: «В самолете пусто!» Самолет подразумевался единственный — Ту-104. О его роскоши трубила радиопропаганда, его стремительный профиль украшал множество газет и журналов. Реактивный Ту-104 единственный возил гражданских пассажиров. Иногда над нами пролетал сельский кукурузник, который опрыскивал поля химикатами. Все другие самолеты считались военными истребителями, мы называли их «ястребками». Когда пара таких «ястребков» развешивала в голубом небе бельевые веревки конденсационного следа, я и другая малышня приходили в восторг и с нетерпением ожидали, когда синие облака повиснут на веревках как бы для просушки.

Кричали и такой стишок, воздев лицо к небу:

— Дождик, дождик, припусти, дай горошку подрасти!

Это было понятней, здесь имелся явный огородный интерес. Хотя зеленый горох я не любил.

Особую радость мне доставлял слепой дождь. Это когда на половине неба светит летнее солнышко, а с другой небесной половины падают крупные редкие капли с маленькими радугами внутри. С соседом Валеркой Поповым мы задирали лица кверху и ловили ртом радужные капли — кто больше поймает.

— Ой, мне щекотно! — кричал Валерка. — Радуга прямо в потроха падает!

— И у меня пузо светится! — не отставал я и выпячивал мокрый животишко. — Гляди, у меня пузо внутри цветное, как радуга.

— И у меня, и у меня пузо как радуга! — радовался Валерка. — Давай встанем на разные стороны улицы, а между нами будет радуга.

— Давай, — соглашался я. — А кто мимо пойдет, будем ругаться понарошку: куда, мол, прете прямо на нашу радугу!

И мы продолжали пить дождь и бегать по улице и по лужам.

Любимейшим местом детских забав была река.

Из Ингоды и Читинки горстями пили сладкую прохладную воду — стлыли зубы, ломило скулы, но пили жадно, с удовольствием. Пили во время рыбалки, во время купания и разных игр. Студеная вода светилась от чистоты; забредешь до пояса — камушки на дне поблескивают. О том, что воду нужно кипятить, и мысли не было: никакой заразы в той воде не водилось.

Позднее мне довелось увидеть немало чудес — Ангару и Байкал, Амур и Тихий океан, Обь и Катунь. Однако в длинном перечне природных красот ничто не сравнится с изумительной малой речкой моего детства — Читинкой.

Постороннему человеку может показаться, что ее средняя глубина — метр без волн; в действительности эта речка бездонна.

Постороннему человеку может показаться, что длина Читинки сотни две километров; в реальности она способна обогнуть всю Землю и даже Луну, если ее как-нибудь перекинуть на Луну.

Кто-то со стороны может сказать, что и ширина Читинки не велика — от двадцати до шестидесяти метров; а я скажу, что Читинка разливается шире всех морей.

Вообразите, что это нечто — шире моря, глубже океана, длиннее экватора! — принадлежало лично мне целых пять лет! Представили? Не забыли увидеть серебряную воду, золотой песок, самоцветы на дне? Не забыли о хариусах, налимах, пескарях, гольянах и других волшебных созданиях?

Теперь, надеюсь, до вас дошло, насколько я был свободен, богат, могущественен на берегах своей реки. Пять бесконечных лет счастья. А ведь каждая минута счастья — редчайшая ценность во всей Вселенной, духовный дефицит.

Есть такая игра для малышей: в таз с водой опускают рыбешек с железными ртами и вылавливают их удочкой с магнитиком на конце. Это игра для трех-леток! А представьте себе пятилетних парней не у таза, а на берегу настоящей водной стихии! Рыбачили мы азартно, по-всякому, иногда целыми днями.

Самая простая рыбалка устраивалась при помощи стеклянной банки, веревки, крышки и хлебных крошек. В жестяной крышке зубилом прорубали отверстие, острые края загибали внутрь, крышку прикручивали к банке изолентой, в банку засыпали крошки хлеба, и все это сооружение заносили в воду или закидывали на веревке с берега. Спустя некоторое время банку выуживали и — пожалуйста: внутри металась шустрая стая голянов. Вприпрыжку, босиком, скоком-скоком, боком-боком, с притопом спешил я к своим любимцам, которые встречали меня голосистой какофонией, едва я распахивал калитку: кря-кря, куак-куак, коин-коин, крап-крап, кряк-кряк! Пестрые утки, широко разевая красные плоские клювы, на неуклюжих красных лапках с перепонками, мчались ко мне низенькими толстыми торпедами. Вслед за утками поспешали глупые курицы: ко-ко-ко, ка-ка-ка, кот-кот-коде, клак-клак! Скакал Шарик: тяф-тяф-тяф, р-ры-ры-рр, ав-ав-яв! Щедро высыпал я из банки на зеленую траву серебристую рыбешку размером с детский мизинец — ешьте, кто хочет! Начинался гвалт — и в минуту речной подарок исчезал в желудках пернатой паствы. С гордостью ощущал я себя всемогущим кормильцем, добытчиком, человеком!

Существовал и жестокий способ рыбалки. Мы с ребятами той поры, возможно, стали последними белыми людьми, которые охотились на рыбу с помощью варварских острог. Делалось это так. Подобно каким-нибудь папуасам, мы брали палку, к ее концу крепко-накрепко приматывали железную вилку, заворачивали штаны до колен — и вступали в прохладные струи реки. Сквозь прозрачную воду отлично просматривались белые пальцы ног, булыжники, коряги, а между ними — пятнистые спины дремлющих налимов. Эти хищные рыбины охотились по ночам, а днем мирно дремали. Осторожно-осторожно, не дыша, первобытный рыбак заносил вверх острогу и бил трезубцем жирную, возмущенно трепещущую добычу. Нам, дошколятам, несмотря на самодельные вилки-остроги, большая рыба вряд ли доставалась. Помню, что я, обнаружив налима, знаками подзывал для решительного удара кого-нибудь из братьев.

Налимов с гордостью несли на кухню. В Читинке они жили постоянно и размером были с обычную селедку. В Ингоде водились проходные налимы, те вырастали до целого метра, я их видел, но не в воде, а в руках взрослых рыбаков.

Однако истинной можно признать только рыбалку с удочкой. Леска, поплавок, крючок, червяк и, конечно, палка, к которой крепится все это богатство. Плюс подходящий водоем.

В тот день, когда мы с Валеркой насытились радугой, я отправился на рыбалку. Удочка всегда стояла на крылечке. В консервной банке с землей барахтались, вытягивались, обнимались дождевые черви. Я прибежал на берег — шагом я в ту пору передвигался редко. Падающие в воду капли поднимали фонтанчики, словно холодная речка кипела: пш-буль-пш-буль-пш. Она немножко разлилась и затопила берег. Невдалеке образовался островок, на нем я и обосновался: по-

ставил ведро, банку с червями, а затем дрожащими от нетерпения руками закинул удочку...

Никогда в жизни у меня не случилось такой удачной ловли, как в тот день! Слепой дождь, вероятно, насытил воду кислородом, и вся рыба поднялась к поверхности — дышать, играть и радоваться. Мой островок окружили пескари. От избытка кислорода и от танцующего дождя они словно опьянели. Я вытаскивал этих полосатых усатых рыбок одну за другой. По моим понятиям, пойманные пескари гляделись достойно — каждый сантиметров по десять длиной. Это вам не крохотные гольяны в банке!

Я снимал с крючка очередного пескаря, кидал его, не глядя, в ведро, нализывал нового червяка, закидывал удочку, почти мгновенно поплавок уходил под воду, бац — я снимал с крючка очередную рыбку... И не успевал таскать добычу из воды. Пузыри на воде, пляшущий впрыскаду поплавок... Но мой островок потихоньку скрывался под водой, да и червяки кончились. Пора домой — хвастаться необыкновенной удачей. Смотал удочку, схватил ведро — и потерял дар речи. Батюшки — ведро-то пустое! Точнее, не совсем пустое, его до краев заполнил дождь. Но рыбы-то нет! На моих глазах последний пескарь сделал сальто в воздухе, махнул хвостом и плюхнулся в речку. А я-то был уверен, что наловил полное ведро рыбы! И действительно наловил, только вся рыба из ведра сбежала в речку, домой, пока я был увлечен ловлей. Возможно, и ловил я одних и тех же пескарей, которые проделывали по кругу путь: речка — ведро — речка. И кто же теперь поверит, что я искусный рыбац?

Убежал улов! Самый счастливый улов в моей жизни! Побрел домой и я, такой же мокрый, как веселые пескари, но в отличие от них унылый и печальный.

Рубаха

*Однажды на Черновских коях отец вышел в слегка подпитом состоянии от приятеля и не спеша покандыбал к остановке.
Домой он в тот вечер не доехал*

Папки давным-давно нет на свете, но увижу издали старика с характерной походкой — покажется на миг, что это он, Николай Михайлович, идет. Отец отличался большим чувством товарищества и, конечно, как все советские работяги, регулярно выпивал с друзьями.

На спине у него белел длинный шрам с поперечными следами швов.

Однажды отец вышел, слегка подвыпив, из дома приятеля-шахтера и не спеша покандыбал на остановку транспорта. Прохожих было немного. Вдруг он услышал пьяный вопль и от страшного удара сзади рухнул лицом в деревянный тротуар. Из спины торчал топор. Убийца перевернул отца, глянул в его белое лицо и страшно закричал — не того, не того!

Набежали люди.

С одеждой в послевоенные годы, как известно, был швах. Советские граждане ходили в одинаковых рубашках, штанах и костюмах. В некоей компании мужики заспорили, затолкались, один обидел другого, плюнул — и удалился. Оплеванный схватил топор (на поиск инструмента потратил несколько минут) и кинулся вдогонку. Плеватель был одет в такую же клетчатую рубаху, как и

отец, — видную издалека. Половина мужиков такие рубахи носила. Далее понятно: разгневанный товарищ догнал знакомую рубаху и саданул по ней топором. А затем увидел лицо и заорал: не тот, не тот, обознался!..

Отца заштопали, даже на курорт послали; но одно легкое у него с тех пор частенько похрипывало и побаливало в непогоду. Он никогда не сетовал на глупую случайность, едва не стоившую ему жизни. Это происшествие пролетело как-то мимо меня: папка на курорте отдыхает, ну и ладно. Потом, действительно, он привез с курорта какие-то гостинцы, а что мама плакала при встрече — так это от радости.

Правда, отец удивлял меня тем, что после курорта обязательно клал под кровать топор — каждый вечер. Топор в доме имелся всегда, печь топили углем и дровами. Но зачем держать топор ночью под кроватью?

Возможно, у отца осталась психологическая травма после того внезапного лихого нападения, и ему было спокойнее спать с топором под кроватью, дабы хотя бы во сне отразить лезвие лезвием. Это уже тайны подсознания.

Фильмоскоп

Однажды я смотрел в окно и ждал возвращения отца с работы

В доме у меня имелось два любимых места: у окна, которое выходило на улицу, и возле печурки, особенно когда в ней мурлыкал огонь, а пол в кухне дышал чистотой. Перед окном в палисаднике от весны до осени росли простые, но яркие однолетние цветы. На улице событий происходило немного: редко-редко проходили машина или лошадь с повозкой, соседка спешила в магазин, петух выискивал жемчужные зерна в кучах золы, которой засыпали лужи...

Мне нравилось растапливать печку и мыть полы. Но почему-то как раз это мое стремление не нравилось маме и бабушке.

— Намоешься ишо в жизни, — ворчала бабуля.

И как-то получалось у меня обычно мыть пол не очень здорово. Поставлю ведро с водой на порог — войдет братишка и опрокинет ведро; кинусь с тряпкой вытирать лужу — упаду в нее животом...

Нынешние школьники, даже младших классов, не представляют жизни без девайсов и гаджетов — компьютеров, планшетов, мобильных, наушников и прочих приспособлений. Когда мне исполнилось шесть лет, на всей нашей улице Аянской не существовало ни одного телевизора; ни в одном доме не было телефона, о компьютерах не мечтали даже самые смелые фантазеры.

В общем, жили уныло, как люди каменного века? Не совсем так. У нас имелись свои технические радости.

Стояла мартовская оттепель, снежок сыпал с неба и таял при соприкосновении с почвой. Я смотрел в окно, вспоминал летние цветочки и ждал возвращения отца с работы. Мама уже вернулась. Они с бабулей на кухне гремели посудой. Запах картошки и жареной камбалы заполнил домик.

И все же я пропустил приход отца. Хлопнула дверь в сених, затем в избушке, и со светлой улыбкой Деда Мороза, только что получившего разрешение на проведение детского праздника, появился отец. В руках он держал округлый деревянный футляр, какие бывали у швейных машинок, только раза в два меньше.

— Вот, кинотеатр купил, — сказал он и поставил вещь на стол. — Домашний.

Фильмоскоп — вот что это было! Черный металлический аппарат напоминал гиперболоид инженера Гарина в миниатюре. На прочном основании крепились корпус и выдающийся вперед, как маленькая пушка, объектив с линзами. Когда прибор включали в сеть, внутри корпуса загоралась небольшая лампочка, как в холодильнике (которых тоже не водилось тогда в провинциальном быту). Яркий луч проходил сквозь пленку и ряд увеличительных стекол, высвечивая на белом экране историю в картинках. Немой фильм — на простыне! Кино — самое настоящее, домашнее. Разумеется, нарисованные фигурки не двигались, текст читали вслух. Но ведь не ты пришел в кинотеатр, а кинотеатр пришел к тебе! Все это казалось истинным чудом.

Представьте — можно останавливать кадры и рассматривать подробно-сти картинки, можно их возвращать, можно спорить о содержании и качестве рисунков. Мы с братьями, конечно, слышали о существовании фильмоскопов, даже видели где-то один хилый аппарат, который владельцы называли «танчиком», но никому из нас и в голову не приходило просить родителей купить собственный аппарат: дорого, да и где его купишь? А тут — вот он! Значительно крупнее, тяжелее соседского «танчика», и металл отделан лаковыми пупырышками, как отличная кожа.

Из кармана отец вынул три баночки, в каких порою хранят лекарства. Однако наклейки на баночках сообщали, что в них не таблетки, а диафильмы. В первой баночке хранился фильм по басням Крылова, во второй — «Старик Хоттабыч», третий фильм рассказывал о музее.

Семья забыла, кто чем занимался. На стенку прикрепили простыню, окна занавесили одеялами. Старший брат нетерпеливо сунул вилку в розетку, нажал рычажок — аппарат легко загудел, вспыхнула лампочка. Братишка вставил пленку в барабанчик. Семья устремила взоры на простыню. Даже бабушка приковыляла из кухни. Мать с отцом, обнявшись, стояли за нашими спинами. Мы, четверо мальчишек, затаили дыхание. Вот и первый кадр — со стены смотрел злобный зверь, щетина дыбом торчала на его загривке, из разинутой пасти несло смрадом.

— Волк на псарне, — прочитал Сережка. — Басня И. А. Крылова.

Старший брат покрутил колесико фильмоскопа. Возник второй кадр.

— Волк, ночью ду-мая залезть в ов-чарню, попал на псарню, — прочитал Сережка.

Семья смотрела поучительную басню о коварном волке, под которым угадывался образ Наполеона, неосторожно напавшего на Россию. Отец с заливистым смехом повторял слова охотника: «Ты сер, а я, приятель, сед!»

Забыв про ужин, мы посмотрели вторую басню — про журавля-доброхота и жадного волка.

А затем этот вечер подарил мне знакомство с одним из самых любимых героев — стариком Хоттабычем. Да, второй диафильм был именно о древнем джинне, волею судьбы оказавшемся среди пионеров Советского Союза. Арабская вязь, которой было написано название сказки, начиналась в белой бороде волшебного старика. Голову его украшала чалма. Лешка покрутил ролик — и началось! Нырание в реку, уморительный экзамен по географии, кино и футбол! Все знакомо, все понятно — и одновременно сказочно необычно. История Лазаря Лагина восхитила меня смесью правдоподобия и дерзкого волшебства.

Фильмоскопы и диафильмы начали выпускать в СССР в тридцатые годы, однако пик их популярности пришелся на пятидесятые и первую половину шестидесятых годов. Мы называли рисованные фильмы «кадриками», их выпускала фабрика «Диафильм». Жестяные, а позднее пластмассовые баночки с пленками покупали в книжных и канцелярских магазинах. Обменивались диафильмами, коллекционировали, басни заучивали наизусть и цитировали во время игр, в подходящих случаях. Казалось, что диафильмов делали много, но хотелось иметь их еще больше — целую библиотеку! Перед детьми хрущевской оттепели на белых стенах оживали «Гаврош» Гюго, «В людях» Горького, «Сын полка» Катаева, «Голубая змейка» Бажова, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, множество сказок, басен, музеев.

Надо сказать, что в наши дни тоже выпускают такие приборы, но они, конечно, изготовлены по современным технологиям, выглядят совершенно иначе, да и количество их не так велико. Всему свое время. Возможно, через полвека внуки нынешних ребят станут рассматривать в музеях нынешние гаджеты и посмеиваться над ними, как сейчас насмешливо удивляются дети при виде давно состарившихся забавных фильмоскопов.

А наивный и добрый джинн Хоттабыч повинен и в том, что однажды я внезапно для себя сочинил первый стишок.

Дело было весной 1961 года, я оканчивал первый класс. Среди прочих моих дружков выделялся некий Туркин — долговязый непоседа; он пребывал в вечном движении, словно шило у него торчало в одном месте. Я решил на него повлиять товарищеской критикой и сочинил шедевр:

Ах, Дуркин, Дуркин, Дуркин, ты большой болван.
В раздевалке бегаешь, как Абдурахман!

Эти талантливые строки я нацарапал на клочке бумаги и подложил в парту долговязого соседа. Когда прозвенел последний звонок, Туркин, собирая учебники в портфель, увидел листок. Он прочитал мои каракули и бурно обиделся. Поскольку под сатирическим стихотворением отсутствовала подпись автора, Туркин закричал во все горло:

— Марь Иванна, а чё он обзывается?!

— Кто?

— Вот он. — И обиженный одноклассник протянул учителю бумажку. Мария Ивановна вслух прочитала едкую сатиру, улыбнулась и спросила почему-то именно меня:

— Коля, а кто такой Абдурахман?

— Старик Хоттабыч, — послушно встал я за партой. Конечно, учительница мигом узнала мой почерк, но виду не подала.

— Разве ты бегаешь в раздевалке? — спросила Туркина учительница.

— Все бегают, а чё? — набычился Туркин. — Почему я один Абдурахман какой-то?

Учительница спрятала шедевр школьной сатиры в карман и попрощалась с классом. А я очень долго с тех пор не записывал на бумаге свои вольные сочинения, уяснив навсегда известную истину, что слово бывает опаснее пистолета. Особенно слово безымянное, схожее со сплетней. Стыд терзал мою душу.

Эхо войны

Однажды брат Сашка нашел настоящий пистолет

Наган был большой и ржавый. Железный. Обнаружил его Сашка под бревнами. Эти могучие бревна лежали на улице много лет, мы и не знали, чьи они. Бревна не годились на дрова, потому что распилить их огромные, каменные стволы простой пилой казалось невозможным делом. Вероятно, кто-то давным-давно привез их для стройки — да и не осилил, бросил и забыл. В общем, загодочные были бревна.

— А то! — показывал брат Сашка свою находку ребятам. Выглядеть завакакой он не хотел, ведь и так все видели, что найдена вещь исключительно редкая и ценная. — Никому ни слова. Чок-чок, зубы на крючок. Боевое оружие. Правда, без патронов. Но патроны тоже можно найти, если хорошенько поискать. Бревна бы раскатать.

Желающих раскатывать столетние бревна в тот час не нашлось.

— Язычок на полочку и молчок, — согласились товарищи; и я в их числе.

— Просунул руку поглубже, пошарил — вроде что-то есть. Думал, старый клад, — рассказывал Сашка, округлив глаза. — Едва выцарапал. Вроде сумка — точно, думаю, клад с золотом. Ну, заживем! Однако сапог оказался.

— Сапог?!

— Ну да, сапог. Кирзовый, вроде солдатский, полусгнивший. Я его бросил и пнул: вдруг змея в том сапоге сидит или пауки. Никто не вылез, а пальцы отбил. Потянул за кончик — портянка, развернул, а в портянке наган. Тряпка прямо прижарилась к пистолету, насили отодрал.

Теперь все видели, что находка не столь хороша, как показалось в первую минуту, когда с замиранием сердца мы увидели грозные очертания боевого оружия. Некоторые куски железа просто отвалились, обнажив пустоту. Сказать правду, от нагана остался один каркас. Курок держался на какой-то проволочке и на честном слове. Барабан зиял грязными дырами. Рукоятка нагана сохранилась лучше, похоже, что ее выточили из кости, а не из металла.

Какие пули! Нечего было и думать, чтобы эта железяка выстрелила. Даже странно, во что может превратиться боевое оружие, если его оставить просто так, без использования, в кирзовом сапоге под каменными бревнами. Сапог заливала вода. Зимой вода замерзала. А от чего могла защититься портянка? Время темным, кислотным языком облизало оружие, покрыло железо бурыми волдырями, шелухой. Когда-то скакали в дымных разрывах красные кавалеристы, сверкала в закатных лучах сталь их шашек, и при виде комдива в белой бурке на белом коне бежали в панике трусливые враги. А командир грозно указывал черным револьвером направление атаки.

Весь день мальчишки бродили по улице Аянской с потаенными мыслями в мечтательных глазах: никому не игралось, не рыбачилось, не дразнилось.

А вечером по дорожным ухабам к нашему дому подрулил милицейский «бобик». Я увидел вылезавших из него военных в форменных фуражках и шибко перетрусил. Не знаю, откуда возник во мне отчаянный страх. Я ведь не сделал ничего плохого, даже не я обнаружил ржавый пистолет, а что видел... Так его видела вся улица. Вероятно, я не хотел сдавать находку в милицию, ведь я знал, куда Сашка заныкал наган, и после суровых вопросов мог показать, где он лежит.

Как бы то ни было, но в состоянии внезапного ужаса я совершил детский подвиг. Иначе как подвигом я не могу назвать свой поступок.

Дело вот в чем. Тем летом хозяин дома, что стоял напротив нашего, поселил во дворе гигантскую кавказскую овчарку. Она смотрела на всех злобно сверкавшими на лохматой морде глазами, а размерами вымахала не меньше теленка. Цепь ее доставала до самой калитки, то есть весь соседский двор находился в ее власти. Бдительная бабушка, увидев черного пса, строго-настрого запретила мне и братьям даже приближаться к соседскому заплоту.

— Разорвет и спасибо не скажет, знаю я таких, это не собака, а зверюга, прости господи. Где токо этот ирод ее отыскал?

Ужас перед милицейским «бобиком» погнал меня в соседскую калитку и заставил притаиться в чужом дворе, между туалетом и забором. В заборе имелась, разумеется, щель, к ней я и приник. Приник и наблюдал за милицией. И услышал, разумеется, за спиной недовольное ворчание. Услышал тихое рычание убийцы. Унюхал вонючее дыхание клыкастой пасти. Повернуться лицом к черной смерти я не смог. Так и сидел на корточках, смотрел в щель, слушал слабое бряканье цепи...

Сашка со слезами на глазах влез на пенек и вынул из-под стрехи сверток. Рядом стояли мама и перепуганная бабуля. Милиционер немедленно развернул чистую тряпицу и насупился.

— Это не тот, — сказал он громко своему напарнику. — Смотри, этот еще с войны лежал, видимо. Ржавая железяка, а не пистолет. Да вы не тряситесь, мамаша, — обратился он к бабушке. — Нападение произошло на одного нашего товарища, голову проломил, пистолет забрали. А тут нам сообщили: мол, нашли мальчишки ваш наган. А это вовсе не наш. Но мы его все равно заберем. До свидания. Забудьте о нем.

Милиционеры погрузились в «бобик» и уехали. Мама, бабушка и Сашка вошли в дом. И тогда я повернул голову — чтобы немедленно умереть.

Однако в тот раз не умер. Жуткая псина мирно отдыхала возле своей будки и на меня не глядела. Почему — не знаю. Может быть, умная овчарка быстро сообразила, что никакого вреда от мелкого человечка не будет? На полусогнутых ножках я добрался до калитки — пес и ухом не повел. Я не сказал ему спасибо за то, что он меня не растерзал, тихохонько вышмыгнул на улицу и прикрыл за собой калитку, никем, кроме кавказца, не замеченный.

Звери и вообще животные — загадочный народ. Часто они бывают умнее людей.

Беркут

Однажды охотники притащили из тайги живого орла

Тополь да береза — вот и все деревья, что известны городским детям. Спросишь: липа, дуб, клен? Пожмут плечами.

Две птицы в большом городе главные — голубь да воробей. Ну, зимой еще синицы. Если увидят снегиря, рассказов на полдня. А залетит нечаянно сова в городской парк — сенсация, по телевизору покажут.

Естественно, привлекают внимание собаки да кошки. Других-то четвероногих нет. Увидит малыш на асфальте бегущую по делам мышь — море впечатлений. Бывают еще лошади — понурые, облезлые существа, которые катают детишек по зеленым аллеям парков.

Во взрослую жизнь школьник входит с убогим запасом знаний: тополь, береза, голубь, воробей, кошка, собака. Жуков боится. Оса — катастрофа. Стрекоза — сказка. От шмеля бежит вприпрыжку. Змея — аспид из преисподней. Как ловить рыбу, не знает.

Тяжело ему в деревне, в лесу, в чистом поле; не дай бог буря застигнет, выпрыгнет из кустов заяц...

У нас было другое детство.

Однажды охотники приволокли из тайги беркута.

За домами раздался необычный шум и гам. Мы, ребятня, кинулись туда. И остолбенели. Здесь собралась почти вся наша улица Аянская. В центре человеческого полукруга, распластав блистающие в солнечных лучах мощные крылья, глухо и зловеще клекотал беркут. Медный окрас его перьев местами переходил в темное золото, а на затылке и шее длинные заостренные перья имели ярко-алый цвет. На груди и штанах узоры перьев образовывали рыжие круги, словно пятна засохшей крови. Я представил, как этот орел расклевал и сожрал зайца, заглатывая его кусками, и мне стало страшновато. Сразу было видно, что перед нами — хищник. Он вовсе не походил на петухов или индюков, которых я серьезно побаивался. Индюки трясли красными бородами и тоже непонятно клекотали, но — боже мой! — насколько их угрозы казались мирными и глупыми в сравнении с настоящим природным убийцей. Не оставалось ни грана сомнений, что зловещая птица немедленно ответит смертельными ударами кривого клюва и свирепых когтей на любое посягательство.

Таких жутких колдовских птиц я видел лишь на картинках. Но там они были нарисованные. А этот воздушный демон с безумными очами восхищал и пугал неземной, угрюмой, опасной силой. В его угрожающей позе, загнутом стальном клюве, лапах с драконьими когтями чувствовался опыт кровавых схваток на неведомых скалах вдоль безымянных рек. Опыт, сила и... осторожный, предусмотрительный ум. Слегка наклонив голову, беркут внимательно рассматривал людей, словно изучал, но не всю толпу сразу, а каждого человека в отдельности. Вот его бездонный зрачок в горчично-фосфорическом ореоле уставился на меня, моргнул, как механический объектив фотоаппарата, — мне показалось, что он зафиксировал мое лицо, внес в таинственную картотеку врагов, а затем перескочил на соседа. Тот невольно вздрогнул. Да и другие людишки побаивались небесного гостя. Под давлением задних рядов полукруг сужался, и, когда до диковинного пришельца оставалось метра два, пернатый злодей подпрыгнул и пролетел над толпой метров двадцать прямо по курсу. Толпа с гиком кинулась следом. Пришельцем я назвал его потому, что, похоже, ноги служили беркуту лучше, чем крылья.

— Почему он не улетает?

— Охотники крылья подрезали.

— А где они?

— Видно, вырвался он от них. Убег.

— Цас как кинется! Как загрызет!

— Заклюет!

Но раненый беркут никого терзать не собирался. В следующее мгновение он взмыл в небо и направился к лесу, тяжело приседая в полете. Толпа ахнула.

Почти неделю мы, мальчишки, только и говорили о судьбе великой птицы. Выжил тот беркут или нет? Неизвестно. На его поиски собиралась тайная экспедиция, но почему-то не собралась окончательно.

Забайкальская тайга вообще играла немалую роль в жизни нашей улицы. Умельцы, в том числе и отец, изготавливали специальные фанерные короба, которые носились на спине вроде рюкзака. Короба называли то ли горбовиками, от слова горб, то ли гробовиками, от слова гроб, поскольку формой они напоминали миниатюрные переносные гробы. С этими горбами взрослые уезжали за ягодой. Возвращались через несколько дней с полными коробами черники или голубики, а в каждый горбовик входило несколько ведер. Голубика ценилась выше черники, потому что от черники зубы покрывались неприятным угольным налетом.

С наступлением осени с теми же фанерными коробами ватаги мужиков и парней собирались шишковать. Я завидовал старшим братьям — Лешке и Сашке, которых брали в тайгу за шишками, а нас с Сережкой по малолетству — нет, не брали в тайгу. Кедровыми орехами вся семья обычно баловалась ползими. Бабушка поджаривала их в чугунной сковородке, а затем выставляла на стол. Мы, мальчишки, насыпали каленые орехи горстями в карманы. Сережка отличался странной манерой: он разгрызал орешки, но не ел зерна сразу, а складывал их в стакан. Потом на наших глазах поедал орешки чайной ложкой. Порой посыпал сахаром. Меня поражало его заготовительное терпение.

Апельсиновые ботинки

Однажды мама купила мне башмаки желтого, почти апельсинового цвета — девчачьего, на мой вкус

Они достались ей сравнительно дешево, и, радостная, мама прибежала с ними домой. Ей не терпелось примерить обновку: впору ли? Да и в магазине она договорилась вернуть башмаки, если они окажутся не по размеру.

А я спал, потому что было утро, и еще продолжалось лето, и мне снились черный мяч и зеленая трава. Тем летом я так азартно играл в футбол, что ноги часто сводило судорогой. Играл я плохо, глупо, но самоотверженно. И только во сне поражал чужие ворота. И вот я забиваю гол, а мои ноги стреножили.

Крепкие башмаки нужны были к началу моего первого учебного года: не в сандаликах же щеголять!

Мама будила меня, а я спал. На сонного она попыталась натянуть на меня один ботинок, но не на ту ногу, и я взбрыкнул во сне, как жеребенок: зачем мне подковы?

Мама обиделась и ушла. Когда наконец я продрал глаза и сел в постели, на моей левой ноге торчал наполовину надетый правый башмак; а левый стоял возле кровати. Светило солнце. Я окончательно проснулся, и чувство стыда, что я спросонок обидел маму, заполнило меня всклень, до краев, чуть не брызнуло слезами из глаз.

Башмаки оказались твердыми, как железо. Дешевыми и крепкими. И — вот дьявол! — маловатыми. Я ходил в них в школу всю осень. Именно ходил — бегать не мог. Пятки быстро стерлись в кровь, но я терпел и молчал: сам виноват. Если бы я в тот день проснулся вовремя, то убедил бы маму купить другую обувь, посвободнее.

Когда выпал снег и отец, самодовольно посмеиваясь, вручил мне подшитые уютные валенки, я поцеловал его в жесткую щеку. Отец страшно удивился: отношения между нами существовали суровые, мужские.

На пыльных дорожках моей памяти остались горькие следы тех проклятых апельсиновых башмаков. К слову, апельсинов и мандаринов в моем детстве не было; а вот бананы продавали часто.

Коллективный Ботвинник

Однажды целый месяц я считал себя вероятным чемпионом мира по шахматам

Фигурки выглядели тоскливо: обкусанные, обгрызенные, лак и краска на них давно облупились, доска исцарапана, там и сям чернильные кляксы. Из корон королей торчали спички. Конь потерял половину морды. Вместо белой ладьи — пустая катушка ниток. С этими шахматами отец демобилизовался из армии. Наверняка за ними сживали бритоголовые красноармейцы и юные офицеры где-нибудь в ленинской комнате на границе с Китаем. Да и во время боев с японцами шахматы, возможно, хранились в вещмешке лейтенанта Зайкова среди личных вещей. И он прихватил этот фронтовой комплект увлекательной игры, покидая полк.

Отец любил шахматы. Он обучил правилам игры моих старших братьев. В свободный вечерок легко мог взять доску под мышку и отправиться к соседу — посидеть на лавочке за мудреной партией. В общем, на моей памяти шахматы в доме были всегда.

В тот вечер отец ввалился в хату особенно веселый. Выложил на стол сверток в плотной коричневой бумаге. Мама развернула — шахматы! Новехонькие! С пылу, с жару — из магазина. Или сразу с фабрики! Пока отец умывался и ужинал, мы вчетвером рассматривали, нюхали и расставляли фигуры на превосходной, в шашечку покрашенной доске.

Фигурки все до одной переливались лаком и краской. Их было тридцать две. Я быстро пересчитал: восемь черных солдат, восемь желтых солдат и по восемь сложных фигур каждого цвета. В то лето, перед школой, я все и всех вокруг себя пересчитывал. Очертания деревянных статуэток восхищали изящными линиями и рюмочными талиями. Вот это мастер! Как удалось ему вырезать ножом столько фигур и ни одной не поломать? Я-то не умел построить обычный трактор из нитяных катушек. Деревянные кони гордо потрясали ухоженными гривами, косили горячим глазом. Мы поочередно подносили фигурки к носу, нюхали и спорили: береза, осина, кедр? Братья показали мне, как передвигаются слоны и скачут лошади, на что способна ладья, королева и сами короли. В шашки-то играть я умел, но в шашках правила простые — их и трехлетка осилит, потому что все круглоголовые пешки одинаковы. Главное — «за фук!» вовремя прокричать. А шахматы — маленькая империя, древнее индийское государство в нашем большом государстве — СССР.

— Почему слоны без хоботов? — удивлялся я. — Какие-то шишечки на головах.

— Это в Индии они с хоботом, — пояснил всезнайка Лешка. — Там на слонах офицеры ездят. А у нас живые слоны не растут. Вместо слонов царей охраняли офицеры. А шишечки — это как бы шлемы на них.

— А почему у ладьи нет парусов? — не унимался я. — Почему у нее зубчики, как у крепости?

— Потому что это тура! — воскликнул Сашка.

— Турецкая крепость? — совсем запутался я.
— Не, не турецкая. Тур — такой бык. Русский. Башни на колесах назывались турами. Будто это быки атакуют. А это туры по полю катились, как лодки по воде.

Тут к нам подсел отец.

— А королеву зовут ферзем, — сказал он, нежно поднеся к глазам точеную фигурку.

— Ферзь — это визирь, ихний министр, — опять вмешался всезнайка Лешка.

— Называют по-разному, а играют одинаково. Предлагаю турнир, — сказал отец. — Вы играете друг с другом, а против победителя выхожу я. Кто играет белыми?

— Почему белыми? — опять удивился я. — Ведь они желтые!

— Ну как? — в свою очередь удивился отец. — День и ночь, верх и низ, черные и белые. Эти фигуры желтые, но удобнее называть их белыми, потому что против них стоят черные.

Минут пять спустя зацикленный на несправедливости мира Сашка закричал:

— Так нечестно, нечестно, я и подумать не успел, а он уже мат. Я не виноват! Давай реванш!

— Правильно, — одобрил отец. — До двух побед.

Лешке понадобилось минут десять, чтобы вторично обыграть Сашку. Неудачник зашмыгал — у него, как у собаки, всегда был мокрый нос.

За доску сел упрямый, однако неуверенный в себе Сережка. Отец и я молча следили за передвижением фигур. Сашка активно подсказывал против Лешки и всячески его подзуживал. Партия затянулась, потому что Сережка долго раздумывал над каждым ходом, а Сашка из кожи вон лез, навязывая свои версии, мешая маршальскому уму Сережки планировать атаки, клещи и отступления. Все же старший брат одолел двух младших — соорудил им мат.

— Петерича вторая, — выпятил нижнюю губу Сережка.

Начали играть сызнова. Эта партия длилась почти час, Сашка с Сережкой брызгали слюной, краснели и бледнели от возбуждения, но и вторично победил опытный Лешка.

— Теперь с тобой, папка! — Победитель начал строить белые фигурки.

— А я? — возмутился я. — А со мной?!

— Ты же играть не умеешь, — удивился Лешка.

— Ты же не умеешь! — разом вскричали Сашка с Сережкой.

— Я же тебя не учил еще, — рассмеялся отец.

— А я сам научился! Вот сейчас научился, смотрел и учился, — возопил я. — Давайте со мной!

Начали партию. Не успел я глазом моргнуть, как старший брат — бац-бац-бац! — объявил:

— Детский мат! В три хода!

Пришлось начинать заново. Теперь я избежал быстрого поражения. Разумеется, мне всюю подсказывали проигравшие братья: мы втроем играли против одного Лешки. Он пыхтел, потел, думал. Сашка с Сережкой ожесточенно спорили. Прежде чем передвинуть фигуру, я держал на ней пальцы и внимательно изучал выражение лиц отца и Лешки, пытаюсь оценить силу своего предстоящего хода.

В комнату вошла мама.

— Отец, спать пора, темно уж на дворе.

— Иди, иди, не мешай, — отмахнулись от нее. Бабушка давно спала. Она ложилась раньше всех, но и поднималась раньше всех. А мама не могла заснуть, пока все дети не утомятся.

Лешка одержал вторую победу. Предстояла главная интрига: отец против старшего сына. Конечно, теперь мы, четверо сыновей, вооружившись терпением и азартом, уселись с одной стороны шахматной доски; фигуры передвигал Лешка, он и был естественным главарем в нашей шахматной шайке. Кричали все, порой одновременно. Гвалт стоял — как в вороньем встревоженном стане. Отец против гвалта не возражал и лишь усмехался:

— Коллективный Ботвинник!

— Не, я Алехин, — возразил Лешка.

— А я Капабланка! — назвал себя Сашка.

— А я, а я, а я петерича Василий Смыслов, — прошептал Сергей.

— Ладно, я буду Ботвинником, — снисходительно согласился я. — А кто это — Ботвинник?

— Так ты же!

В ту пору короной чемпиона мира владел гражданин СССР Михаил Ботвинник. Фамилии Алехина, Капабланки, Смылова, Таля и других шахматных мэтров звучали из уст отца и его приятелей. Позднее мы наблюдали битвы Тиграна Петросяна и Бориса Спасского, Анатолия Карпова и Гарри Каспарова. Отец порой играл сам с собой, увлеченно разыгрывал чемпионские партии, опубликованные в газетах и журналах.

А тогда турнир «коллективного Ботвинника» против отца взволновал нас всех не на шутку. Еще пару раз из кухни ругалась мама, требовала немедленно всем ложиться спать, однако игра затянулась далеко за полночь.

— А мы тебя ферзем! — говорил Лешка.

— А мы вас — слоном! — отвечал в тон ему отец.

Наконец, мы были повержены. Самодовольно посмеиваясь, отец выложил на стол бумажку с портретом Ленина — десять рублей:

— Вот, сходите завтра в кино и купите мороженого. Бабушку с матерью не забудьте!

Деньги были дореформенные — большие красивые купюры. В народе их после реформы звали сталинскими портянками. А новые бумажные деньги, которые появились в январе 1961 года, называли хрущевскими фантиками: они поначалу казались конфетными обертками. Государство сэкономило на бумаге, хотя надо признать, что новые купюры были удобнее в обиходе. Билет в кино старыми деньгами — один рубль, мороженое — тоже один рубль. И два рубля сдачи — на мороженое для мамы и бабушки. После реформы десять сталинских рублей стали одним рублем желтого цвета, а один рубль превратился в десять копеек. Соответственно, изменились цены: билет в кино — 10 копеек, мороженое — 10 копеек.

Получив красивую купюру с портретом Ленина, мы остались очень довольны турниром. И немедленно забыли о поражении. Страсти улеглись, и только Сашка что-то бурчал про то, что обманывать детей плохо. Я обмана не чувствовал: продули заслуженно — да еще и деньгами обзавелись, в кино ходим, мороженое поедим: просто здорово!

В ту ночь мне снился Коллективный Ботвинник с синей громадной бородой, похожий одновременно на Карабаса-Барабаса и Карла Маркса.

— Ага, — трясли пальцем перед моим носом трехголовые, как Змей Горыныч, Ботвинник, Карл Маркс и Карабас-Барабас, — с кем вздумал тягаться! А вот мы тебя — слоном! А вот мы тебя пешкой по носу!

Целый месяц я занимался ловлей партнеров для игры. Увы, уличные друзья на шахматные хитрости чихали; бабушка играла только в карты; мама ни во что не играла — в любую свободную минутку она шила, мыла, стряпала, чистила или сутилась в огороде. Поэтому стоило кому-нибудь из братьев замаячить на горизонте или отцу прийти с работы, я кидался к ним, призывно потряхивая доской с фигурами:

— А вот партейку!

Целый месяц меня насмешливо звали в семье Коллективным Ботвинником. Потом наступила пора собираться в школу, и деревянная империя древних индейцев скрылась в тени.

Школа

*Однажды мама выложила передо мной стопку новеньких
глянцевых книжек — учебники за первый класс*

Благодаря старшим братьям я вдоль и поперек тысячу раз рассмотрел их учебники, но все равно был безмерно рад получить свои собственные, чистенькие и тугие. В «Азбуке» на главном месте сидел Никита Сергеевич Хрущев в помятом светлом пиджаке. В газетах я видел — он совсем лысый, но в учебнике на голове великого зодчего коммунизма, как его называли тогда в печати, светился легкий пушок, какой бывает на головах уток, и полуоткрытый рот в точности напоминал клюв селезня, когда он просит рыбу. Под мягким плечом Хрущева висели три золотые звезды, до каких, конечно, ни одному селезню не дослужиться, а под портретом располагался текст:

Н. С. Хрущев — великий борец за мир

Ребятам всей земли — салют!
Пусть будет мир на свете.
Пускай счастливыми растут
Отцам на смену дети.

Автор не был указан, но я догадывался, что стихи написал Пушкин. Это ведь он сочинил все хорошие стихи на свете. В то время я почему-то был уверен, что Чита находится совсем рядом с Москвой, что в ее центре, неподалеку от меня, живут Пушкин, Жуков, Суворов и другие известные личности. И только в первом классе мне объяснили систему координат и показали географическую точку, где стоит наш городок.

Листая учебник, я крепко задумался: кто гениальнее — Ленин или Хрущев? На сталинских деньгах Ленина тоже изображали в помятом пиджаке и галстук, но он смотрел в сторону, избегая прямого взгляда, словно обманывал людей. А вокруг вождя написано: «10 рублей», «Десять рублей» — и так несколько раз. Будто Ленин работал бухгалтером. Тогда я решил, что Хрущев умнее, а Ленин хитрее.

В канун 1 сентября 1960 года мама примерила всем четверым сыновьям новые школьные наряды — курточки и брюки. Даже кепки пошила сама.

В те годы отменили школьную мышиную форму с ремнями и гимнастерками, и ученики могли надевать любую одежду, лишь бы опрятную. Никаких медных пряжек и кокард! Еще раньше в школах отменили раздельное обучение, так что я учился в смешанном классе — у нас оказалось не меньше девчонок, чем мальчишек, примерно по двадцать тех и других. О-го-го как в классе было шумно и весело! Новая одежда топырится, глаза сияют, и у всех масса интересных вещей — портфели, пеналы, чернильницы, перья, линейки и разноцветные палочки для счета в специальных коробочках. Гоп-ля-ля!

В первый день я так волновался, что совсем не помню, как шел в школу и обратно. Да ведь я шагал с братьями, по сторонам не глядел. Здание школы походило на дворец. Настоящий царский двухэтажный дворец с белыми толстыми колоннами! И стояла школа на улице Декабристов, а декабристы ведь жили при царе. Я был уверен, что декабристы и построили такое замечательное здание для советских школьников. Во всем мне виделась роскошь. По широким лестницам могли подниматься (и спускаться) одновременно десятки ребят, а чтобы разглядеть потолок, нужно было задрать голову так, что с нее валилась на пол новая кепка. Правда, я и без того кепку снял сразу, Лешка предупредил, что головные уборы следует снимать при входе в общественное помещение. Да, наша приземистая, кривая и грязноватая улица Аянская не шла ни в какое сравнение с этим храмом науки. Храм науки — не знаю, где слышал я это выражение, но оно мне пришлось по душе. Я повторял братьям: «Храм науки! Храм науки!» — пока Сашка не процедил сквозь зубы: «Пару дней помолишься в этом храме — узнаешь, какие тут попы». Но я пропустил его замечание мимо ушей.

Молиться никто не заставлял. Мы разошлись по классам. И вот открылись дубовые двустворчатые двери — вошла учительница. Она выглядела ровно так, как я себе представлял: стройная, молодая, веселая, вся беленькая, причесанная, красивая и по имени Марья Ивановна.

Марья Ивановна сказала, что нужно вставать, когда она или другой взрослый входит в класс. Вставание означает приветствие — будто мы говорим «здравствуйте». Мы с шумом поднялись, и кое-кто закричал: «Здравствуйте!» Учительница сказала, что кричать не нужно, что встали — и молодцы, а теперь садитесь и будем знакомиться. И мы начали знакомиться: по очереди поднимались за своими партами, называли имя и фамилию, а учительница иногда что-нибудь спрашивала. Меня спросила, умею ли я считать до десяти; я ответил, что до тысячи считаю легко, а дальше скучно повторять одно и то же.

В общем, начались школьные годы.

Одним из главных уроков в ту пору было чистописание. К портфелю снаружи привязывали мешочки с чернильницами-непроливашками. Писали ручкой в виде деревянной палочки с металлическим наконечником, в него вставлялось перо. В старших классах позволяли писать чернильными авторучками. А шариковые в школах появились позднее, во второй половине шестидесятых годов.

Перья были стальными, но разными — по номерам. В начальной школе писали одними номерами, в средних классах — другими. Номера нужны были для того, чтобы выдерживать толщину букв. Основание буквы писали с нажимом, а верх — волосяными линиями. Обычно каждый примерный ученик носил в пенале несколько перьев. На переменах часто играли в перышки: переворачивали их в воздухе особым щелчком, если получалось — перышко твое.

В тетради обязательно вкладывались голубые промокашки. А как без промокашек бороться с кляксами? Кляксы — бич божий. Ученики обращались с

чернильницами осторожно, как саперы с гранатами. Промокашки использовали и для черновиков, и для записок, и для скатывания плевательных шариков, и для самолетиков — много для чего. Правда, самолетики из промокашек летали тяжело и плохо.

Чистописание отнимало массу сил. Многие первоклашки писали чрезвычайно медленно, высунув от прилежания языки. Нужно было регулярно обмакивать перо в чернильницу. И аккуратно стряхивать обратно повисшую на кончике пера каплю. Чуть зазевался — беда, клякса!

На уроках чистописания стояла особая тишина — слышалось только сопение, кряхтение, стук по чернильнице и скрип по бумаге стальных перьев. Зато и почерк аккуратных учеников тех лет нельзя сравнить с почерком нынешних продвинутых деток, привыкших шлепать пальцами по клавиатуре вместо того, чтобы вырисовывать буквы и цифры.

Бескозырка белая

Однажды я стоял перед классом у доски с зажмуренными глазами

В зажмуренных глазах бушевал шторм, и нужно было прыгать в его горнило, где меня поджидали ликующие осьминоги и акулы.

Мне нужно было исполнить детскую песенку — не обязательно весело, не обязательно попадая в ноты, спеть хоть как-нибудь. Странное дело — пение детской песенки о морячке для меня равнялось прыжку в океан. «С какого, парень, года, с какого парохода и на каких морях ты побывал, моряк?» Возможно, я против воли воображал себя моряком, потому и плескались волны под веками моих зажмуренных глаз.

Соленые, как море, слезы бежали по щекам, и мне удавалось шепотом произнести роковые слова: «Бескозырка белая... в полоску воротник...»

— Ну вот, отлично, Коля, — бодро врала Мария Ивановна. — Давай вместе, ну, подпевай: «Бес-козырка бе-лая, в полоску ворот-ник, пионе-еры сме-лые спросили напра-ми-ик...»

В отличие от мамы и от брата Сергея, я плохо рисовал. Еще хуже пел. Точнее, не пел вообще. Вот они оба как раз имели музыкальный слух — единственные в семье. Мама любила при случае взять что-нибудь струнное в руки и нежным голосом исполнить популярные песни — «Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет» или «Златые горы и реки, полные вина». Как же я любил ее в такие минуты! Слушал, боясь шорохнуться. А Сергей много позднее, в старших классах и уже в другом городе, выучился играть на трубе и с гордостью, пятнадцати лет от роду, приносил иногда в семью пятерку — рублей, конечно. Объяснял: «Жмурика одного с оркестром хоронили, меня и позвали».

Моя первая учительница Мария Ивановна чутко внимала голосу времени. А время в ту пору пело изумительным дискантом Робертино Лоретти. Сладкие, чарующие мелодии итальянского чудо-ребенка без конца звучали по радио: «Ямайка», «Солнце мое», «Аве Мария», «Попугай»... Кто знает, может быть, Мария Ивановна хотела обнаружить среди своих первоклашек подобного одному из восьми детей штукатура, каковым родился Роберто Лоретти?

И все же пение было единственным предметом, которого я боялся. Теория меня не пугала. Мы чертили в тетрадах дополнительные линии, рисовали скрипичный ключ, записывали ноты — до, ре, ми... С этими чудесами я справлялся легко. Надо ли говорить, что и тексты всех детских песенок запоминал без труда.

В те годы я слыл в своем окружении великим декламатором. Я рассказывал стихи без запинки и с таким энтузиазмом, что перед моими воплями пасовал любой громкоговоритель. В классе подрагивала люстра. Из коридора заглядывали любопытные прохожие. Меня выставляли как секретное оружие класса на всех утренниках и праздниках. В области чтения стихов я был, безусловно, впереди начальной школы всей. А вот пение... Представьте, что вас в цирке заставляют идти под самым куполом — по тонкой проволоке; без страховки; а вы этого никогда не делали. Каково? Вот так обстояли у меня дела на уроках пения — под куполом цирка, без страховки, с улыбочкой шагать по канату. Это было невозможно.

Мелодий я не различал вовсе. У меня имелся один мотив для всех песен. Если быть до конца честным, даже и одного мотива у меня не было. Стоило мне открыть рот, чтобы пропеть хотя бы строчку, как я его захлопывал, рот. Никакими клещами нельзя было для пения мой рот распахнуть вторично. Мария Ивановна предпринимала героические усилия.

Класс относился к моему горю душевно. Класс не понимал, как такое возможно — легко пересказывать страницы любого текста, с ходу решать любые задачки, быть лучшим учеником во всем — и не пропеть нескольких строк. Конечно, это была болезнь, клиника, и ребята сочувствовали неизвестной им беде. Они-то распевали куплеты на все лады, кто громче — только попроси!

Увы, подобная тема преследовала меня всю жизнь с таблетками. Я не мог, не умел проглотить таблетку целиком. Как со мной бились мама и бабушка! Сколько было потрачено нервов, лекарств и времени, сколько пролито слез! Меня просили запить таблетку любой жидкостью, в любом количестве; я выпивал хоть стакан, хоть два воды, чаю, компота — и все равно выплевывал кругленькую, целую, нисколько не обкусанную таблетку на ладонь. Иногда с ревом разжевывал ее, плача от горечи лекарства и от своего унижения. Всю жизнь в столовой ложке я давал таблетки чайной ложечкой, заливаю порошок водой и глотаю его в таком виде — из ложки. Стыдно, тем более что у меня часто болит голова, анальгин всегда под рукой, но проглотить таблетку я не в силах — горло зажимается намертво, рефлекторно. Такая беда, что скрывать.

Петь, то есть орать песни на один мотив, в зрелом возрасте я наострил, а вот глотать таблетки — нет, не наострил.

Так и прожил свою жизнь — однозвучно, как пушкинский дорожный колокольчик.

Гагарин

*Однажды в среду школа и вся наша детвора оказались
к космосу так близко, как никогда в жизни*

Весенний день начинался обычно. Никто не подозревал, что к вечеру соседей, школьников, взрослых и вообще все народонаселение Читы охватит восторг. Грамотные, малограмотные и вообще неграмотные люди испытали порыв необыкновенного воодушевления 12 апреля 1961 года — после сообщения прославленного диктора Юрия Левитана о первом полете человека в космос. Голос Левитана пробирал до костей, как пробирает крещенский мороз голого человека. Его баритон звучал в годы войны; от Левитана люди узнавали о главных сражениях, об окончательной победе, о смерти Сталина. От родителей мне пере-

далось суеверное чувство некоторого ужаса: если звучит голос Левитана, значит, произошло историческое событие. Отец рассказывал: когда Левитан читал сводки Информбюро, люди опускали руки и слушали, что бы они ни делали в ту минуту. Не случайно позднее Левитана осторожно оттеснили от радио: его колоссальный голос подсознательно рождал ассоциации с Великой Отечественной войной, а значит — со всенародной бедой.

Но не в тот день — 12 апреля 1961 года!

— Говорят все радиостанции Советского Союза...

Мир замер.

Разумеется, я, как и другие ребята, плохо понимал значение того апрельского полета. Но впечатление было сильное: будто бы мы победили в какой-то очередной, незримой, но тяжелой войне. Дома, после школы, я попросил у старшего брата разъяснений — что такое космос, почему так важно в него выйти... Лешка отмахивался; до полуночи по радио звучали выступления Никиты Хрущева, заявления партии и правительства, речи, стихи. Братишка наряду с бабушкой — суеверной и верной слушательницей радио — прилип к приемнику.

На другой день в семье появились газеты. Первые страницы заполнили портреты космонавта, доклады и обращения. Наконец в углу Лешка отыскал нужную информацию.

— Вот здесь, — сказал он. — После набора первой космической скорости и отделения от последней ступени ракеты-носителя...

— А нам на башку она не свалится? Эта ступенька? — шмыгая носом, поинтересовался Сашка; не потому, что боялся падавшей с неба ракеты, а потому, что радовался возможному приключению: кто-то в колхозном поле целого космонавта ловил, а нам хотя бы часть ракеты поймать.

— Земля большая, а голова у тебя маленькая. Свободный полет по орбите... То есть Гагарин не управлял кораблем, а летел на автомате, как Белка и Стрелка? Минимальное расстояние — сто семьдесят пять километров... Максимальное — триста два километра...

— А самолеты на какой высоте летают?

— Километров десять.

— Триста километров над землей — там кончается воздух?

— Конечно. Потому и невесомость. Весомость-то на земле потому, что воздух давит — не подпрыгнуть без крыльев.

— Хорошо — в кукурузу упал. А если бы в океан?

— Ну, наверняка у него спасательная лодка была на борту.

— А в тайгу? А там медведи!

— Это просто. У всех военных летчиков есть пистолет. Тем более у космонавта. Может, у него даже автомат и гранаты с собой имелись. Запас еды, нож, бинты, фонарик — само собой.

— А нас он видел?

— Большие города видел. Реки видел. Главное, он видел, что Земля круглая и голубая.

— Почему голубая?

— Так моря и океаны голубые.

— А что такое космос?

— Космос? Весь мир. Вот для лягушек космос — мир за пределами их болота. А для нас — за пределами Земли.

— И Гагарин выскочил из болота?

— Он же не лягушка.

— А до Луны далеко? — спросил я. Лешка задумался.

— Вот ты вышел на улицу за калитку, — сказал он. — А тебе надо дойти до школы, не меньше километра. Так и до Луны: Гагарин только отворил калитку, а до Луны лететь да лететь, как до школы шагать.

— А до Сатурна?

— Ух, до Сатурна, — засмеялся очкарик-братишка. — До Луны как до школы, если ты только за калитку вышел. А до Сатурна — как до Москвы пешком. Не дойти нам, Колька, до Сатурна. Даже если по рельсам пойдём, пришибут где-нибудь или замерзнем напрочь.

Наволочка изобилия

*Однажды мама принесла с работы наволочку,
полную конфет и печенья*

Лет до восьми я не знал, что семья живет очень бедно. Понятия бедности не существовало в моей голове. Бедные и нищие — это где-то далеко, в Африке или в сказках. А в СССР все люди реально счастливы. Как я. Ребенком я был очень доволен своей жизнью.

Мама работала на мебельной фабрике инспектором отдела кадров. У нее был красивый педагогический почерк, и она с малых лет мечтала стать учителем начальных классов. Окончила техникум. Увы, жизнь развернула ее таким образом, что ни одного урока мама не провела. Вышла замуж за бравого лейтенанта, уехала в чужой городок, родила сыновей... И всю жизнь заполняла трудовые книжки своим красивым почерком.

В предновогодние дни профком, а мама входила в состав профкома, готовил подарки для фабричных детей. И вот мама приходит с работы и приносит наволочку со сладостями. Мы, четверо мальчишек, обалдели: откуда? Оказывается, в новогодние кулечки отбирались немятые конфеты, целое печенье, красивые яблоки. А раздавленные карамельки, обломки печенья, яблоки с пятнышками женщины складывали в отдельную кучу, а затем разделили эту кучу на членов профкома — их было пятеро.

И вот на стол из рога изобилия, то бишь из наволочки, потекло сказочное богатство. Другого такого пира плоти и духа я не припомню. Шоколадные конфеты встречались редко, но зато грудой лежали карамельки пяти или шести сортов — завернутые в цветные фантики продолговатые лимонные, грушевые, ягодные. Бабушка и мама любовались сладким и сладостным праздником со стороны, отказывались почему-то немедленно к нему присоединиться, а Лешка, Сашка, Сережка и я немедленно затолкали в рот кто что и начали шумно делить наволочкины сокровища. Яблоки (разумеется, червивые) сложили в одну горку, печенье (разумеется, поломанное) — в другую, конфеты (разумеется, раздавленные) по сортам — в третью. Потом начали ревизию сластей — сколько чего в каждой кучке, при этом не забывая в изобилии снабжать рты и обмениваться дельными впечатлениями от съеденного.

Если судить по тому необыкновенному эффекту, какой произвела на меня и на братьев волшебная наволочка, конфет досыта мы не ели. Печенья и яблок — тоже. Обычно все это добро строго регламентировалось и выдавалось справед-

ливо, по счету на брата. Того, что такой распорядок диктовался бедностью, у меня и в мыслях не было. Так все жили. От конфет ведь портятся зубы! Растут бока! Слабеет зрение! Сладости мама покупала малыми порциями два раза в месяц — в день аванса и в день получки, а у отца и в мыслях не было тратить деньги, например, на халву: его фантазии хватало лишь на законную поллитровку и завернутую в газету селедку. Однако не следует забывать о варенье из таежных ягод!

Деликатесом в семье считались макароны, сваренные в молоке. Бабушка усаживала всех четверых за стол и наливала каждому горячий молочный суп. Кидала в него ложку сливочного масла. Макароны имели замечательные дырки, и, когда бабуля отходила, мы искусно дули в трубочки, поднимали в молочных морях волны, пузыри, шторма.

Еще в конце пятидесятих годов в Чите часто жарили камбалу. Спорили, почему у нее глаза с одного боку. Лешка уверял, что камбала плавает на дне океана и сплющивается от тяжести воды, что глаза у нее расположены правильно, просто она плоская, как лист бумаги, как журнал или нож. Никто, конечно, не верил в эту ахинею. Каждый из братьев миллион раз видел плывущую в Читинке или Ингоде рыбу. Брат-всезнайка придумывать был мастак.

Обычной же пищей в семье была картошка и капуста во всех видах. Сажать, полоть, огребать и копать картошку все умели с малых лет, делали это сообща и без напряжения. Осенью отец ссыпал урожай в подполье, рядом с картошкой и поверх нее лежали морковка, свекла, репа. Репу я любил особенно и часто грыз ее сочные, сладкие, желтые плоды.

По выходным дням мама стряпала булочки с вареньем или повидлом. Мы называли эти булочки печенюшками. Румяные, горячие, удивительно вкусные, они тесными рядами лежали на черном противне, когда мама доставала их из духовки. Стряпала их мама всегда в изобилии, вдосталь наедались не только мы, но и соседские ребятишки. Маминых печенюшек мне шибко не хватало в трудные молодые дни.

Память — единственный парашют, с помощью которого человек способен опуститься сквозь толщу лет и оказаться на какое-то время в милой детской жизни. Плохо, если парашют дырявый и нечаянным ветром тебя отнесет от дорогой сердцу улицы в чужие края.

Народные мемуары

Александр САВЧЕНКО

ПОД ЗНАКОМ СОЁМБО

Воспоминания советского специалиста

Так получилось

Командировка в Монголию у меня оказалась совершенно непредвиденной. Мы с женой после института отработали почти четыре года в Мариинске. Там располагался один из трех строительно-монтажных участков областного управления «Мелиоводстрой». Приехали в Кемерово в 1960 году как молодые специалисты. В областном центре с новым жильем было в то время очень туго. Начальник облводхоза Росин предложил:

— Значит, ребятки, путь у вас один — в Мариинск. Там только что организовали новый участок. На нем молодой начальник. Будете начинать все практически с нуля. Тебя назначаем прорабом, а супругу — мастером. С жильем тоже устроитесь, это не Кемерово...

Самолет Ан-2 доставил нас на зеленую траву местного аэродрома. Жить у себя предложила разбитная тетьа Клава, уборщица нашей конторы:

— Мой-то все шастат да шастат по деревням... Валите ко мне, оно будет веселей...

Дом Мальковых стоял на улице Советской. Его хозяин дядя Паша работал в нашей организации разнорабочим в буровой бригаде и безвылазно сидел то в одном селе, то в другом — везде требовалась вода... У Мальковых апартаментов не было, в наличии оказались кухня и комната (зала). На кровати спала хозяйка, рядом стоял круглый стол. А за ним на полу был наш угол. Когда из Новокузнецка приехала моя теща — поведать молодоженов, то она сильно опечалилась. Посмотрела, как мы перебиваемся на чужом матрасе, и твердо заявила:

— Так, детки, жить нельзя! Перебирайтесь-ка в Сталинск. У нас начинают строить новый металлургический завод. Будет называться Запсибом...

Но мы не поддались на уговоры. Не то было время. После института надо было отрабатывать положенные три года. Вскоре нам дали комнатуху на втором этаже бывшей конторы МТС, и мы занялись ее благоустройством. По моему эскизу сантехники нашего участка сварили небольшой котел, вмазали его в

печь, протянули трубы и поставили батареи. Зимой в помещеньице было тепло и радостно, а за стеной щебетали воробьи. Однажды Долоресса ткнула пальцем в то место, где грелись птички, и он оказался на морозе в сорок градусов: между бревнами старого деревянного дома не было ни клочка пакли...

Стоит сказать, что жена имела необычное имя. В те времена еще кое-кто помнил революционерку и активную деятельницу коммунистического движения Испании Долорес Ибаррури. Мой тесть в конце тридцатых решил увековечить это имя в своей единственной дочери. Нынче оно звучит как реликт, но тогда имело особый оттенок. Сейчас Долорессу в быту часто называют просто Ларисой...

В районах северной части Кузбасса мы строили водопроводы, делали отопление, бурили скважины. На участке работало более ста человек. Чуть более десятка (я с женой, бухгалтер с кассиром и еще несколько ребят после училища) не имели криминального прошлого. Остальные кадры нам поставляла знаменитая мариинская тюрьма (в ней в разное время побывали К. Рокоссовский, Л. Русланова, Л. Гумилев, Н. Сац, Н. Клюев, Э. Федорова и даже Spartak Мишулин) и в основном расформированные к шестидесятому году лагпункты Сиблага. Сразу же должен оговориться: люди у нас были всякие, но не помню случая, чтобы кто-то на работе проявлял себя явным уркаганом или бандюгой. Были в штате рецидивисты, бывшие воры, расхитители, хулиганы и тому подобное. Кто-то отсидел по десять, по пятнадцать лет. Часто в разговоре чувствовался специфический налет. Но дорвавшийся до свободы народ в основном хотел нормальной жизни — интересной работы, хорошей зарплаты, жилья и любимого человека рядом. Были, конечно, «моментики», когда на товарищеском суде разбирали неординарные вопросы. Но на то она и жизнь...

В совхозе «Чумайский» наши ребята пробурили скважину. Пошла ключевая вода, а директор совхоза по подсказке главного бухгалтера взбрыкнул — не пожелал подписывать «процентовку». Пришлось туда ехать мне. После долгих и муторных разговоров дело уладилось. Тут была еще одна большая загвоздка. Некоторые совхозы организовывались в тот период на базе бывших лагерных отделений. Штат комплектовался без особых фантазий. Начальник лагеря становился директором. Его зам по политработе — парторгом. Начальник режима шел в завхозы. Только бедные сидельцы оставались на своих местах — им давали звание рабочих, слесарей-сантехников, плотников, доярок и тому подобное. С теми, кто проныривал в руководящее звено разных предприятий, разговаривать всегда было трудно... Они вроде бы были на страже законов, а на самом деле только мешали делу.

Возвращался я вместе с бригадой на грузовике ГАЗ-63, в кузове, обтянутом брезентом. Рядом с водителем посадили бурильщика — простывшего, с почти сорокаградусной температурой. А я с пятью ребятами разместился на куче соломы, уложенной для дальней и комфортной поездки. Расстояние — почти сто километров. Конец января. За бортом минус тридцать с большим хвостиком. Все бы ничего, скоро Мариинск, но ровно перед Верх-Чебулой наш транспорт резко тормозит. Откидывается полог, на дороге стоят двое солдат с автоматами, один командует:

— Сними шапку!

Это в мой адрес. Я неохотно стянул ушанку. Автоматчик машет рукой водителю:

— Пошел дальше!

Небывалая злоба взбушевала во мне. Спрашиваю Володю Сигутова (ему чуть больше сорока, он тут самый старший по возрасту, весьма начитанный и отсидел на далеком севере в общей сложности восемнадцать лет):

— За какие грехи они остановились на мне?

— Тут такое дело, начальник. Кто-то из деловых ребят совершил побег... У ментуры переполох...

Видимо, оно так. В этих краях, я знал, еще работал на всю катушку Орлово-Розовский лагпункт, в нем было два отделения — мужское и женское.

— А почему остановились на мне?

— Видишь ли, — снова повернулся всезнающий Володя, — побег совершил не простой человек. Примета у него наверняка такая: бледное лицо, поскольку провел много времени в трюме (понимай: в карцере). И стриженный, естественно, наголо. У нас, начальник, физиономии обветренные, загорелые. Мы с ходу с позорений отпали. А ты бледноват лицом, на солнце мало бываешь. Когда приподнял шапчонку, вертухаи узрели твою шевелюру. Вот и исчерпался их интерес...

Это меня еще больше взбесило. В голове еще не утихли споры с совхозным начальством, а тут это ... Нет, надо отсюда бежать куда-то! И как можно быстрее.

В Мариинске тоже попал под раздачу. Оказывается, с утренним поездом прибыл с проверкой Крупник — начальник нашего областного управления. Когда я появился в конторе и поздоровался, он с иронией заметил:

— Прохлаждаемся? Еще, значит, и с комфортиком... Хоть бы, товарищ прораб, солому с себя стряхнул...

Не буду передавать наш разговор. Особенно то, на каких тонах он велся. Но напоследок Крупник сказал твердо:

— Увольнять тебя не за что. Но отделаться за твою строптивость сумею...

Так и получилось. Через полтора месяца пришло сообщение. Министерство мелиорации предлагало мне и Долорессе отправиться в зарубежную командировку. На выбор: в Турцию или в Монголию.

Старичок Давидович, опытнейший бурильщик из Ленинска-Кузнецкого, оказавшийся у нас в те дни в командировке, за рюмочкой водки все расставил по местам:

— В Турции, Сань, вам делать нечего! Помнишь, что они с писателем Грибоедовым вытворили? — Еще раз наполнил себе рюмку и повторил: — Короче, нечего!

Я помнил о судьбе замечательного поэта и знал, что Грибоедов погиб в Персии...

— Дуй-ка к монголам! Там, Сань, райское место. Дочь у меня с зятем два года в Улан-Баторе прожила. Понимаешь: магазины на ночь не запираются!

Посоветовались по телефону с родственниками и решили: Монголия. Вроде и за граница, опять же совсем недалеко.

К моему изумлению, Крупник подписал такую характеристику, будто собирался женить меня на заморской красавице. В горкоме КПСС тоже написали несколько лестных слов, хотя я не состоял в рядах партии...

Побывали с Долорессой в Москве, в Минводхозе выяснили, что у нас на руках ребенок, и предложили работу только мне одному. А ехать, мол, можно всей семьей. Это нас вполне устраивало.

Сдал я, как положено, в ЦК комсомола свой билет. По тогдашней традиции сфотографировались с женой на Красной площади и десятого мая отчалили на

поезде к месту назначения. В Омске нас встретили мои родители, посадили сына. А в Мариинске человек тридцать из наших бывших товарищей по работе окружили вагон поезда Москва — Пекин. Кто-то совал стакан с водкой и кусок колбасы, кто-то давал советы и наказания, другие наперебой лезли с горячими объятьями... Но вскоре поезд прогромыхал по мосту через реку Кию, и все осталось позади.

Улан-Батор встретил нас необыкновенной жарой. Но еще больше поразил всюду парящий кисломолочный «аромат». Он преследовал нас на перроне, внутри вокзала, в автобусе, который встречал прибывших из Союза специалистов, а потом в гостинице «Алтай». Только через несколько дней все развеялось и забылось. Вернее, мы к этой атмосфере привыкли, как к житейской неизбежности...

Самый главный из группы советских специалистов, куда я попал, оказался приветливым, очень доброжелательным человеком.

— Петр Кипа! О вас мне все известно. А вы Долоресса Дмитриевна? — Он протянул ладонь в сторону моей жены.

Меня изумила осведомленность этого симпатичного человека лет сорока пяти со странной фамилией Кипа, который успел доложить, что его вырвали сюда с большой стройки в Краснодаре. Мне не надо было рассказывать о себе. Кипа, кажется, знал всю мою поднаготную. Коснулись работы, одновременно и жилья.

— Конечно, хотел бы вас оставить в Улан-Баторе. Но в этом году необыкновенная напряженка с жильем. А у вас еще и ребенок. Очень советую Даланзадгад. Там с жильем намного проще. Причем предоставляется небывалая возможность — быть в Южной Гоби самым первым специалистом-гидротехником из Советского Союза...

Мне это, конечно польстило... Еще больше воодушевило Долорессу. Когда мы вышли из кабинета Кипы, она загадочно спросила:

— Не напоминает ли тебе эта встреча наш разговор в Кемерове, когда мы там впервые появились?

Мне нечего было ответить. Согласие на Южную Гоби было уже дано.

Кто его знает...

Шел к концу май, когда мы улетали из Улан-Батора в Даланзадгад. На бетонном поле аэродрома хрустел утренний ледок. Руки мерзли на пронизывающем северном ветру. Если кто-то не знает, Улан-Батор считается одной из холоднейших столиц в мире. Здесь по утрам удивительное небо — необычного ярко-голубого цвета, совсем без облаков. В этом краю оказались также невероятно красивыми закаты, но в минуты нашего отлета они как-то позабывались... Морозец продирает нас в легкой одежде...

Еле-еле познакомившись с монгольской столицей, мы покидали ее, думая только о том, что ждет впереди. На берегу реки Толь запрокинуло голову в небо десятиэтажное здание гостиницы «Баянгол». А напротив, в нескольких сотнях метров от дороги, растекались ряды приземистых юрт-близнецов. Только здесь, на монгольской земле, можно встретить одетую по последней европейской моде молоденькую девушку, которая осторожно ведет под руку престарелого родителя в одежде, не изменившейся со времен Чингисхана...

Когда через три часа лету самолет Ил-14 доставил нас на крошечное поле аэродрома самого южного города Монголии, мы поняли, как долго идти домой

пешком, если бы нам это разрешили... Да, были в самом начале такие минуты. Но работа есть работа.

Сюда мы прибыли всей семьей — я, жена и четырехлетний сын Андрей. Здесь находился условный город Даланзадгад — пуповина пустыни Гоби, центр Южно-Гобийского аймака. Условный — потому что каменные строения и сооружения, привычные для любого города, здесь были наперечет, а вокруг так называемого центра лепились сотни однообразных юрт. Потом оказалось, что и весь аймак, самый большой по площади среди восемнадцати аймаков страны (165 квадратных километров), держится на таких же юртах...

Самолет пробежал по бетонированной полосе и остановился около так называемого аэровокзала — небольшого кирпичного строения, смахивающего на обычный торговый склад. Прибывшего народа было не густо, и он рассосался в считанные минуты. Мне показалось, что нас выбросили на необитаемый остров, потому что до ближайших строений было километра два-три, а белолицые людишки в составе трех человек (вся моя семья) с чемоданами и несколькими корбками и пакетами оказались одни в середине неимоверного пекла. И больше никого. Мы стояли под палящим пустынным солнцем, и на нас, поднимая серую песчаную пыль, напирала раскаленная стена воздуха...

Наконец заметили, что приближается зеленый газик. Вскоре машина круто развернулась около нашего скарба. Из нее почти одновременно выскочили двое: лысоватый симпатичный мужчина лет за сорок и смуглый до черноты паренек монгольского склада.

Мужчина широко раскинул руки:

— Фу! Наконец-то... Третий день встречаем вас. Из Улан-Батора еще позавчера позвонили, что должен прилететь человек из Союза.

И, словно опомнившись, протянул большую ладонь:

— Слава Черный. Почти абориген здешних мест. Живу здесь почти три года... А это наш главный гидротехник Сухэ.

Паренек улыбнулся и кивнул головой — вроде как согласился со всем, что изложил Слава.

Даланзадгад оказался сравнительно небольшим городком с населением около четырех тысяч человек. По-монгольски «даланзадгад» — семьдесят родников. Не знаю, сколько их на самом деле — больших и маленьких. Они, как люди, рождаются и со временем умирают. Появившись на свет, родники сливаются в единый поток, убегая подальше от гор...

Почти сто лет назад усталость и жара остановили здесь несколько русских специалистов. В спекшуюся землю был вбит невысокий колышек. Потом, через много лет, к месту памятного колышка стал завозиться строительный материал с севера. Сотни километров накручивали по разбитой грунтовке грузовики с досками, цементом, стеклом, жестью. Город строился тяжело и медленно. Для этого было много причин. Монголия первой в мире переходила от феодализма сразу к социализму. Материально-техническая база в республике была слабой, отсутствовали собственные специалисты-строители. Один показатель: в стране в 1928 году насчитывалось всего 300 рабочих!

Время шло. Сначала сооружались государственные здания: магазин, школа, больница, баня, гостиница, почта, клуб. Потом появились подсобные помещения. Жилье начали строить в самую последнюю очередь. До того времени оно состояло исключительно из юрт. Монголия долгие годы оставалась страной ко-

чевого скотоводства. А в Южной Гоби ввиду специфики местных условий так и осталась старая форма пастбищного скотоводства.

С самого первого дня приходилось много ездить по аймаку, и я часто ловил себя на мысли: вот теперь к дому ближе на сто километров, а теперь — на целых двести... Аймак территориально большой, но состоял всего из пятнадцати сомонов (районов), хотя у большинства его собратьев их было под двадцать и более. Командировок вроде у меня было не так много, но они были весьма продолжительными... По неделе и больше. От восточной границы Манлай-сомона до границы с Гоби-Алтайским аймаком в сомоне Ноен надо было намотать по кривым дорогам больше тысячи километров...

Почти месяц пришлось ютиться в единственной гостинице города. Кирпичное одноэтажное здание, скорее похожее на воинскую казарму. Притирались к местному люду, к обычаям, привыкали к житейским трудностям и неудобствам. В первые дни почти вся наша жизнь была открытой, все на виду. Чужие люди знали, что мы едим, во что одеваемся утром и вечером. Даже — о чем говорим, так как простенки между номерами гостиницы были чуть толще книжной обложки.

Такое положение все чаще обескураживало. Выйдешь, бывало, в коридор, потянешься с утра, раскинув руки: «О-хо-хо!» И не понимаешь, почему отворачиваются дежурные девушки, пряча двусмысленные улыбки. Только потом узнал, что мои слова и ужимки у монголов означали «хочу женщину». Ну бывает же такое совпадение...

Единственный, кто воспринимал мир без всяких комплексов и раздумий, был маленький сын. Он быстро находил друзей. Точнее, друзья моментально находили его сами и уводили в места, где мы с женой никогда не бывали и наверняка уже не будем. Сынишку монголы звали просто «Андруша». И взрослые, и дети. Ну а мы с Долорессой привыкали к монгольским обычаям, втягивались в новый уклад жизни, учили отдельные слова, запоминали счет — первая необходимость в магазине, когда смотришь на ценник и не можешь выразить мысли подходящим словом. А в магазин надо ходить каждый день. Как говорится, с него начинается родина...

В городе находилось два магазина (по-монгольски «делгура»). Один общий, для простого населения. Во второй шли иностранные специалисты и некоторое аймачное начальство. У нас в СССР тоже тогда было что-то подобное в самых крупных городах — кто-то, наверно, помнит времена, когда функционировали советские «Березки». Но это в столичных и самых больших городах Советского Союза.

Признаться, два магазина почти ничем не отличались друг от друга. Только магазин класса VIP находился в настоящей землянке, у которой была одна входная дверь и ни единого оконца. Нутро освещала электрическая лампочка. Можно было подумать, что это бывший армейский блиндаж, оставшийся от каких-то военных учений. Зато здесь всегда стояла приятная прохлада. На полках лежали вьетнамские консервы — салаты с луком, свеклой, репой, огурцами и прочими овощами, вкус которых было трудно уловить — все перебивали национальные приправы. До обеда бывали хлеб и колбаса, но долго не залеживались. Выбор товаров почти никакой, а если мягче — весьма ограниченный. Зато можно было взять мясо и ливер по копеечным ценам. Единственное, чем привлекал этот магазин, — постоянное наличие свежего кумыса. Прославленный напиток был

отменного качества, стоял в трех алюминиевых флягах. Как говорится, пей — не хочу или сколько унесешь...

Еще одной примечательностью была деревянная бочка в углу. Ее прикрывала клетчатая клеенка. Помню, хозяйка магазина по имени Дулма провела нас к ней, убрала клеенку. Более чем наполовину бочка оказалась заполнена кетовой икрой. Искристое оранжево-красное золото продавалось по смехотворной цене (житель Южной Гоби даже с голоду не возьмет в рот дары морей и рек), и я позарился сразу на целый килограмм этого лакомства...

Как правило, брали на день большую булку бледно-серого цвета, из зерновой смеси. Хлеб выпечен не по-нашему, не очень вкусный, но зато не крошился и быстро не черствел. В гостинице стоял холодильник, и мы в нем отыскивали место для хранения икры. К нашему глубочайшему сожалению, она начала быстро сохнуть. Оказалось, что в условиях Гоби такое происходило и у моих новых коллег, которые проживали в Даланзадгаде уже более года. Чтобы дольше икра хранила свои качества, нам посоветовали добавлять в нее густой, крепкий чай. В какой-то мере совет оказался полезным...

Особенно любил наведываться в этот подземный мир наш «Андруша». На отдельных полках лежали китайские игрушки. Почти все они были из тонкого листового металла, ярко раскрашенные. Умные трактора, бегающие по столу и не падающие на пол, — они с помощью хитрого устройства замирали на самом краю столешницы и резко разворачивались назад. Обезьянки, прыгающие на руках. Взлетающие над полом самолетики с блестящим пропеллером. Хитроумные волчки с музыкой. И так далее, то есть все, что любит в любой стране мелкая пацанва...

Но вскоре все изменилось. В середине 1964 года межгосударственные отношения между Монголией и Китаем стали резко ухудшаться. И вместо китайских товаров в республику хлынули товары и продукты из стран СЭВ. Наступала новая эпоха в жизни монгольского народа, да и в нашей — тоже.

Мы быстро научились вставлять в свою речь монгольские слова, выдавая малопригодный, но все же понятный набор слов. Надо учесть, что почти половина монголов понимала русский язык, а многие сносно могли говорить по-русски. Кто-то учился и жил в СССР, кто-то тесно сотрудничал с советскими специалистами, да и в школе наш язык был главным иностранным языком.

Монгольский язык по-своему труден, но в чем-то и доступен.

— Какое в Монголии население?

— Метекуй.

— Агван, что такое «метекуй»?

— Метекуй.

— Агван, скажи, как переводится это слово?

— Не знаю.

Я долго бьюсь над новым словом «метекуй», и все говорят «не знаю, не знаю»... В конце концов выясняю, что монгольское «метекуй» — это и есть русское «не знаю». По прошествии многих лет понимаю, что подобная ситуация бывает почти с каждым новичком в чужой стране. Особенно когда он не знает азов местного языка.

На эту тему встретился даже анекдот, больше похожий на сермяжную правду.

— Что такое по-английски «I do not know»?

- Я не знаю...
- Вот кого ни спрошу — никто не знает.

Как-то утром оказался свидетелем развеселого случая. Раннее майское утро выдалось не просто холодным, а, скорее всего, морозным. К тому же за ночь выпал снежок. Он лежит не сплошняком, а большими светлыми пятнами с розовым отливом. Недалеко от гостиницы белеет множество юрт. Над некоторыми вьется легкий сизоватый дымок.

Вдруг как по команде из юрт повыскакивало больше десятка ребятишек, дошколят. В лучшем случае учеников начальных классов. Пацаны поголовно босиком. Двое, правда, в тоненьких носках. На худеньких телах — легкие телогрейки, а то и вовсе лишь клетчатые байковые рубашки. У каждого в руках лыжи — у кого детские, у кого взрослые, а у самого маленького — обыкновенные самоделки из дощечек. Вся ребятня без палок.

Пацаны сунули ноги в полукруглые крепления, предназначенные для валеюнок, и с криком «йих, йих!» понеслись по разводам блестящего снега. Не прошло и десяти минут, как пробившееся сквозь сизую тучу солнце опалило бескрайний простор. Снег на глазах таял и водой уходил в песок. А мальчишки, убежавшие от дома метров за четыреста, уже возвращались назад, поддерживая на плечах свой спортивный инвентарь.

— Дза (то есть «да»)! — улыбнулся немолодой монгол и по-русски добавил: — Теперь далеко до нового снега, больше полугода придется мальчишкам ждать...

Мимо с гиканьем пронеслась возвращающаяся ватага. У всех синие от холода ноги и красные носы на обветренных скуластых лицах.

Видно было, что мальчишки с большой радостью прокатились по последнему снегу. Точно уж: охота пуще неволи...

В плену цветов и символов

Соёмбо — это отличительный монгольский знак, символизирующий независимость. У нас раньше подобными знаками, обозначающими высшие общественные ценности, были, например, двуглавый орел, серп и молот, пятиконечная красная звезда.

Монгольское соёмбо — по сути пиктограмма, содержание которой зашифровано в традиционной народной символике. Соёмбо — относительно сложный по композиции и смысловому содержанию знак. Его ввели более трехсот лет назад, в условиях, когда население страны было поголовно безграмотным. Только язык жестов и орнаментальных мотивов в те далекие времена был более всего понятен.

Крестики, кружки, ромбики, прямоугольники, их сложные сочетания и преобразования были не просто украшением в жизни древнего народа, а приобрели магическое значение. Поэтому орнамент в Монголии можно встретить на каждом шагу. Он на всем — на одежде, на мебели, на упряжи лошадей, в книгах и журналах, на различной утвари, на курительных принадлежностях... И почти все это одинаково читается и понимается местным населением — как в Китае иероглиф.

Подходя к двери юрты, я не раз видел какие-то знаки, замысловатые переплетения фигур. Но только знающий человек понимал смысл. Например, сердечные пожелания: «Пусть никогда не угаснет огонь очага в этом доме» или «Счастье пусть будет неразлучно с обитателями этого жилища». Орнамент на

фасаде одного дома означал доброе пожелание: «Пусть человек будет счастлив и спокоен». На другом иная вязь, и тоже только осведомленный человек может прочитать: «Да сопутствует вам уравновешенное, доброе настроение». И на третьем: «Пусть у вас каждый день будет много друзей».

Знак соёмбо во времена народной революции был включен в состав герба республики и потом всегда красовался на флагах и государственных наградах.

С самого начала, а это был конец XVII века, соёмбо стал передаваться последующим поколениям как символ независимости. В верхней части эмблема увенчана символическим знаком огня, который обозначает расцвет, возрождение и процветание нации.

Ниже знака огня расположены солнце и луна. В старинных монгольских сказаниях есть такие слова: «Наш отец — молодой месяц, а мать — золотое солнце». По бокам расположены два вертикальных прямоугольника, в середине — круг с вписанными в него стилизованными изображениями двух рыбок. И еще два треугольника, обозначающие наконечники копья или стрелы острием вниз, что обозначает победу над внешним и внутренним врагом. В изображении прямоугольника издревле подразумевалась идея справедливости и благородства. А в знаке рыб — существ, не смыкающих глаз, — заключен смысл: «Пусть все женщины и мужчины будут бдительны к проискам врагов Родины!»

Цвета в Монголии тоже имеют свои смыслы. Красный выражает мужество, величие, победу. Голубой — вечность, верность, спокойствие. В зеленом заключены благополучие и вечная молодость. Желтый — это бессмертие, власть. А белый (цвет молока и снежных вершин) подразумевает чистоту души, доброту, красоту и милосердие. И только черным цветом обозначается зло, коварство, несчастье. Поэтому в Монголии, особенно в быту, люди старались избегать этого цвета. На флаге Монголии было два цвета: красный и голубой...

Теперь каждый гражданин страны мог распоряжаться всеми цветами радуги. А совсем недавно на некоторые цвета существовала монополия господствующего класса и различных сословий. Например, исключительно хан или высокопоставленный чиновник мог жить в белом шатре. И только ламаистский храм имел право на желтый (золотистый) и оранжевый цвета...

Источники жизни

Гоби — место с самым резко континентальным климатом на нашей планете. Летняя жара в пятьдесят градусов зимой может смениться на сорокаградусный мороз. Гоби разнолика — в отличие от других пустынь мира. В простонародье различают Желтую, Красную и Черную Гоби. Узкие специалисты выделяют более тридцати ландшафтных зон. За одну поездку в двести километров можно пересечь более пятнадцати таких зон. То каменистая степь, то пески с барханами, то лысые взгорья, то прожженные солнцем саксауловые рощицы...

По-монгольски «Гоби» произносится как «Говь» и означает «безводное место». Действительно, Гоби — пустынная, бесплодная местность, существующая практически без воды. Но мне, занимающемуся вопросами водоснабжения, пришлось убедиться и в том, что из этого края земли вода ушла не вся.

Местами гидрогеологические условия таковы, что вода медленно скапливается в земле в виде небольших линз и даже крохотных озер. В этих местах люди издревле копали колодцы, пили сами, поили скот и выращивали растения.

Со временем колодцы пересыхали, их затягивало песком, и они бесследно исчезали с лица земли. Другие колодцы жили веками. Встречаются колодцы, обложенные крупными камнями, которым по 200—300 лет. На камнях вертикальной старомонгольской вязью указана дата строительства такого колодца и имя человека, нашедшего здесь воду. Эти колодцы стали ритуальной ценностью монголов, их названия нанесены на географические карты, от их имени образованы названия многих поселений.

Колодец по-местному называется «худук». Гобийские монголы особо ценят воду. Не случайно среди них бытует пословица: «Мы не ценим воду, пока не высохнет источник».

На самом юге Монголии живет много китайцев, которые обосновались здесь еще в XIX веке. Люди нашли себе прибежище вблизи источников жизни. Теперь в основном остались одинокие старики и старухи, прозябающие в полуразрушенных фанзах и живущие за счет выращивания овощей: лука, чеснока, репы, моркови и фасоли. Покупают у них зелень в основном случайные путники. В последнее время стали навещаться сюда русские специалисты, которых в Даланзадгаде совсем немного. Человек двадцать с семьями, в основном водники и геологи, два строителя и зоотехник с ветеринаром. На этих островках-оазисах мне не раз приходилось покупать для себя и для друзей молодую капусту и другую зелень.

Старики, в большинстве из китайцев, были всегда рады нашему приезду, точнее, каждому живому тугрику, так как никакой пенсии никто из них не получает, а уехавшая когда-то в Китай молодежь сама кое-как сводит концы с концами.

На некоторых строящихся объектах (а это было в основном малое строительство и ремонт помещений для скота) работали китайцы — обычные гастарбайтеры. Они приезжали сюда сами по себе и зарабатывали на кусок хлеба, в отличие от специалистов из СССР, Чехословакии, Польши и ГДР, которые работали по контракту и за полноценную валюту. По крайней мере — за весомый тогда рубль...

Из Китая приезжали не только молодые парни, мужики, но и люди преклонного возраста. Помню, в одной китайской бригаде из шести человек работал длиннوزубый старик за семьдесят лет. Он обычно был весел, что-то напевал себе под нос, иногда беззлобно покрикивал на остальных работяг. Но временами этот человек мрачнел, молчал, а на вопросы огрызался и говорил что-то злое.

Я спросил у молодого китайца, немного понимавшего русскую речь:

— Что с ним?

Оказывается, то был наркоман, у которого закончился допинг, и он ждал с родины для себя подкормку. Видимо, вскоре кто-то доставлял китайцу нужное зелье. И старик снова начинал улыбаться, шутить, таскал, как молодой, тяжелые бетонные плиты для обустройства полевых колодцев...

Туда нельзя, сюда нельзя...

Первое мое крещение в сельской местности состоялось, когда я отправился в поездку со Славой Черным. Он, как старший по возрасту и настоящий абориген здешних мест, решил ввести меня в монгольскую действительность. Уселюсь с ним на заднем сиденье, рядом с водителем расположился монгольский специалист из аймачного управления — гидротехник Сухэ.

Слава выкладывал одно за другим правила моего будущего поведения при знакомстве с хозяевами и в гостях у них, особенно в юрте.

Потом, намного позже, я понял, что мой добрый друг специально заострял углы, отвечая на мою полнейшую доверчивость к его словам лукавым взглядом.

А мне все больше казалось, что я скоро попаду в совершенно другой, вывернутый наизнанку мир.

— Обращаться на «ты» к старшим здесь не принято. Если у кого-то в семье родились два близнеца, то тот, что родился на пять минут позже, старшего брата будет всю жизнь звать на «вы». К любому собеседнику, пусть он будет даже твоим другом, только на «вы»! Понял? Иначе всемирная обида!

Слава был хитрый жук и видел мою искреннюю готовность проглотить каждое его слово.

— Без спроса входить в юрту нельзя. Ясно? Правда, у кочевников бытует и другое правило. Араты, уезжая надолго из дому, всегда оставляют пищу и даже деньги для случайного путника. Мы однажды наткнулись на такую юрту. Зашли, никого нет. Только возле кровати спит ребенок лет двух. Родители его привязали за ногу к железной ножке кровати, чтоб он не смог выбраться наружу — может случиться всякое: зверье шастает, пыльный ураган налетит или начнется ливень.

Рассказ Славы походил на красивую сказку. Но я и без него уже многое знал про то, как следует вести себя здесь русскому человеку.

— Обрати внимание: в юрте нельзя самовольно садиться на северной стороне. Это у них особая почетная сторона. Поэтому твое место будет там, где укажет хозяин. Ну и, конечно, во время беседы нельзя пересаживаться на другое место, которое тебе вдруг понравится...

И почти шепотом добавил:

— Перед посещением юрты нельзя ходить до ветру: если твой пассаж заметят хозяева, это будет считаться оскорблением и неуважением к ним. К тому же не вздумай облегчиться в сторону Полярной звезды. Северная сторона тут как у нас в избе красный угол... Один из главных монгольских орденов так и называется: «Полярная звезда». Понял? А если выйдешь подышать свежим воздухом и вскоре вернешься — обязательно, входя, подавай голос. Так принято, Саша. Не я эти правила придумал. Божусь, не я...

Слава на минуту замолчал. Потом снова продолжил бесплатную лекцию.

— Тебя это не касается, но на всякий случай знай, что в юрту не заходят со своим грузом, с пустой посудой и землеройными орудиями — с лопатой или мотыгой. Все надо оставлять на улице. Такое поверье. В одном случае считается, что ты склонен к воровству, в другом — собираешься умыкнуть у хозяев счастье, а в третьем — дело может повернуть к покойнику... Еще нельзя входить с засученными рукавами. По местным обычаям люди засучивают рукава только на похоронах...

Еще минута молчания. И опять:

— Гость не должен здороваться через порог. Принято обмениваться приветствиями, только войдя в юрту. Порог юрты считается символом благосостояния и спокойствия семьи. Короче, разговаривать через порог не принято. При входе нельзя наступать и садиться на него. Я спрашивал у многих монголов: почему? Отвечают: по кочану! Таковы древние обычаи, и весь ответ. А тот, кто их нарушает, поступает неучтиво по отношению к хозяину. Ты сам увидишь: монголы сначала в дверь просовывают голову, а затем переступают порожек и здороваются. Причем всегда заходят с правой ноги...

— Я взял с собой в подарок несколько пиал. Наши, кузбасские. Как мне быть с ними?

— Это другое дело. Только подарки дарят не все сразу, а поочередно в течение всей встречи. А если у тебя был бы главный подарок, то его не показывают до конца разговора, а вручают при расставании... Нельзя приходить в гости с пустой посудой. Нужно обязательно в нее что-нибудь положить, чтобы счастье из юрты не уходило...

— Долоресса будто знала: в пиалы насовала московских конфет.

— И ты ни в коем случае не должен отказываться от угощений хозяина или хозяйки. Надо по-любому попробовать все, что выставят на стол. На доньшке пиалы нельзя оставлять остатки чая и бросать в чашку объедки. Недоеденная пища считается большим неуважением к человеку, который угощает. Люди же старались...

И Слава поднял вверх указательный палец — знак важности затронутой темы. Я уже был наслышан, что он слышет здесь великим гурманом и успел перепробовать десятки, а может быть, и сотни различных блюд...

Мой новый друг вроде задумался, замолк. Но тут же вновь зазвучал его поучающий голос:

— Монголы считают, что, как мы подаем друг другу чай, у них так только собакам воду наливают. Здесь пиалу с чаем никогда не поставят на стол перед тобой. Ее обязательно передадут из рук в руки, причем подадут правой рукой. В Монголии обычай правой руки существует уже сотни лет. И любое подношение надо принимать только в правую руку или в крайнем случае двумя руками. И еще под занавес... — Тут Слава в каком-то сладостном предвкушении слотнул слюну. — Нас наверняка угостят местной водочкой из молока — архушкой. Тост можешь говорить хоть как. Сидя, стоя или даже лежа. Но нельзя, помни, стоя пить любой алкоголь. По правилам здешнего застолья — спиртное обязательно пьют сидя.

Последнюю выкладку Славы я запомнил очень хорошо и надолго. Наша ознакомительная поездка заканчивалась удачно. В юрте местного гидротехника мы просидели около двух часов. Нас было человек шесть. Все были по горло сыты. Я впервые попробовал настоящий *сутэцай* — солонватый чай с молоком и разными приправами — с топленным жиром, жареным пшеном и чем-то еще. Сидел, ожидая отмашки нашего гидротехника Сухэ — мол, пора отчаливать. Но тот что-то шепнул хозяину юрты, и на свет божий появился трехлитровый бидон с молочной водкой.

— Так принято на пососшок, — склонил голову Слава с довольной улыбкой. Оказалось, что каждый из присутствующих должен отпить несколько глотков жидкости прямо из поданного сосуда и передать бидон соседу. Я видел, что каждый из гостей пытается схитрить. Все пили маленькими глотками и поскорее передавали посудину дальше. После третьего круга до меня дошло, что мы не вылезем из-за стола до середины ночи. Слава тоже уловил мою мысль.

— пей живее! Пока мы весь бидон не опростаем, отсюда не выберемся.

Вместо трех глотков пришлось делать пять и передавать бидон с кисло-горькой жидкостью ближайшему соседу. Слева сидел Сухэ. Он морщился и тоже глотал архушку через силу. Наш водитель, молодой крепкий парень, был соучастником пиршества. И, поскольку в этих местах никто отродясь не видел представителя автоинспекции, онпил наравне со всеми, а может, и побольше.

За столом хозяин вел себя на равных, не отставая от других. Наконец после десятого или двенадцатого круга бидон полегчал. Слава, тайно морщась, передал почти пустой бидон мне:

— Допивай. Осталось на пару глотков.

Так и получилось. Когда отъехали от сомона километра на два, Слава попросил водителя остановиться. Каждый бросился в свою сторону. Слава улыбочиво заметил мне:

— Ну, ты настоящий монгол! Главное, метнулся прочь от Полярной звезды...

Диссидент

В первой командировке в Улан-Батор я снова оказался в компании со Славой Черным. Он пошел к коллегам по своим делам. Я направился в Министерство водного хозяйства. Здесь работал заместителем министра Чогдон, человек крутой и суровый. Оказалось, что он в начале войны учился в Омске в Сельскохозяйственном институте. Был знаком с Сергеем Залыгиным, будущим писателем, который тоже учился в этом учебном заведении. Через пятнадцать лет на первый курс гидрофака института поступил и я. Деканом у нас был Андрей Гинц, бывший сокурсник Чогдона. Так что ко мне заместитель министра отнесся по-дружески и даже с явной симпатией...

Дела я свои закончил с лету, подписал командировочное удостоверение. Попил министерского чая. Здесь практиковалась настоящая чайная церемония для руководства и иностранных специалистов. Симпатичные девушки дважды за рабочий день разносили стаканы и пиалы черного чая и чая с молоком...

Вскоре мы встретились со Славой у центрального универмага. Красивое высотное здание, построенное китайцами.

Шли без всякой цели по проспекту Мира. Кстати, это самая большая улица Монголии, ее длина почти двадцать километров.

— Ты видишь того мужика в дэле*? — спросил Слава.

— Да. А что?

— Ты посмотри, внимательно посмотри...

Ничего необычного в сгорбившемся человеке я не увидел. Много людей ходит по улице с озабоченным выражением лица и с поникшей головой... Только у этого пожилого седовласого человека была заметно шаркающая походка и под шляпой подергивалась шея.

— Ты знаешь, кто это? Это бывший министр иностранных дел МНР!

Меня не удивило большое сановное звание человека. Я уже знал: в этой небольшой стране очень много высоких чинов и рангов. Удивило то, как почти нищенски — в потертом дэле, в сбитых, покрывшихся серой пылью сапогах и в мятой до неприличия шляпе — выглядел бывший мининдел.

— Спился, что ли? — спросил я.

— В том то и дело, что нет. Просчитался человек. Не в ту сторону загнул в политике...

— Это как?

* Дэле (дэли) — традиционная монгольская одежда, халат или кафтан, доходящий до колен, со стоячим воротом. — Ред.

— Цеденбал* как раз лечился в Москве. Перед этим здесь находился с визитом Суслов. Ехали они, значит, по городу. А на правительственную машину из-за угла выскочил грузовик. Нет, не покушение, не диверсия... Просто водитель привык на верблюде ездить. А тут его за баранку посадили — бедолага и жал до упора, думал, что улицы сделаны только для него...

Я к этому времени стал привыкать к монгольским правилам уличного движения. В Монголии, пожалуй, самые необычные ПДД. Точнее, они есть, но их здесь почти никто не соблюдает. Светофоры и разные знаки на дорогах имеются, но особого внимания на них никто обращает. Водители обгоняют друг друга и перестраиваются из ряда в ряд по настроению. Но вот странность: дорожные происшествия на этих дорогах очень редки...

Итак, Цеденбал пострадал. Повредил коленную чашечку. И лечился в Москве больше месяца.

— И что?

— А тут, значит, антипартийная группа почувствовала силу. В основном националисты и сторонники сближения с Китаем. Помнишь, как у Никиты Сергеевича начались осложнения с Мао... Нелады, напряженка... Вот этот товарищ и решил проявить норы. Дружков своих собрал, такие всегда чем-то недовольны и сидят по углам. Первым делом почтовые марки с портретом Чингисхана выпустили...

Я слышал о таких марках. Их вроде выпустили в обращение, но вскоре запретили к распространению. И официально они нигде не продавались. Но на встречах коллекционеров на Главпочтамте из-под полы можно было купить за сто тугриков серию из четырех марок. Я тоже, грешным делом, не удержался и заимел их для своей коллекции...

— Чем мужик теперь пробавляется, где работает?

— Ничем и нигде! Цеденбал вскоре вернулся. Хромал еще. Быстренько со своими хлопцами собрал пленум... Ну и поперли всех недовольных. Заодно и примкнувших к ним... Здесь это запросто. С работы уволили — и никуда не устроишься... Кто чем покормит — тем и живут. В тюрягу никого не засадили. Многие в чабаны подались, теперь по степям скот пасут... А этому в глушь нельзя, чем-то серьезным болеет.

Человек в коричневом дэле поздоровался со встречным мужчиной, попытался около него остановиться. Но, видимо, разговора не получилось. И он, туго натянув шляпу, пошagal дальше...

Странно для нашего глаза

С тех пор как я покинул этот загадочный край, прошло более полувека. Многое, конечно, там поменялось. Но немало и того, что осталось и по сей день... Особенности климатических и социальных условий Гоби накладывали и будут всегда накладывать отпечаток на поведение людей.

В монгольских семьях бывает много детей. Дети — бесценное богатство монгольского народа. Но их в степях кочевому народу воспитывать намного труднее, чем в городе. Основные тяготы в этом деле ложатся на женщин. И местное представление о женщине в Гоби несколько иное, чем в тепличных

* Цеденбал Юмжагийн (1916—1991) — глава Монгольской народной революционной партии (1940—1984).

городских условиях. Важно еще и то, что в прежние времена количество живущих здесь мужчин было больше количества женщин. Поэтому женщина здесь обожествлялась, оказываясь в положении царицы...

Особое отношение сложилось к беременной женщине, которую в быту иногда метко называют «человеком с тяжелыми ногами», «с двойным телом» или «с четырьмя глазами»...

Монголы глубоко верят в приметы и стараются при помощи суеверий обезопасить женщину во время беременности и предопределить счастливую жизнь будущего малыша. Я слышал много примет и поверий, связанных с тем, что не должна делать беременная женщина, их, пожалуй, десятки. Не все они, конечно, соблюдаются. И в первую очередь самими женщинами. Например, водитель одного из наших газиков Дулумха, симпатичная женщина очень крупного телосложения, почти до рождения своего очередного (четвертого или пятого по счету) ребенка ни в какую не хотела уходить с рабочего места. Моталась по аймаку в любую погоду и в любое время суток. Ни в какие приметы и запреты не верила, слыла среди других работников аймачного управления примерным членом партии и настоящей атеисткой...

Иногда в выходные дни мы собирались в общежитии, где жили несколько советских специалистов — строителей шахтных колодцев. В выходные дни все мы любили занять себя игрой в карты — чаще всего это был простой «дурачок». Иногда в нашу компанию приходила молодая женщина, страстная картежница. Она работала на телефонной станции, неплохо говорила по-русски. Ее муж был ответственным работником аймачного комитета партии. Наша гостья оставляла своих трех ребятшек на попечении мужа и шла проводить свой досуг.

Однажды сказала, что заболел маленький ребенок.

— А он с кем остался? — спросил я.

— Как с кем? Мужу дали больничный...

И еще не раз приходилось убеждаться, насколько здесь велико значение женщины.

В одной из командировок нас поместили в свободной юрте типа нашего дома приезжих. Вечером водитель, с которым мы прибыли, начал куда-то собираться.

— Далеко ли направил стопы?

— К знакомой женщине...

— Одинокая?

— Нет, замужем. Я с ней раньше встречался. Сейчас замужем.

— А как муж отнесется к твоему визиту, если узнает?

— Пусть попробует. Она ему такой отворот устроит, что он больше никогда не перешагнет порог юрты...

Возможно, отношения между водителем и неизвестной дамой были покрыты особой тайной, но суть разговора была именно такой.

А вот еще одна странная сторона монгольского быта. Не раз приходилось видеть, как на небольшом совещании или на крупном собрании сидела женщина с младенцем на руках. Никто на это не обращал внимания. Женщине по ее статусу полагалось присутствовать здесь, а малыша не с кем оставить.

Иногда ребенок начинал плакать, причем ревел так громко, что выступающего нельзя было услышать. Присутствующие на это совершенно никак не реагировали. А женщина расстегивала, потом распахивала свой дэле и, не сходя с места, начинала кормить грудью ребенка. Все понимали: что поделать, если младенец захотел кушать?

В Гоби существует правило: нельзя без нужды рвать растения и цветы. Поэтому что местная флора здесь бедна, жизнь еле теплится. Однажды жена Славы Черного Валентина прилетела из отпуска и доставила в Даланзадгад красивый букет цветов. Цветы, помню, были необычные и дорогие. Предназначались они для супруги Агвандагвы, для одной из первых, так сказать, в городе леди, у которой был день рождения. Букет за время перелета отлично сохранился и был вручен в назначенный час.

К изумлению гостя, хозяйка приняла презент без должного воодушевления. Она со скромной улыбкой отложила подарок в сторону, а Агвандагва после слов «их баярла», то есть «большое спасибо», добавил по-русски:

— Утром увезу в сомон маме. Пусть наша коза попробует московскую травку.

Еще один нетипичный для нашего взора пример. Это, как говорится, немножко из другой оперы. Однажды в сомоне на границе с Китаем мы переходили от одного водопойного пункта к другому. В группе из семи человек были две женщины. Одного из наших попутчиков, как говорится, неожиданно «прихватило». А на открытом пространстве степи куда спрячешься? Бежать за горизонт? Товарищ спокойно отошел в сторону метров на десять и, не отворачиваясь, присел, прикрывшись своим роскошным дэле... Причем не упускал случая влезть в общий разговор. Вскоре он вернулся в нашу компанию, и никто из группы не повел даже ухом. Точнее, глазом. Все совершилось как бы само собой, между делом. Лишь у меня одного осталось легкое удивление...

Гобийские монголы — бесстрашный и в то же время опасливый народ. Этому их научила история и к этому их подтолкнули жизненные обстоятельства.

Помню, как мы остановились на ночлег у самого подножия горы. Выбрали сравнительно ровную площадку. Залезли в уютные спальные мешки.

— Здесь, случайно, скорпионов нет? — спросил я.

Монгольский коллега уже засыпал, и мой вопрос выбил его из дремоты.

— Спасибо, Саша, что напомнил! Эти места как раз славятся огромными скорпионами.

Он что-то спросил у нашего водителя. Тот коротко ответил и залез глубже в свой мешок.

— Не беспокойся! Парень сделал свое дело. Всю нашу лежанку опоясал веревкой из конского волоса. Скорпион теперь не подойдет к ней и на выстрел. Лошадь у нас забивает копытами эту тварь насмерть. Поэтому скорпион не выносит конского запаха. А он навсегда сохраняется в волосяной веревке...

Я с легкой душой повернулся на другой бок. Вспомнил недавний разговор в кабинете Агвандагвы. Нас было трое.

Слава как бы мимоходом заметил:

— Газеты пишут, что климат Гоби резко меняется. Скоро и здесь появятся комары.

Агвандагва резко встрепенулся:

— Не может быть!

— Почему не может быть? Уже, говорят, в Средне-Гобийском аймаке выловили несколько экземпляров.

— Ты так не шути, Слава! Это же какая беда может быть.

Я уже слышал, что в Гоби комаров боятся больше, чем чумы. Люди не могут представить, как это маленькое гнусное насекомое может у них пить кровь.

— Вовсе и не шучу я. Мне-то от этого какая прибыль? — сказал Слава и с хитрецей поглядел в мою сторону.

Агвандагва задумался не на шутку. Потом тряхнул большой головой и твердо проговорил:

— Нет! Мы эту тварь к себе не допустим. Если надо будет, попросим вашу авиацию и взорвем в воздухе тысячу бочек бензина! Но в Гоби комара не будет!

Засыпая, видел, как по гребню дальнего склона в небо медленно поднималась огромная луна. Я не смог дожидаться, когда она оторвется от земли, и сладко провалился в сон...

И под конец хочу упомянуть еще одну отличительную черту, которая присуща многим монголам — опаздывать. Куда угодно. К отходящему поезду, на совещание или к назначенной встрече. Непунктуальность здесь дело весьма распространенное, причем на самых разных уровнях. Зная эту слабину наших друзей и хозяев, мы специально планировали разные встречи и мероприятия на некоторое время раньше, то есть оставляли для себя некоторый запас времени. Которого, к сожалению, почти всегда не хватало.

Монгольские друзья без всяких мотиваций зачастую откладывали какое-либо дело на завтра (по-местному *маргаи*). Это проявлялось не только в быту, но и в производственных отношениях. Да так, что одно время даже на государственном уровне проводилась кампания по борьбе с так называемым «маргашизмом».

Были случаи, когда мы решали сложные вопросы, и часть из них по разным причинам переносилась на завтра. А потом мои монгольские коллеги решительно все пересматривали, и мы долго с ними спорили. В большинстве случаев возвращались к первоначальному решению. Зато время было упущено. Но это, как принято говорить, совсем другая история.

Нечаянная находка

На этот раз свои дела с местным гидротехником я порешал вскоре после обеда. Стояло высокое солнце. Не хотелось вылезать из юрты на свет божий. Доржсурэн, мой коллега, был занят по горло, причем на ответственной работе — под навесом работал пункт искусственного осеменения овец.

— Ты, Саша, сходи к развалинам монастыря. Может, корсака встретишь (это местная лиса). В машине моя винтовка.

Мелкашка у Доржсурэна была всегда под боком. Только никогда он ей не пользовался. Оружие меня вполне устраивало — хоть что-то веское в руке. Не столько для самозащиты, сколько для скрашивания одиночества.

Без большого желания побрел к глиняным развалинам, что виднелись в паре километров отсюда. А что? Может, и на самом деле спрятала хвост лиса где-нибудь в уютной прохладе...

Минут через двадцать был на месте. Оказалось, что монастырские глинобитные стены были давно порушены. Все деревянные конструкции исчезли. Так и должно быть — в Гоби каждая щепочка представляет особую ценность. Часть стен завалилась — их неоднократно обливал дождь и иссекал песчаный ветер.

Подошел к одному из углов бывшего сооружения, где стена оказалась разрушенной до самой земли. В этом месте оголилось более крепкое основание. Из потрескавшейся глины торчало несколько бронзовых сосудов в виде чашечек,

рюмочек и миниатюрных пиал — в них в давности жгли благовония, а при строительстве монастыря, видимо, заложили в его основание. У нас таким образом в старину по углам сруба закладывали медные пятаки или серебряные рубли.

Я двинулся вдоль остатков внутренних стен. Никакая лиса тут, конечно, не ночевала. Зато посреди глиняных обломков наткнулся на любопытную книгу — деревянная коричневая обложка, а на желтых листах вертикальная старомонгольская вязь, выведенная черной тушью. Книга оказалась тяжелой, не меньше полутора килограммов. И сохранилась просто превосходно — страницы пропитаны воском, поэтому их не разрушила влага за многие годы.

Иду дальше вдоль той же стены. Изредка постукиваю по ее поверхности прикладом винтовки — вдруг здесь кто-то запрятал клад!.. И в какую-то секунду тональность звука резко меняется — там в стене должна быть пустота. Конечно, меня охватил азарт. На уровне груди вижу старые следы замазанного отверстия размером с футбольный мяч.

Ага, вот он, монастырский схрон! Минут десять осторожно ковыряю слезавшуюся и ссохшуюся за многие годы глину. Подвернувшийся сухой стебель не выдерживает, несколько раз трескается пополам и, наконец, становится непригодным.

Я совсем близко к сокровищу. Наконец прикладом винтовки выдавливаю последний кусок в стене. И тут обнаруживаю, что с этого места когда-то начинался дымоход от внутренней монастырской печи. Печку по какой-то причине снесли, а отверстие в стене замуровали. Внутри зияющей дыры была видна старая копоть, а в самом низу, в основании дымохода, лежали полуистлевшие кости и перья некрупных птиц.

Все понятно: давным-давно в дымоход проваливалась несчастная птица — голубь, воробей, куропатка или еще кто-то... Бедняга оказалась в западне. Она летела несколько метров вниз до этого замурованного пространства. И здесь ее настигала смерть... Через какое-то время сверху проваливалось следующее пернатое существо...

Жара, усталость, разочарование сделали свое дело. Я взял с собой найденную книгу и несколько бронзовых чашечек и отправился к сомону.

Через год (это было уже в Улан-Баторе) с моим монгольским другом Майдаром мы пришли к известному в стране ученому и литературоведу Ринчену. Я показал найденный мной фолиант. Ринчен недолго рассматривал его, потом попытожил наш краткий разговор:

— Эта книга — народное сказание. Музейной ценности сейчас нет, но со временем станет редчайшей.

Вскоре, не дожидаясь конца контракта, я улетел из Монголии в Омск — там тяжело заболел мой отец. В улан-баторской квартире на полу осталось кому-то на память около сотни различных книг. Среди них была и та, что я нашел в разрушенном монастыре в Гоби.

А несколько ритуальных сосудов, в которых когда-то монахи топили животный жир, я все-таки привез в Новокузнецк и подарил безумному любителю азиатской старины Валере Бехтереву.

В горах Гурван-Сайхан

Стоял тихий августовский вечер. Точнее, было начало вечера. Солнце шло на запад, жара уходила вместе с ним.

У нашего подъезда остановился газик, на котором обычно раскатывал по аймаку главный ветеринар Доржсурэн.

— Саша, приглашаю тебя в горы. Наберем свежего кумыса.

Ну как же отказаться от приглашения хорошего человека? Плюс ко всему благородная цель — попробовать свежайшего напитка. Я согласился без колебаний. Ведь надо было ехать в горы Гурван-Сайхан. Я давно хотел попасть туда, но никак не удавалось. А тут такая неожиданная и приятная возможность!

Это особые горы. Каким-то чудным образом они оказались внутри пустыни Гоби. Очевидно, не обошлось без мировых катаклизмов. Но теперь о той эпохе ничто не напоминало. Гурван-Сайхан — любовь каждого человека, который прожил здесь свой век, и того, кто случайно попал сюда хотя бы на один денек. Об этих горах знает с детства каждый монгол, как у нас в стране знают об Урале или Кавказе. Этим горам посвящены десятки стихов и песен, сотни картин.

От Даланзадгада на запад, в сторону гор, шла прямая накатанная дорога. У подножия мы были через полчаса. Солнце почти касалось дальних отрогов. Мы подъехали с восточной стороны. Здесь стоял легкий синеватый сумрак. Дорога, петляя, стала подниматься.

И вот мы уже в середине небольшого горного селения. Немедленно угощаемся кумысом, Доржсурэн ведет разговор о животных. Местные араты держат особый скот — яков. Между собой они называют их сарлыками. Животное, похожее на укороченного быка с бахромой по бокам из длинной отвислой шерсти. Попробовал я ячьего молока — гуще коровьих сливок и со слабым специфическим привкусом, который не могу ни с чем сравнить.

А на небе тем временем разыгрывалось ненастье. С юга, из центра горного массива, подул не просто холодный, а по-зимнему леденящий ветер. Почти над самой головой начали стягиваться сизые тучи.

— Пожалуй, поедем домой, — предложил я Доржсурэну.

Видно было, что ему тоже хотелось побыстрее убраться отсюда. Но что-то мешало.

— Сейчас мальчишку привезут, кишки у него заболели! — отозвался Доржсурэн.

Говорил он по-русски хорошо. Но монгольские обороты переводил дословно. Вместо нашего «заболел живот» сказал «заболели кишки». Так говорят монголы о хвори живота. И вообще слово «больной» у них переводится как «плохой» (по-монгольски *муха*). Всем все становится ясно, когда кто-то сказал «я сегодня плохой» («их муха байна»). Значит, человек заболел...

Пока привезли пацана, пока его осмотрел ветеринар (ну нет больше поблизости другого специалиста), пролетело еще минут двадцать. Доржсурэн был человек безотказный и весьма грамотный лекарь. Только жаль, что по части животного мира. Но и в данной ситуации, как мог, дал свои советы родителям. Короче, мальчонке требовалось всего лишь слабительное.

— Болно (то есть «хватит»), — заявила наша водительница газика.

Это была передовая работница нашего управления. Симпатичная, крупного сложения женщина. Но тут имелся один нюанс: она находилась в положении. Причем в весьма серьезном. Правда, при ее тяжеловатой фигуре это не сразу бросалось в глаза. Но мы-то знали все о нашей Дулумхе...

Неожиданно повалил снежок, сначала хлопьями, потом перешел в мелкий, крупяной и колючий. Мы начали спускаться по еле видимой дороге. Так прошло минут десять.

Вдруг на нас обрушился шквальный боковой, практически горизонтальный ветер. Он, казалось, нес сплошной поток снега... Видимость стала нулевой. Темнотища необыкновенная. Тусклые фары уперлись в снежную стену, выдавливая из себя слабые желтоватые пятна. Машина остановилась.

— Нет, мы так никуда не уедем, — проворчал Доржсурэн.

Меня начало знобить. Кузов газика продувало со всех сторон. А я красовался только в одной рубашечке с короткими рукавами — август же на дворе! Хорошо было лишь Дулумхе — она в дэле с широким поясом, в такой одежде можно перетерпеть и большой холод.

Доржсурэн вылез из машины, захотел посмотреть, где она, эта проклятая дорога, и куда дальше ехать. А то два неверных метра в сторону — и можно долго-долго лететь вниз... Прошло минуты три, хотя казалось, что время стоит на месте. Решил выйти наружу и я. При мутном свете фар прошел вперед метров пять-семь. И вдруг почувствовал, что мир куда-то провалился. Меня охватывала леденящая чернота. Я осознал, что не вижу света машины и, более того, не знаю, в какой стороне она находится. Мгновенно забыл про свой колотун, у меня мелькнула нехорошая мысль: будут завтра говорить: «Вот так нелепо в горах погибли люди». И тут на мгновение уловил вспышку фар. Это длилось доли секунды. Свет снова исчез. Но я знал теперь, где находится место моего спасения. Прошел в темноте около десятка шагов и наткнулся на капот газика. На ощупь нашел ручку дверцы. Дулумха навалилась головой на баранку руля.

— Мне очень плохо! — со стоном произнесла женщина по-монгольски.

Я догадался, что когда она уперлась головой в руль, то машинально выключила свет фар. А когда расправляла свой платок, на мгновение задела ручку дальнего света...

Доржсурэн подошел сразу же после меня. Он намного лучше ориентировался в этих местах.

— Скоро, Саша, будем на хорошей дороге. Давай, Дулумха, я сяду за руль.

Но воинственная хозяйка газика мотнула головой, не уступив своего водительского места. Она собралась с силами, включила движок машины. Доржсурэн, сгорбившись, передвигался впереди нас, а Дулумха на самой медленной скорости ехала вслед за ним.

Действительно, через какие-то четыре-пять минут нас словно прикрыл невидимый выступ скалистой горы. Ветер мгновенно стих. Снега здесь как не бывало. И даже повеяло настоящим теплом. Мы выбирались из сумерек. Неожиданно по скалам чиркнул отблеск далекого солнца. Здесь, в межгорье, стояла совершенно другая погода. Разливался ровный вечерний свет, и висела необыкновенная тишина. Дулумхе стало лучше. Она виновато улыбалась, хотя ни в чем ее вины не было. В долине быстро наступала гобийская ночь. Словно маленькие кенгуру, из-под самых колес машины прыгали в сторону тушканчики. Временами, трепеща крыльями, взлетали встревоженные птицы.

Когда я появился дома, Долоресса с Андрюхой уже ложились спать.

— Тут у вас урагана не было? — спросил я жену — с надеждой, что она расскажет, как по городу прокатился холодный вал.

— Ты что, кумысу перепил? — буркнула жена и недовольно отвернулась к стене.

Три министра

В правительствах и высочайших державных органах обычно сидят важные государственные фигуры. У них серьезная и ответственная работа. Так было и в Монголии. Но местным министрам, пожалуй, доставалось больше других. Здесь проводилась особая и традиционная кампания под названием «неделя трех министров».

Народ готовился к этой «неделе» долго и тщательно. Как-никак в дальние сомоны, то есть в малодоступную глухомань, заглядывало столичное начальство, а не простая местная сошка. Многие люди перед этим слышали фамилии больших начальников по радио да еще иногда видели их лица на газетных фотографиях. А тут великое чудо из чудес: они живьем стоят перед твоим взором!..

Сезонные мероприятия «недели трех министров» проводились под флагом проверки дел на местах. Как однажды сказал мой начальник Агвандагва: «Для поднятия духа, чтобы нюх не пропадал». Заодно происходило единение народных масс с партией. Точнее, партии с народом.

Три министра — это не лирический или символический образ, а факт, который ежегодно повторялся по твердому графику в каждом аймаке в конце лета... Когда после августовских дождей оживала немного земля и почти в каждой юрте в бурдюках зрел свежий гобийский кумыс, самый лучший в Монголии. Араты, поднося гостю пиалу с кумысом, часто уточняли: «Лучший в мире!»

Однажды я пришел с работы раньше обычного. Дверь распахнута настежь. У порога перед входом и в крошечном коридоре толпятся люди. В основном местное начальство — почетные и знатные *дарги* (то есть начальники). Многих я знал, кое с кем по-дружески здоровался в кабинетах и на улице.

Народ раздвинулся, меня пропустили в квартиру. Около Долорессы стояли трое представительных мужчин. Я догадался: высокие столичные гости. Каждый из них по очереди подал мне руку, назвал свою должность, имя.

— Министр здравоохранения такой-то, — назвал себя старший по возрасту.

— Министр образования...

— Министр культуры... Беседуем с вашей супругой.

Говорили министры на чистейшем русском языке. Видать, много пожили в Союзе, и наверняка каждый отхватил себе русскую жену.

— Какие-нибудь жалобы, предложения есть? — спросил один из министров.

— Нет, жалоб нет. Все отлично. Условия жизни великолепные. У меня много монгольских друзей, а вот у сына, — показал я на Андрюху, прижавшегося к матери, — весь Даланзадгад как свой дом...

— Это хорошо, — подытожил скорый разговор министр то ли культуры, то ли образования. — Очень было приятно познакомиться с вами и пожелать доброго здоровья!

Он внимательно оглядел фигуру Долорессы и как-то игриво добавил:

— Главное, не болейте!.. И до будущей встречи!

Я догадался: министр здравоохранения.

Министры двое суток колесили по аймаку, посещали дальние сомоны и айлы, где в двух-трех юртах жили большие семейства. На местах, как к бою, все были готовы к посещению столичных посланцев.

Слава Черный всегда был в курсе последних событий. Однажды он рассказал, как в одной юрте министры обнаружили двух старых аратов — беззубого

старика и старуху, у которой торчал последний зуб. Но дело не в этом. Министры отметили отличную гигиеническую и санитарную готовность старцев: у них на один бабкин зуб лежало две зубные щетки и не начатый тюбик пасты...

А перед отъездом в Улан-Батор по случаю завершения министерской программы состоялся банкет. Надо отдать должное: монгольские друзья всегда любили торжества, которые заканчивались банкетами.

Прием гостей состоялся в помещении местной школы. В большом коридоре в один длинный ряд составили столы, накрыли их рулоном импортной клеенки.

Пили за здоровье столичных гостей, потом за здоровье местных руководителей. На столе высилась болгарская «Плиска» и наша «Столичная». Кое-где стояла «Архи» — водка монгольского розлива. Теснился разноплановый мясной закусон: вареное баранье мясо, колбаски с ливером, колбаски с рубленным фаршем и зеленью. Лежало много свежего *хурута* (брусочков сухого спрессованного творога), китайских конфет, к которым подавали черный чай (*харцай*) и чай с молоком (*сутэцай*).

Перед важными гостями в большой чаше затейливой горкой были выложены молочные продукты. Здесь и хурут, и сыр, и *урюм* (толстый слой сливок, снятый после длительного кипячения нескольких порций молока). А рядом — сладости в яркой обертке, печенье, кусочки сахара.

Казалось, что тостам не будет конца. Слава толкнул меня в бок, приподнялся над стулом:

— А сейчас Саша провозгласит здравицу в честь нерушимой русско-монгольской дружбы!

Это был обязательный, программный тост на всех больших торжествах. И я уже по привычке поднимать бокал после подобного предложения. Правда, вслед за мной кто-то из монгольских соседей обязательно поднимал бокал за монголо-советскую дружбу. Такие уж правила...

Сказал я не более пяти слов, как недалеко от меня возникла непонятная и шумливая возня. Прервавшись, увидел, как министр культуры схватил за волосы министра образования.

Двух петухов быстро разняли. Один из министров, участвовавших в схватке, очевидно, почувствовал себя поверженным, с обидой выскочил из-за стола.

Я закончил речь о нерушимом единстве под общую веселую бурю. А красивые девушки из местной гостиницы продолжали подносить к столу бутылки спиртного. Все красавицы были, как на подбор. В одеждах нежных расцветок. Ниспадающие до щиколоток розовые, зеленые и голубые дэле, туго подпоясанные разноцветными шелковыми кушаками, подчеркивающими тонкие и гибкие талии. К слову, женский кушак всегда должен иметь длину пять-шесть метров...

— Чё было-то? — спросил я Славу.

— Ай, у моей Вальки спроси.

Его жена Валентина, крепко сбитая украинка со страстными угольями в глазах, заулыбалась, кокетничая:

— Оба захотели со мной танцевать. Ну а я пошла с одним. Божусь: не выбирала... А человек, видишь, разобиделся...

— Не облезет... — заключил Слава. — А то губу раскатал...

Еще долго сидели мы за столом. Периодически включалась радиолоа, многие выходили танцевать. Но уже без всяких приключений. И министры уже пожимали друг другу руки, забыв о недавней размолвке. Мужская дружба превыше всего.

Дороги

Капитальных шоссеек, тем более автострад в Гоби никогда не бывало. Весь транспорт проходит по наезженным трассам. Местами дороги заносит мелким песком — точно так, как у нас в Сибири глубокой осенью легким снежком. Можно сказать, что здесь нет путей, а есть только направления...

Зато по обочинам условных дорог не валяются негодные автомобильные шины и бутылки от газировки. Только изредка далеко в стороне белеют выгоревшие под солнцем и пронзенные ветрами скелеты животных — жертв прошлых бескормиц — белого и черного *дзуда*.

Белый *дзуд* приходит с внезапными снегопадами и морозами, когда животные не в силах найти себе пропитание. Черный *дзуд* тоже связан с внезапными заморозками. Но он бывает, как правило, весной. Подтаявший снег неожиданно покрывается слоем льда, все лужицы перемерзают и покрываются ледяной коркой. Скот избивает в кровь губы, пытаясь добраться до прошлогодних стеблей и живительной влаги. Две сезонные напасти приносят большой ущерб животноводству. В большом количестве гибнут верблюды, овцы, козы... Эти животные, как правило, находятся на отдаленных выпасах, рассеяны на большом пространстве. Туда в срочном порядке не завезешь ни корм, ни воду, потому что этого в запасе просто нигде нет...

Приходилось не раз проезжать возле больших побелевших скелетов. Останки верблюдов. Здесь эту скотину разводят в большом количестве. В одном сельхозобъединении (вроде нашего колхоза) может быть несколько тысяч животных. Верблюды дают много шерсти, причем ее большая доля идет на экспорт. От них получают молоко и мясо. Они чрезвычайно сильны и выносливы. С кладью до трехсот килограммов верблюд без особой «заправки» может прошагать сотни километров. Но природная стихия за несколько суток способна уничтожить сотни этих животных.

В общем, такова незавидная судьба аратов Гобийской пустыни. Не случайно до наших дней докатилась выразительная народная пословица: «Лучше быть быком, чем человеком в Гоби».

Здесь дороги почти не петляют. За исключением тех мест, где проходит государственная граница с Китаем.

Однажды в таком месте нас застала ночь. Трасса только угадывалась. Но надо отдать должное монгольским водителям: в любую темень они по каким-то понятным только им ориентирам едут туда, куда надо...

Итак, ночь застала нас на самой границе. По существу, граница обозначена только на картах. А здесь в местах редкого проживания вплотную сосуществуют китайцы и монголы. Если стоят фанзы — значит, китайцы. Если юрты — то, пожалуйста, будь гостем монголов. Такое впечатление, что люди не знают, в какой стране они живут. Пограничников вблизи нет. Четкие разграничения между странами тоже отсутствуют. Китайский скот заходит на монгольскую территорию, а монгольский, наоборот, пасется на другой стороне. Скотоводы тут живут веками, знают давно друг друга и находят общий язык. Так что никаких международных недоразумений у местных жителей в этих краях не случается.

...А наш газик стал часто менять курс. Едем то вправо, то влево. Наконец нашему водителю это надоело, и он, поднажав на газ, ринулся напрямик. Только иногда вполголоса пояснял:

— Китай, Монголия, снова Китай, опять Монголия...

Мне стало, мягко говоря, некомфортно. Я знал случаи, когда в подобных обстоятельствах советские военные, проживавшие в Монголии, в азарте охоты за дзеренами (монгольскими антилопами) пересекали на машинах невидимую для них границу. Там их задерживали китайские пограничники. Начинались мурные разборки. Ведь это как раз был период, когда между СССР и Китаем стали резко ухудшаться отношения.

В итоге небольшая группа военных, что располагалась на окраине Даланзадгада, была переведена в другое место. От этого нам и коренному населению города стало даже скучно. Потому что все раньше знали: по вечерам советские ребята будут запускать большой гидрометеорологический зонд, который медленно и красиво поднимется в высокое небо и постепенно там потеряет свои очертания...

— Дороги у нас — зашибись! Самые классные! — сказал весело водитель, молодой и не по-монгольски кучерявый парень, поведав давнюю историю.

Когда-то он со своим другом поспорил: мол, с завязанными глазами сможет проехать десять минут на самой большой скорости... И выиграл пари. Приятель завязал ему глаза и уселся возле хозяина машины.

— Я только вначале прикинул направление, — уточнил неунывающий во-дила. — А потом понеслось. Из восьмидесяти не выходил, но десять минут продержался. Один раз только машину встряхнуло — небольшим камнем попался... А так километров пятнадцать одни махом проскочили...

Короче, пока водитель нас веселил своим рассказом, мы наконец выбрались на прямую дорогу к Даланзадгаду.

Спаси и сохрани!

По книгам я знал, что прежде религией монголов был тибетский буддизм. Причем до революции 1921 года весьма распространенный. Но со временем тяга к нему у простого народа практически исчезла. Дело оказалось не в одних только революционных идеях.

Из 600 тысяч человек населения феодальной Монголии мужчины составляли около половины. Из этой половины в свою очередь почти половина была ламами! Тогда существовал строгий порядок: от каждой семьи один или несколько мальчиков должны отдаваться в монастыри. Там они прислуживали, становились монахами, молились, строили новые храмы, а простой народ платил налоги, обеспечивая им сравнительно безоблачную жизнь...

При мне в Гоби уже не было ни монастырей, ни лам. Но были живы люди, которых воспитал когда-то этот самый ламаизм. Открыто, конечно, никто не проявлял себя сторонником ушедшей религии. Но некоторые пережитки остались.

В поездках по югу страны я видел множество бывших святилищ. Это были обо (в быту чаще назывались они «ово») — культовые места монголов. В обычном виде обо представляют собой кучи из камней или дерева, украшенные различными ленточками и флажками. Как правило, располагались они возле дорог, караванных троп и пешеходных путей, на горных перевалах или на вершинах гор. Видел их и вблизи разрушенных до основания ламаистских храмов. Встречались одиночные обо и целые группы.

Как потом выяснил, это, по мнению многих, были особые места, святые пространства, где боги и духи-хозяева местности проявляют себя перед человеком. Именно здесь, в «контактной зоне» между мирами, сооружались с древних времен самые примитивные алтари из дерева, камней и даже глины. Каждый, кто попадал сюда, должен был принести свой камень или обветренный временем каменный окатыш. Во всяком случае, то, что найдет по дороге... Здесь совершались жертвоприношения и молитвы.

Человек большей частью — страдающее существо. Чтобы избавиться от телесных и духовных болячек, он готов идти на многое. В Монголии многие люди, как и везде в мире, старались избавиться от болезней и избежать несчастий. Многие пытались умаслить духов перед важной поездкой или ответственным делом. Поэтому при удобном случае человек старался задобрить бестелесных хозяев пустыни простейшим жертвоприношением в виде пищи, разбрызгивания вина, лоскутков материи, горсти риса, щепотки табака, сигарет, спичек, монет, значков, бумажных денег, пуговиц. Суть подношения заключалась не в стоимости и важности вещей, а в вере. И еще: это было почти всегда тайное, не афишируемое дело каждого человека...

В обо полагалось только что-то класть. Что-либо забирать из обо, то есть отнимать у духов, было категорически запрещено. У нас существует подобное неписаное правило: с кладбища нельзя ничего уносить домой...

Советские специалисты, работающие в Даланзадгаде, были предупреждены об этом. У кого-то, возможно, возникало желание прихватить с собой невиданную монетку или бронзового бурханчика (статуэтку Будды). Но не помню случая, чтоб кто-то из моих коллег это сделал. Среди самих монголов были своего рода атеисты. Они в быту представлялись ярыми безбожниками и обо считали чистой водой анахронизмом. Такие люди могли поковыряться среди кучи камней и прихватить с собой то, что они считали нужным или полезным.

Количество мелких жертвоприношений, матерчатых лент голубого и белого цвета на обо, как правило, увеличивалось летом. Знающие люди говорили, что именно в это время снисходит с неба владыка духов. Особым знаком схождения святых сил с небес мог быть, например, моросящий дождь, радуга или благоприятные сны, то есть то, что бывает не каждый день...

И еще об обо. Интересна легенда возникновения большой груды камней, созданной по указанию самого Тамерлана. Когда предводитель вел свои несчетные войска на завоевание новых земель, он приказал в начале похода каждому воину, проходящему мимо шатра владыки, положить по камню в общую кучу. Это было на одном из перевалов по пути в Среднюю Азию. В течение трех дней был сложен гигантский холм, число камней в котором соответствовало числу воинов, отправлявшихся в дальний поход. На обратном пути воины, оставшиеся в живых, брали из кучи по одному камню. На месте остались только камни убитых. После этого Тамерлан определил, сколько его воинов полегло в жестоких сражениях. Так появилось на свет самое легендарное обо, которое считается священным и в наши дни.

В Монголии нередко можно наблюдать такую картину. Вокруг некоторых обо монголы, не вылезая из машин, совершают троекратный объезд и едут дальше по своим делам. Иногда водитель, проезжая мимо, отдает дань уважения духу места просто троекратным нажатием на звуковой сигнал автомобиля. И беззаботно катит по своим делам дальше.

Монеты с дыркой

До этого я был далек от нумизматики. У меня даже не было этого слова в лексиконе. Когда-то в Мариинске на нашем участке работал токарь Александр Бородин. Все знали, что он с ума сходит от стародавних монет, собирает их давно и успешно — благо рядом старинный край, в земле которого до сих пор хранятся пуды медных и серебряных денег. Несколько раз я привозил ему из командировок разные монеты, увитые вензелями русских царей...

И только когда мне пришлось оказаться среди настоящего потока незнакомых мне монет, пришел к мысли: сохранить из них наиболее привлекательные.

Но, как всегда бывает, то, что дается легко, мало и ценится. На старинные монеты Востока можно было наткнуться среди разного хлама почти в каждой юрте. Особенно много было монгольских монет, которые чеканились в Советском Союзе в начале двадцатых годов. А серебряную мелочь в виде двадцатников и десятичников часто давали на сдачу в сельских магазинах. Но почти все это быстро уплывало — чаще всего в руки друзей, к русским коллегам в Даланзадгаде и гостям из Улан-Батора. Помню, как по-барски высыпал на стол полтаза меди и серебра — тут было несколько сот старинных монгольских, китайских, японских, корейских и прочих монет. С драконами и флагами, маленьких и больших, целых и часто с квадратными отверстиями.

Так что, чтобы наткнуться на незнакомую монету, не надо было ходить по пустынной земле и всматриваться в то, что периодически выметает из верхних слоев почвы ветер...

Хотя был особый случай. От скуки и безделья после празднования Надома, который на этот раз проводился в окрестностях сомона Ханхонгор, я бесцельно шел по пустынному пространству. Была первая половина июля. Унылый пейзаж с редкой растительностью не вызывал бодрящих эмоций.

Неожиданно под ногами увидел коричневый кружок. Догадался, что это монета. На песчаном грунте она лежала словно на ладони. Четкое ребро, отполированные стороны, едва схваченные патиной.

Потом я привез ее в Новокузнецк и выменял на какую-то экзотику вроде монеты Сейшельских или Мальдивских островов — все это теперь стало рядовым материалом, который можно найти у любого начинающего нумизмата, но тогда доставлялось в страну окольными путями моряками дальнего плавания и иностранными студентами, приезжавшими к нам на учебу.

Попала та старая монета в руки страстного охотника за «старым Китаем». Он определил по справочникам, что это китайская монета достоинством пять шу и относится она к 118 году до нашей эры... Пережила, выходит, сотни человеческих поколений.

Только с той монетой связана драматическая история. Итак, монета оказалась в надежных руках. Но какой-то гад утащил ее через балкон из квартиры на пятом этаже, где жил мой приятель. Утащил вместе со всей коллекцией. Прекрасный человек, влюбленный в свое хобби, директор школы, не смог пережить такую потерю. Это и другие неурядицы жизни вскоре свели его на тот свет.

...А у меня в Гоби сложился особый доступ к старым монетам. Я привозил их пригоршнями из каждой поездки по аймаку. Не надо было ходить с металлоискателем вблизи старых построек (обычно это были уничтоженные во время монгольской революции монастыри). Да и не было у нас тогда понятия о металлоискателях, которые сегодня продаются в магазинах...

Бывало, мы ехали по бескрайней пустынной местности. Вдруг кто-нибудь из моих монгольских коллег — Агван, Доржсурэн или еще кто-то, знавший про мое новое увлечение, командовал водителю:

— Давай свернем вон туда.

В конце концов мы останавливались возле одинокой юрты или небольшой фанзы. Поблизости чаще всего находился небольшой колодец. Рядом виднелись обработанные грядки с капустой, луком, репой и даже с арбузами. В дверном проеме, как правило, появлялась высохшая фигура одинокого монгола или китайца. В таком возрасте трудно определить национальность и число прожитых лет.

Здоровались. Долго не задерживались. Правда, иногда не могли отказаться от простенького угощения. Зеленый чай с пампушкой и с кусочками рафинада.

Мои коллеги показывали хозяину на меня:

— Русский человек повредил обувь. Есть ли у вас какой-нибудь запас металлических поделок?

Дедок доставал откуда-то металлическую, деревянную или картонную коробочку, иногда просто небольшой самодельный мешочек или серый чехол от японского противогаса. Высыпал содержимое на стол. Обычно это был накопившийся за многие десятилетия металлический хлам: армейские пуговицы разных времен и стран, истертые подковки для сапог, ржавые гвозди и шурупы, испорченные механизмы часов и прочая редкость, которая так просто в пустыне не валяется. И всегда среди этих «драгоценностей» мы находили несколько монет, которые тут же реквизировались не только с полного согласия хозяина, но и при его явном удовольствии и даже умилении...

Особенно интересными и разнообразными были китайские монеты прошлых веков. Их отливали из бронзы, но иногда попадались и железные. Тогда я просто не предполагал, что почти через шестьдесят лет любители старины во всем мире будут гоняться именно за такими монетами. До последнего дня жизни в Монголии я расставался с ними с большим удовольствием — ну не хранить или, еще хуже, не возить же с собой кучу металлолома. Чаще всего раздавал монеты в качестве сувениров. Из нескольких тугриков первых лет МНР все оказались при деле — в коллекциях знакомых и коллег... И сам нумизматикой больше не занимаюсь. Стал увлекаться фалеристикой. Тема собираемых значков самая простая: «Поэты и писатели мира». А монеты, когда-то побывавшие в моих руках, остались солнечным воспоминанием.

(Окончание следует.)

Константин ГОЛОДЯЕВ

НОВОСИБИРСК ГЛАЗАМИ ВАСИЛИЯ КАСАТКИНА

Василий Александрович Касаткин (1908—1992) работал в Новосибирске с 1934 года. Сначала в тресте «Запсибпроект», потом в «Горстройпроект». Участвовал в проектировании таких знаковых для Новосибирска зданий, как Сибкрайисполком и Стоквартирный дом. В годы Великой Отечественной войны Василий Александрович служил в инженерных войсках, участвовал в минных работах, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени. После войны принимал участие в проектировании зданий Новосибирска и Бердска, в том числе в разработке их генеральных планов.

Новосибирск стремительно меняет свой облик. Человек, уехавший из города лет на пять, по возвращении рискует не узнать когда-то виденных улиц. Что уж говорить о Новосибирске 1930—50-х годов: во многом он сохранился лишь на старых фотографиях, открытках, рисунках.

Василий Александрович Касаткин оставил нам целую акварельную летопись Новосибирска. Его рисунки, как архитектурные отмытки тушью, детально точны в графике, исторически и архитектурно правдивы и в то же время мягколиричны, наполнены светом и прозрачностью акварели.

В. Касаткин. Застройка по ул. Советской. 1958 г.

Год назад Музей Новосибирска организовал на улицах нашего города мобильную выставку, представившую более трех десятков репродукций работ художника. Это виды Новосибирска, где встретились в одном историческом времени тихие, патриархальные домики и новые городские здания.

На акварелях этого удивительного художника порой изображены места, которые не просто узнать: они подверглись метаморфозам времени.

Например, рисунок «Киоски Ипподромского рынка. 1948 г.». Этот рынок сформировался в 1930-х годах, когда Центральный базар стали постепенно вытеснять с нынешней площади Ленина. После войны Ипподромский рынок разделили на колхозный и вещевого. Последний выселяется на окраину города, а колхозный продолжает расширяться и сегодня является популярным местом торговли — Центральным рынком.

На другой акварели изображен шатер у Ипподромского рынка. В 1940—1970-х годах в летние месяцы во многих местах Новосибирска устанавливали круглые шатры, в которых демонстрировался популярный аттракцион «Гонки по вертикали». Каскадер на мотоцикле разогнался, заезжал на вертикальную стену под зрителями и делал по ней несколько кругов с акробатическими трюками.

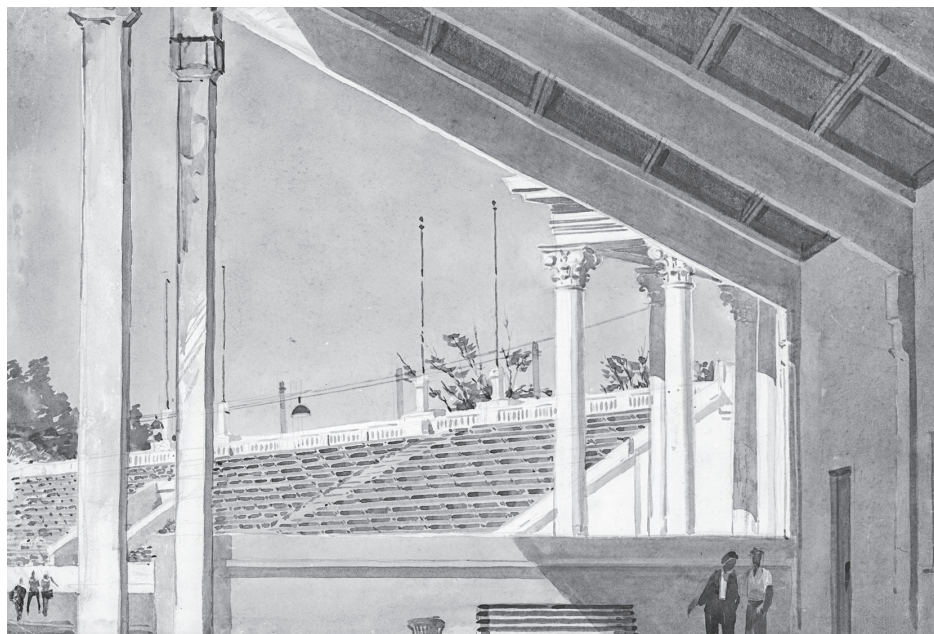
На этих рисунках Касаткина изображены внутренняя территория рынка и вид со стороны улицы Гоголя — с трамвайной линией, демонтированной позже, при строительстве метрополитена.

Нелегко узнать и «Красный проспект на пересечении с улицей Горького. 1948 г.». Дом социалистического земледелия (на заднем плане) был построен еще до войны. На его четырех этажах размещался сельскохозяйственный институт. Но в 1941 году здание было отдано эвакуированному из Ленинграда НИИ измерительных приборов, который до сих пор является одним из основных научных центров разработки средств радиолокации.

Перед ним стоят дома еще дореволюционной постройки. В розовых тонах — хорошо известные в Ново-Николаевске меблированные комнаты купца Д. Е. Барабанова. В апреле 1918-го моряки-балтийцы установили на втором

В. Касаткин. Красный проспект на пересечении с улицей Горького. 1948 г.

**В. Касаткин. Стадион «Спартак». Западная трибуна.
Вид с футбольного поля. 1966 г.**

этаже этого здания первый в городе радиоприемник, который позволил напрямую принимать информацию из Москвы. Потом здание долгое время занимала городская прокуратура. А справа находился ресторан «Московский», который принадлежал 1-й сибирской артели официантов и поваров. «Спешим известить г. г. уважаемых посетителей, что при ресторане открыта Азиатская кухня, где можно получать настоящие кавказские ШАШЛЫКИ и всевозможные кавказские кушания, под личным наблюдением кавказского кулинара» — гласила реклама. Она настойчиво приглашала горожан «убедиться лично», что «на все цены очень дешевыя»*.

Сегодня здесь стоит композиция «Сибирские просторы» с четырьмя соболями, держащими купол оперного театра, а здание Дома социалистического земледелия вместе со стоящим напротив «Домом под строкоей» составляют своеобразные ворота в Октябрьский район со стороны Красного проспекта.

Два рисунка посвящены стадиону «Спартак» — месту, знакомому каждому новосибирцу. До революции здесь находилась воинская часть городского кладбища, где были захоронены солдаты, погибшие в Первую мировую войну. В 1925 году на его месте стали строить городской стадион, которому позднее дали имя раба-гладиатора Спартака. Поначалу были построены лишь две деревянные трибуны на пять тысяч мест. Стадион торжественно открылся в 1927-м. В 1952-м в связи с ветхостью стадион был закрыт на реконструкцию, а в 1955—1956 годах на месте старой деревянной трибуны со стороны улицы Мичурина было построено новое каменное здание с длинной колоннадой в классическом стиле, перед которым разбит сквер с гипсовыми скульптурами спортсменов и последним из установленных в городе памятником Сталину. На рисунке он несколько размыт.

В 1980-х годах западная трибуна (со стороны улицы Мичурина) была полностью реконструирована.

* Голос Оби, 1913, № 4 (2 февраля), с. 4.

Две акварели изображают Вокзальную магистраль. Эта улица уже в 1926—1928 годах появилась в генеральном плане Новосибирска профессора Б. А. Коршунова. Она должна была соединить вокзал и площадь Ленина с ее помпезным Домом науки и культуры. Новая улица располагалась не в прямоугольной застройке, сложившейся в городе ранее, а в диагональной. Таким образом, Вокзальная магистраль буквально «проехала» по старым кварталам, «раздавлив» множество исторических построек.

Пробивка магистрали началась уже после войны, в 1951 году. Кстати, в Москве вообще выступали против ее строительства, указывая на будущую загрузку транзитным транспортом и конструктивные неудобства острых и тупых углов зданий. Но наши градостроители проект отстояли. В середине 1950-х на перекрестке с улицей Советской были возведены красивые и удобные дома для работников института «Сибгипротранс» по проектам архитектора К. И. Митина.

На рисунке «Строительство на Вокзальной магистрали. 1957 г.» изображены дом № 19 (слева), где находилось швейное ателье артели «Спартак» и ЗАГС Железнодорожного и Центрального районов, и дом № 21 (справа), где до постройки Академгородка размещалось Сибирское отделение Академии наук СССР под руководством М. А. Лаврентьева.

Рисунки Касаткина «Бани Федорова. 1957 г.» и «Застройка по ул. Советской. 1958 г.» изображают одну из старейших в городе площадей, которая

В. Касаткин. Строительство на Вокзальной магистрали. 1957 г.

В. Касаткин. Строительство Речного вокзала. 1970 г.

сегодня носит имя Кондратюка. В конце XIX века это была северная окраина поселка, за которой начинался лес. Когда-то площадь называлась Андреевской и служила точкой, через которую можно было переехать из центральной части города в вокзальную. Иначе никак, поскольку эти две части разделял глубокий овраг, сейчас зарытый — Михайловский лог. По дну оврага бежал ручеек, который брал свое начало как раз с площади, точнее — из озера под названием Круглое, находившегося на ее краю. За обильную грязь водоем называли еще «средионаземным морем».

В 1907 году предпринимателем Зиновием Федоровым здесь были открыты торговые бани. Каменные Федоровские бани были выстроены в 1909-м и за более чем сто лет приняли несколько поколений новосибирцев, радовали их своим щедрым жаром. В 2020-м, после долгой реконструкции, общественные бани открылись на том же месте во вновь построенном здании и сохранили свое историческое название.

А на самой площади в 1920—30-х годах находился огромный цирк-шапито «Палас» на 2200 мест. Здесь не только проходили цирковые представления, но демонстрировали фильмы и даже ставили оперетту. В 1983-м площадь получила имя Ю. В. Кондратюка, инженера, прославившегося расчетом оптимальной траектории полета космического корабля с Земли на Луну. Сейчас здесь разбит сквер «Альгамбра».

На другом рисунке Касаткина, выполненном тушью, в нехарактерной для художника манере, — знакомый всем ДК Чкалова. Первый клуб завода имени В. П. Чкалова открыли в 1945 году в соцгородке на улице Театральной (ныне ДК имени Калинина). Но уже вскоре он стал мал для огромного предприятия, и было принято решение о строительстве нового здания. Строительство шло очень долго, но вот в 1969 году на проспекте Дзержинского наконец-то был открыт шикарный Дворец культуры авиационного завода.

На крыше широкого крыльца входа в ДК установили корпус истребителя МиГ-17, вполне современной по тем временам машины. Самолет поставили на

этом месте для того, чтобы заводчане, для которых строился Дворец культуры, видели результат своего труда. Но кому-то из начальства не понравилось, что на всеобщем обозрении находится хоть и пустой, но боевой самолет, который стоит на вооружении действующей армии, и вскоре истребитель демонтировали.

Ну а Дворец культуры имени В. П. Чкалова за эти годы прославился своим добрым отношением к филателистам, фонофонистам и всякого рода объединениям коллекционеров, к музыкантам-народникам, джазменам и рокерам.

На акварелях «Спасательная станция. 1949 г.» и «Строительство Речного вокзала. 1970 г.» Касаткин увековечил берег Оби. Горожане всегда любили отдыхать на берегу. Еще в начале XX века в целях безопасности здесь, немного южнее железнодорожного моста, была построена каменная спасательная станция с высокой башней. Не один десяток бережных жизней на счету работавших там спасателей. Верой и правдой станция прослужила до 1950-х годов, пока ее не снесли при постройке коммунального автомобильного моста. В первой половине 1980-х на ее месте находился известный многим аттракцион «Луна-парк».

А с другой стороны моста, где еще в 1960-х был городской пляж, строится речной вокзал и гостиница «Обь» (проект А. А. Воловика, Ю. А. Захарова и М. М. Пирогова). Строительство затянулось, но в апреле 1974-го речники наконец открыли навигацию уже на новом месте. В начале 1970-х сюда продлили и набережную. Пляж был перенесен на левый берег Оби.

В 2017—2019 годах набережная была капитально реконструирована, ей дано имя инженера-путейца К. Я. Михайловского, и сегодня Михайловская набережная является очень популярным местом отдыха новосибирцев и гостей города.

В фокус внимания художника попал и вытрезвитель Центрального района. Он долгие годы располагался в одном из дореволюционных домов по улице Александровской (ныне Серебренниковская). Это было очень известное, даже примечательное место, поскольку клиентами его частенько были представители богемы: артисты, музыканты, писатели. В народе этот вытрезвитель прозвали «чудильником». Старожилы отзываются о нем очень хорошо. Там было тепло, тихо и чисто. Три палаты с кроватями. И вспоминают очень ловкого старшину, который умел полностью раздеть человека в два-три движения.

В середине 1980-х, в годы борьбы с пьянством, попасть в «трезвяк» мог даже слегка подвыпивший человек, нарвавшийся на милицейский патруль или народных дружинников. Утром, после пробуждения, нарушителя ждала квитанция за услуги на три рубля и «письмо позора» на работу.

Эта городская пастораль, запечатленная художником, тоже доживала последние дни, вскоре здесь развернулось строительство. Сегодня на месте вытрезвителя оживленный перекресток рядом с офисом крупного банка, а остановка трамвая № 13 находится на том же самом месте.

Акварель с видом Серебренниковской стала одной из последних работ в творчестве Василия Александровича. Его труд, без сомнения, является большим художественным вкладом в историю Новосибирска: художник оставил нам не только виды любимого города, но и ностальгически волнующие частицы повседневной жизни прошлого.

Автор благодарит за помощь в работе над очерком дочь В. А. Касаткина — архитектора Наталью Васильевну Касаткину и архитектора Анну Анатольевну Варламову.

АВТОРЫ НОМЕРА

Берязев Владимир Алексеевич родился в 1959 г. в Кузбассе. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор одиннадцати поэтических сборников, двадцати поэм и романа в стихах «Могота». Член русского ПЕН-центра. Живет в Новосибирске.

Голодяев Константин Артемович родился в 1962 г. во Владивостоке. Историк, краевед. Автор работ по истории города Новосибирска и Новосибирской области, региональной генеалогии, этнической истории региона, протогородской истории. Автор книги «Новосибирск “на ощупь”». Работает в Музее Новосибирска. Живет в Новосибирске.

Гундарин Михаил Вячеславович родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики МГУ. С 1991 г. преподает в вузе, кандидат философских наук, доцент. Автор нескольких книг стихов и прозы, критических статей. Член Союза российских писателей. Живет в Москве и Барнауле.

Зайков Николай Николаевич родился в Черемхове Иркутской области в 1953 г. В 1956 г. семья переехала в Читу, где и жила до 1961 г. В 1975-м автор окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета. Затем учительствовал в деревне, служил в армии, тридцать лет работал в газетах, из них в течение пятнадцати лет (с 1992 по 2007 г.) — главным редактором ежедневной независимой газеты «Вечерний Новосибирск». Живет в Новосибирске.

Закиров Рашит Назипович родился в 1956 г. в Норильске. Окончил юридический факультет Красноярского государственного университета. Публиковался в журналах и альманахах «День и Ночь», «Проза Сибири и Дальнего Востока» и др. Автор двух сборников стихов и рассказов. Ныне на пенсии. Живет в Красноярске.

Косарев Михаил Алексеевич родился в 1961 году в Новосибирске. Окончил факультет журналистики Томского государственного университета. Литературно-критические статьи публиковались в журналах «Литературное обозрение», «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Левина Нина родилась в 1973 г. в Керчи. Публиковалась в журналах «МОЛОКО», «ЕДИТА», «Белая скала» и др. Автор книг «Шахматы Тамерлана», «Сквозь портал» и ряда других. Живет в Керчи.

Перетокина Елена Александровна родилась в 1988 г. в Иркутске. Окончила Иркутский национальный исследовательский технический университет. Работает ведущим экономистом в ООО «Байкальская энергетическая компания». Автор книги стихов «Спутник героя». Живет в Иркутске.

Плохих Илья Николаевич родился в 1965 г. в Свердловске. Окончил Челябинский политехнический институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Работал инженером-наладчиком, электромонтером-ремонтником, журналистом-редактором. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Бельские просторы» и др. Автор книги стихов «Черная с серебром». Живет в Подмоскowie.

Савченко Александр Карпович родился на ст. Любинской под Омском. Молодым инженером приехал в Кузбасс. Более 30 лет проработал в проектном институте «Сибгипромез». Публикуется с 1969 г. Автор ряда прозаических произведений и нескольких поэтических сборников. Живет в Новокузнецке.

МАГАЗИН продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 13.09.2021. Дата выхода № 10 за 2021 г. в свет 18.10.2021.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.